

ISSN 2409-336X

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (49)
2017

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар);
д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р. гіст. навук прафесар К.М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Днепрадзяржынск, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.В. Доўгаль (Магілёў)

*Научно-методический журнал “Вестник Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А.А. Куляшова” включен в РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования),
лицензионный договор № 811–12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

БОНДАРЕНКО К. М. Главная партия русских националистов и ее Брестский уездный отдел	4
СМЯХОВІЧ М. У. Комплексная механізацыя аграрнай вытворчасці ў Савецкай Беларусі: этапы і асаблівасці (1943–1991 гг.)	18
ЯНУШЕВИЧ И. И. Формирование административно-управленческой структуры Союза безбожников в БССР (1926–1934 гг.)	23
ТЕЛЕПЕНЬ С. В. EQUITES – префекты претория в государственно-политической системе Ранней Римской империи	28
СУБОЦІН А. А. Удзел жанчын БССР у стаханаўскім руху ў другой палове 1930-х гг.	33
ЦУМАРЕВА Е. П. Российская печать о политике царского правительства на территории Беларуси (1905–1914 гг.): историография вопроса	38
КУЗЬМИН А. Д. Социально-правовое положение чиновничества белорусских губерний (1864–1914 гг.)	44
РИЕР Я. А. Власть и социум на первых этапах государствообразования в белорусских землях: теоретический аспект	49
ВИШНЕВСКИЙ М. И. Мировоззренческий синтез: образовательный аспект	53
СТАРОСТЕНКО В. В. Проблема свободы совести в законодательстве и общественно-политической мысли Российской империи начала XX в.	60
КРУГЛОВА Г. А. Экологическая политика в условиях глобализации	65
МАКАРЭВІЧ А. М. Жанрава-стыльёвыя асаблівасці фельетонаў і памфлетаў на старонках газеты-плаката “Раздавім фашысцкую гадзіну” (№№ 31-104, 1942–1943 гг.)	71
ЧАЛОВА О. Н. Специфика мены коммуникативных ролей в англоязычном научном диалоге	76
БАСОВЕЦ И. М. Эвиденциальность vs. деавторизация высказывания (на материале англо- и белорусскоязычных публицистических текстов)	80
ЯБЛОНСКАЯ О. Г. Особенности функционирования зоонимических фразеологических единиц в художественном тексте	84

РЭЦЭНЗІІ

Управление образованием в Польше в середине XIX в.: документы и факты	89
Афористичность и фактологичность однофразовых текстов (Береговская Э. Д. Стилистика однофразового текста: на материале русского, французского, английского и немецкого языков: монография. – Москва: URSS: Ленанд, 2015. – 344 с.)	91

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94(470+476)“19”

ГЛАВНАЯ ПАРТИЯ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ И ЕЕ БРЕСТСКИЙ УЕЗДНЫЙ ОТДЕЛ

К. М. Бондаренко

доктор исторических наук, профессор,
ректор Могилевского государственного
университета имени А. А. Кулешова

Статья посвящена истории создания Всероссийского национального союза и анализу состава его Брестского уездного отдела. Исследование основано на материалах отечественных и российских архивов, которые в большинстве своем впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: монархическое движение, правые партии, крайне правые, правомонархические умеренные партии, Всероссийский национальный союз, русский национализм.

Введение

Накануне и в годы Первой российской революции в политическом спектре Российской империи возникло более 50 различных общероссийских и национальных политических партий, которые с определенной долей относительности можно разделить на три направления: революционно-демократическое, либеральное и правомонархическое. Последнее в период с конца 1907 по осень 1911 г. окончательно раскололось на три течения – крайне правое, центристское и умеренно правое. Умеренно правые партии начали формироваться почти сразу же после поражения революции 1905–1907 гг. Определенным итогом этого процесса стало создание в 1908 г. Всероссийского национального союза (ВНС) – главной партии русских националистов, занимающей ведущие позиции по многим направлениям деятельности умеренно правого крыла общероссийского монархического движения.

Научная историческая литература, посвященная умеренно правым партиям, крайне немногочисленна и в основном касается ВНС. В начале нынешнего столетия вышли в свет две монографии Д.А. Коцюбинского [1] и С.М. Саньковой [2], в которых авторы показывают историю возникновения, идеологического и организационного становления, практической деятельности Всероссийского национального союза, его раскола и политического банкротства. Правда, Д.А. Коцюбинский характеризует партию русских националистов (ВНС) как организацию консервативно-либерального толка, близко сто-

ящую к Союзу 17-го октября [1, с. 9, 21, 27–28], хотя его аргументы, приводимые в подтверждение подобной позиции, не всегда убедительны, а некоторые из них, наоборот, свидетельствуют о наличии у ВНС довольно значительных общих черт с правомонархическими партиями [1, с. 7–8, 20–28, 30–39, 292–294, 494–497]. Тем более что в его создании самое активное участие принимали политические деятели Западного края, в том числе и из белорусских губерний, которые шли на выборах в III Государственную думу “в едином “правом” (антиреволюционном) блоке” [1, с. 30–31]. Этой же точки зрения придерживается (вслед за Л.М. Спириным, С.А. Степановым, Ю.И. Кирьяновым и др.) И.В. Омелянчук, который, на наш взгляд, вполне убедительно доказал, что анализ “идейных установок и политических ценностей ВНС на основании его программных документов не позволяет считать эту партию либеральной. Ведь если рассматривать идеологию ВНС сквозь призму уваровской триады (“Православие, Самодержавие и Народность”), становится очевидной ее близость к черносотенству...” [3, с. 96]. Вместе с тем в современной литературе существуют и другие мнения [4, с. 171–175]. К сожалению, в этих обстоятельных работах сведения о деятельности ВНС на территории Беларуси в начале XX в. (в силу специфики поставленных авторами задач) носят отрывочный и фрагментарный характер. Крупнейшая (по сравнению с аналогичными) умеренно правая общероссийская партия русских националистов стала в последнее время отдельным объектом исследования белорусских историков [5; 6]. Однако эти работы лишь в незначительной мере затрагивают региональный аспект проблемы и содержат в основном данные о количестве и численности отделов ВНС на территории Беларуси в рассматриваемый период. По-прежнему требуют изучения вопросы истории возникновения и организационного становления местных отделов ВНС, анализа их социального состава, обобщения положительного опыта практической деятельности.

Основная часть

Активный процесс создания главных политических партий в России приходится на время Первой российской революции и первые после-революционные годы. Этому во многом способствовали Манифест 17 Октября 1905 г., даровавший народу гражданские и политические свободы, и Закон от 4 марта 1906 г. о союзах и обществах.

В первом документе правительству вменялось в обязанности выполнение непреклонной царской воли “даровать населению незыбле-

мые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов” [7, с. 13]. Законом от 4 марта 1906 г. регламентировались создание союзов и обществ, а также правила их регистрации [8, л. 19]. Однако в силу разных причин губернаторы, градоначальники и полицейские чины не спешили с регистрацией вновь открывающихся местных отделов и подотделов вновь возникающих партий, что лишало последних права на легитимное, легальное существование и сдерживало количественный рост всей партии, а следовательно и ее влияние на общественные процессы. Ситуация поменялась в лучшую сторону после обращения за разъяснением содержания Закона от 4 марта 1906 г. в Министерство внутренних дел Главного Совета Союза Русского Народа (СРН). В ответ на запрос МВД циркуляром № 222104 от 11 октября 1906 г. направило в Главный Совет СРН следующее уведомление: “По приказанию т. Министра Департамент Общих Дел уведомляет Совет Союза Русского Народа, что 23-го минувшего сентября Департаментом циркулярно разъяснено Губернаторам о порядке открытия отделений зарегистрированными обществами на основании ст. 32. Отд. I закона 4 марта сего года о союзах и обществах, по смыслу которой зарегистрированное общество свободно открывает отделения, заявляя лишь немедленно Губернатору, градоначальнику или начальнику местной полиции по месту регистрации самого общества” [8, л. 19].

Приведенный выше документ, подписанный вице-директором Департамента Общих дел Владимиром и начальником отделения Граве, во многом объясняет тот факт, что, особенно в течение второй половины 1906, всего 1907 и первой половины 1908 г. на окраинах России наблюдается быстрый рост количества новых местных организаций монархических партий и союзов. Именно наличие законодательной базы и упрощенная система их создания и регистрации способствовали расширению географии монархического движения.

В истории возникновения и предназначения Всероссийского национального союза как крупнейшей умеренной правомонархической партии до настоящего времени многое остается загадочным и иногда трудно объяснимым. Как утверждают современные российские и общественные историки, Союз русских националистов был создан по инициативе премьер-министра России П.А. Столыпина при непосредственном покровительстве правительства, и прежде всего Министерства внутренних дел, в 1908 г. Его идейными предшественниками и изначальной организационной базой стали возникшие в ходе революции политические образования, занимающие промежуточные позиции между крайне правыми и консервативно-либеральными (октябри-

ты. – К.Б.) союзами и партиями. Среди них была и Партия правового порядка с отделами в Киеве (лидер – А.И. Савенко) и Минске (лидер – В.А. Бернов), которая выступала против революции, за сохранение самодержавия, хотя одновременно и признавала Манифест 17-го октября. В ходе избирательной кампании в III Государственную думу будущие лидеры ВНС шли, как правило, в едином правом блоке. Однако уже в самом начале работы думских заседаний в единой фракции правых произошел раскол, в результате которого образовались фракция “умеренно правых” и “национальная группа”. Ядро первой составили представители малороссов, второй – депутаты от белорусских губерний [1, с. 30–32]. Придерживаясь более консервативных взглядов, члены “национальной группы” все же вошли в состав правительственного большинства вместе с фракцией “умеренно-правых” и стали законодательной опорой столыпинского курса. Имеющиеся разногласия были в основном преодолены к лету 1908 г., что позволило националистам 3 июня зарегистрировать Устав ВНС, 18 июня провести Учредительный съезд и избрать Совет партии, а 21 июля, на его первом заседании, избрать председателя, заместителя, секретаря и казначея. Председателем ВНС стал тайный советник С.В. Рухнов, его заместителем – А.П. Урусов, а после назначения первого министром путей сообщения (1909 г.) А.П. Урусов становится исполняющим обязанности председателя [1, с. 31–32].

В течение декабря 1908 – марта 1909 г. в Петербурге лидеры фракции “умеренно правых” в III Государственной Думе создают Партию умеренно правых, 25 октября 1909 года объединились фракция “умеренно правых” и “национальная группа”, и, наконец, 31 января 1910 г. состоялось учредительное собрание всех этих националистических образований с участием ВНС, на котором было провозглашено создание единого ВНС, председателем которого был избран П.Н. Балашев, его товарищем – А.П. Урусов [1, с. 33].

В основу разработанной по поручению учредительного собрания программы Всероссийского национального союза были положены программные требования фракции умеренно-правых и национальной группы. В связи с этим основной документ новой партии отличался внутренней противоречивостью, соединяя в себе либеральные воззрения первых и традиционализм вторых. Среди либеральных положений программы следует выделить признание необходимости сохранения законодательной Государственной думы, правового равноправия граждан, общедоступности и равенства для всех, суда, неприкосновенности частной собственности, устранения политики из школы, предоставления окраинам хозяйственного самоуправления и др. Вместе с тем программа

националистов изначально включала и закрепляла ряд положений консервативного характера, которые значительно превышали их либерализм и роднили ВНС с правыми политическими партиями. Это обуславливалось прежде всего географией размещения тех общественных слоев населения (русское поместное дворянство, русские чиновники, купечество и буржуа всех уровней, православное духовенство, городские средние слои и крестьянство), которые являлись их социальной опорой в западных губерниях.

Не случайно на территории пяти белорусских губерний со второй половины 1908 г. и до начала Первой мировой войны было создано 13 отделов ВНС [9, с. 125]. Среди них одним из крупнейших по численности и неординарным по социальному составу был Брестский уездный отдел. Начало его созданию положила резолюция съезда русских землевладельцев Брестского уезда от 29 ноября 1909 г. Этот документ, содержащий в себе явную поддержку программы Всероссийского национального союза, был

одобрен съездом представителей русского населения того же уезда 16 декабря 1909 г. [10, л. 72]. Съезд постановил: 1) “Принять устав Всероссийского Национального Союза, предположить к открытию Брестский Уездный Отдел Всероссийского Национального Союза, о чем согласно § 28 Устава снести с Центральным Советом Союза, доведя до его сведения о настоятельной необходимости разъяснить § 1 Устава в духе программы Национальной фракции Государственной Думы. 2) Записать в Члены Всероссийского Национального Союза всех нижепоименованных лиц, список коих препроводить Гродненскому Губернскому Организационному Комитету и Центральному Совету Союза...” [10, л. 72]. Всего в члены отдела записалось 102 человека. Полный “Список действительных членов Брестского отдела Всероссийского Национального Союза” приводится в следующей таблице по тексту первоисточника [10, л. 73–77].

43.

Спісочы

дзействуючых членаў Гэрыскага аддзела Все-
російскага Нацыянальнага вота.

№	Імя і прозьвішча	Адрас	Прызначэнне
1.	Вахроў Тетяна Ааріманавіч	г. Мінск, вул. Дзяміядова, д. 10	Прызначэнне
2.	Вахроўна Галіна Ведоробна	г. Мінск	Прызначэнне
3. ✓	Вроўна Міхайла Міхайлавіч	г. Мінск, вул. Пашчынская, д. 10	Прызначэнне
4. ✓	Вроўна Леанід Міхайлавіч	г. Мінск, вул. Пашчынская, д. 10	Прызначэнне
5.	Марковская Яна Міхайлаўна	г. Мінск, вул. Пашчынская, д. 10	Прызначэнне
6.	Меліграўскі Фавель Ігнатэвіч	г. Мінск, вул. Пашчынская, д. 10	Прызначэнне
7.	Літвінов Іван Кірылавіч	г. Мінск, вул. Пашчынская, д. 10	Прызначэнне
8.	Стэпанов Аляксандр Фабрыкавіч	г. Мінск, вул. Пашчынская, д. 10	Прызначэнне

9.	Масловъ Александръ Александровичъ	Масловъ Александръ Александровичъ ул. Радзівіцка, № 101, Мінск
10. x	Богдановъ Николаиъ Васильевичъ	Богдановъ Николаиъ Васильевичъ ул. Мачушска, № 10, Мінск
11.	Богдановъ Николаиъ Ивановичъ	Богдановъ Николаиъ Ивановичъ ул. Мачушска, № 10, Мінск
12.	Левіцкіі Александръ Ивановичъ	Левіцкіі Александръ Ивановичъ ул. Радзівіцка, № 101, Мінск
13.	Крыжановскіі Николаиъ Николаевичъ	Крыжановскіі Николаиъ Николаевичъ ул. Радзівіцка, № 101, Мінск
14. x	Кондрашечкинъ Алексіі Петровичъ	Кондрашечкинъ Алексіі Петровичъ ул. Радзівіцка, № 101, Мінск
15.	Исаевъ Звенигъ Ивановичъ	Исаевъ Звенигъ Ивановичъ ул. Радзівіцка, № 101, Мінск
16.	Александровскіі Александръ Николаевичъ	Александровскіі Александръ Николаевичъ ул. Радзівіцка, № 101, Мінск
17.	Зотікы Николаиъ Николаевичъ	Зотікы Николаиъ Николаевичъ ул. Радзівіцка, № 101, Мінск
18.	Лисогорычъ Валісонъ Николаевичъ	Лисогорычъ Валісонъ Николаевичъ ул. Радзівіцка, № 101, Мінск
19.	Пасреднікы Гасіоръ Редзівічъ	Пасреднікы Гасіоръ Редзівічъ ул. Радзівіцка, № 101, Мінск

44

20.	Филосаровъ Иванъ Никитичъ	Старый-Оль-Солъ Котловская ул. домъ крестьяна	?
21.	Макаревичъ Степанъ Ивановичъ	братъ, славной городской Думы Григорьевичу	
22.	Казаревичъ Михаилъ Ивановичъ	братъ сына Красный. Косицынъ Дворъ Калм.-мур. сол.	?
23.	Роменко Лука Николаевичъ	братъ, славной Косицынъ Косицынъ - Макаревичъ	?
24.	Кушечкинъ Семенъ Николаевичъ	Братъ убо братъ Григорьевичу. домъ на ул. Прима ул. соб. Василь	
25.	Фригорьевъ Яковъ Гавриловичъ	Братъ убо братъ, Косицынъ предводителемъ Думы.	
26.	Кашинский Петръ Ивановичъ	Сл. в. братъ Землеуот. Комиссия	?
27.	Косицынъ Иванъ Ольковичъ	Кол. стр. Косицынъ-Дум. Сл. в. в. Косицынъ Сынъ Косицынъ, Кол. ул. Косицынъ	?
28.	Чернышевский Гантимуръ Братчикъ	Кол. стр.	
29.	Остроголовский Иванъ Леоновичъ	Кол. стр. Остроголовъ Сл. в. в. Остроголовъ Сынъ Остроголовъ, Кол.	
30.	Ивановъ Иванъ Братчикъ	Кол. стр.	

31.	Цибуцкіі Карч Братнік	Кот. ст. Брест село Вяткіцкае, Лыццкай воласці
32.	Данішчэўскі Братнік	т. н. н.
33.	Церкаўнай Данішчэўскі о. Данішчэўскі	Кот. ст. Брест Польскае с. Крэва Святкава.
34.	Данішчэўскі Братнік	т. н. н.
35.	Карч Івань-Братнік	т. н. н.
36.	Звядзкіі Жуковскі о. Іскаціі	Кот. ст. Брест с. Звядзі Лыццкай Святкава с. Брест
37.	Вішніцкай о. Іскаціі	Кот. ст. Брест с. Вішніца
38.	Ошмянскай Іскаціі-Братнік	Кот. ст. Вішніца Лыццкае село Ошмянскае Крэва Святкава
39.	Данішчэўскі Братнік	Кот. ст. Брест
40.	Карскай Соботкіі о. Іскаціі	т. н. н.
41.	Белавіцкай Карскі о.	Кот. ст. Брест Малыцкае

45

42.	Рыльчук Фросян-братнік	во.с. Маторына
43.	Фадзеткоўскай царквы Фуралеўскі в. Івадзішын	тотэ
44.	Наўшын Лука-братнік	тотэ
45.	Шрытлінскай царк Сельхавскі в. Ювяльн	во.с. Брэст, дз. Шрытлінскі Ів- шынскай вольсц
46.	Грыцук Іван-братнік	тотэ
47.	Скорніскі Фрыдрых	во.с. Маторына
48.	Наменчук Фадзім-братнік	тотэ
49.	Селішскай царк Нікальскі в. Васіль	тотэ
50.	Чыкіта Лука-братнік	тотэ
51.	Авдэгон Івдзей-братнік	тотэ
52.	Васіль Валя-братнік	высока літвенск. штаткадзінскай ц.
53.	Скорніскі в. Нікалай	во.с. Брэст
54.	Памаетонь Ніколай-братнік	тотэ
55.	Левчук Івдзей-братнік	тотэ
56.	Ліпка Ніколай-братнік	тотэ

57.	Шабало Виталий Братинич	порт. ст. брест о. епископ, туф- нянской воцесты
58.	Качевиль-Богосіѳъ Братинич	тотже
59.	Калабушевиль о. Александръ Фермоновской ц.	порт. ст. брест
60.	Виткевиль о. Павелъ Мельничковъ ц.	тотже
61.	Гавевскій о. Федоръ	порт. ст. Мельничцы
62.	Гавевцевиль Александръ- Братинич	тотже
63.	Жарановиль о. Иоаннъ Кацуской церк.	порт. ст. Каши- нецъ-Литовскъ.
64.	Ройъ Давыданъ Братинич	тотже.
65.	Корунецъ Яковъ-Братинич	тотже.
66.	Гадникъ-Мисаилъ-Братинич Кешинской церк.	тотже.
67.	Вацевиль о. Андрей Кашинецъ-Литов.	порт. ст. Магдэсто порт. ст.
68.	Будимовиль о. Маріянъ	Кашинецъ-Литовскъ
69.	Местровиль Герасимъ-Братинич Фельковской ц.	тотже.
70.	Виткевиль о. Василій Требунской ц.	порт. ст. Магдэсто
71.	Мисаилевиль о. Иоаннъ	порт. ст. брест
72.	Котовскій Герасимъ-Братинич	тотже.

76.

	Кветніцкай ³ царквы	
73.	Келасовь о. Леонидъ	конт. ст. брестъ
74.	Жыцукъ Василь-братникъ	тотже.
	Чернавіцкай ³ царквы	
75.	Григовиль Осип-братникъ	конт. ст. брестъ
	Луковскай ³ царквы	
76.	Калдубовскій о. сивдэй	конт. ст. магідаг
77.	Осипукъ Котанъ-братникъ	тотже.
78.	Миронъ Кирилъ-братникъ	тотже.
79.	Брестскаго вара Суратура Николой протойдэй Брестскай Св. Николскай ³	Брестъ Давудыч ул. саботвей. Рам.
80.	Поваровъ о. Сергій	брестъ тотже.
81.	Зноско о. Константинъ Генъ Земмуств. Кашисей	брестъ бундэ. прот. саботвейнэй Рам.
82.	Катейчукъ Фоманъ Степановъ скарсовскай ³ царквы	Кашисейскит. дд Фобанка Рейсков. кот.
83.	Рейсеръ Моисей-братникъ брестскаго вара	конт. ст. брестъ конт. ст. Демалево
84.	Пужовскій о. Стефанъ	авдучинск конт. ст. брестъ
85.	Черкезовъ Александръ Николасинъ	брестъ мшанск Боготомск Засск. Кат.

86.	Жменский Александр Николаевич	Кост. ст. Ма- дрито имени Вадима. Абура и Денис
87.	Дрокоцкий Николай Васильевич	Брестъ рэспубліка Владзімірскі раён Велья - 1970
88.	Стелюк ³ Василий ³ Васильевич	порт. с. Високаліт. им. Мешаков Вольскі раён
89.	Карнцев Никита Сергеевич	Каштроец м.р. Брестъ-Хельсінгі.
90.	Куца Никита Венедиктович	порт. с. Високаліт.
91.	Понамарев Андрей ³ Александрович	Брестъ Вячаслаў. Станіслаў. Наймечав. справа іст. сав. дзяр. Крест. вольн.
92.	Жагеловіцкая Людзія Александровна	Брестъ Мінскага- Віцебскага і Гродзенскага рэгіонаў.
93.	Штарк Людзія Яковлевна	Брестъ Карэліцкі Вішніскі склад
94.	Лукашевич Василий ³ Васильевич	³ Саміаў. Брестъ Пухавіч. шт. Валы. Купішчына
95.	Ванкевич Кістаўтін Віталеавіч	Брестъ Чарнін Вадовіч і Шчучын
96.	Андрусевская Людзія Кетэвона	С. Петрыбурскі уезд Кетывіч і Русіскага
97.	Вукалова Валентына Віктаровна	Брестъ Чарнін Пухавіч. і Шчучын

77

98.	Варанева Вадзім Стпанавна	Дыпламант Калектыві Камітэтаўскага сродкам кар'єра 1920 года
99.	Мікуцкевіч Вясемі Лодовіч	Заспадатнік Дваран- скай вясні.
100	Шышковіч Мікалай Федотавіч	Грамадская сям'я на с.б. Фасіа Заводск. ішч. 9. Фасіа 4
101	Вяселіцкая Ірына Міхайлаўна	
102	Колыкоўцава Аляксандра Міхайлаўна. Састав правлення	Браты Фасіа Заводскага наша Саюзаў Саюзаў Срэншчы

Прэсідатнік вадграна А. А. Фрошніч.
 Товариш Прэсідатнік А. Ф. Стпанавіч.
 Секрэтнік А. М. Фрошніч.
 Калначей Ілія Федраўна Вадрова.
 Члены Камітэта: М. В. Богданавіч, Іван Верніч,
 Товарыш і В. А. Жыцуніч.

Новые члены партии, согласно § 1 Устава ВНС, принимались Комитетом отдела по письменной рекомендации трех членов союза. Из общего состава отдела съезд избрал 7 членов Комитета, пять по одному от основных групп местного населения: землевладельцев, горожан, духовенства, крестьян и "представительниц женского пола" и двух от общего собрания отдела. Комитету поручалось избрать из своего состава председателя, его заместителя (товарища председателя. – *К.Б.*), секретаря и казначея, а также двух уполномоченных отдела для участия в губернском организационном собрании. В состав Комитета Брестского уездного отдела были избраны: председателем – М.М. Ерогин, товарищем председателя – А.Г. Степанов, секретарем – Л.М. Ерогин, казначеем – Ю.Ф. Сафонова, членами – М.В. Богданов, отец Сергей Товаров, В.Л. Тишук, из них уполномоченными на губернское организационное собрание – М.М. Ерогин и М.В. Богданов [10, л. 72]. Открытие и регистрация Брестского уездного отдела проходили в полном соответствии с требованиями Закона от 4 марта 1906 г. и устава ВНС. 28 января 1910 г. за подписями Гродненского губернатора и заведующего делопроизводством, старшего чиновника особых поручений губернатора Брестскому полицмейстеру поступило предписание № 92 следующего содержания: "Советом Всероссийского Национального Союза заявлено С.Петербургскому городскому по делам об Обществах Присутствию об открытии им Отдела Союза в г. Бресте. Давая знать об этом Вашему Высокоблагородию для сведения, предписываю донести мне о времени открытия действий отдела, а также и о лицах, которые войдут в состав Отдела и его Правления" [10, л. 70]. Выполняя предписание губернатора, брестский полицмейстер дает соответствующее распоряжение Комитету Брестского уездного отдела ВНС, на которое уже в феврале 1910 г. получает обстоятельный ответ: "На личное отношения (так в тексте документа. – *К.Б.*) Вашего Высокоблагородия, препровождая при сем 1) список всех Членов Отдела и 2) список членов Комитета, честь имею уведомить, что организационную деятельность свою Отдел, как Съезд представителей русских людей Брестского уезда, открыл 16 декабря 1909 г., что же касается собственно открытия самого Отдела, то днем такого Отдел полагает считать день уведомления о его регистрации, т. е. 2-ое февраля 1910 года, о чем Председатель Комитета доложит ближайшему Обществу Собранию" [10, л. 71]. Таким образом, Брестский уездный отдел Всероссийского национального союза официально оформлен 2 февраля 1910 г. 10 февраля 1910 г. эти сведения были доложены Гродненскому губернатору [10, л. 71].

Состав отдела не отличался широкой всеобщностью, хотя в него входили лица, зани-

мающие в обществе различное социальное положение. Большинство членов (и в этом заключалась одна из главных особенностей организации) являлись православными священнослужителями и членами православных братств. Их количество составляло почти 57% общей численности отдела, дворянство, местное чиновничество и крестьянство представлены единицами. Среди членов организации было 12 работников системы образования [10, л. 73–77].

Заключение

Анализ выявленных архивных документов и опубликованных материалов дает возможность с уверенностью утверждать, что Всероссийский национальный союз, как умеренно правая монархическая партия, пользовался на территории Беларуси, и в частности Гродненской губернии, достаточно серьезным влиянием. О высокой степени популярности союза свидетельствует численный и социальный состав его Брестского уездного отдела, в котором, как свидетельствуют рассмотренные выше источники, были представлены самые разные слои населения уезда при неоспоримом доминировании служителей и прихожан Русской православной церкви.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Коцюбинский, Д. А.** Русский национализм в начале XX столетия: рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза / Д. А. Коцюбинский. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 528 с.
2. **Санькова, С. М.** Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917 гг.) / С. М. Санькова. – Орел : Издатель С. В. Зенина, 2006. – 307 с.
3. **Омельяничук, И. В.** О месте Всероссийского национального союза в партийной системе начала XX в. / И. В. Омельяничук // Вопросы истории. – 2008. – № 4. – С. 95–104.
4. **Иванов, А. А.** Были ли русские националисты черносотенцами : [о статье И. В. Омельяничука] / А. А. Иванов // Вопросы истории. – 2008. – № 11. – С. 171–175.
5. **Бондаренко, К. М.** Всероссийский национальный союз в России и Беларуси (1908–1917 гг.) / К. М. Бондаренко // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Магілёў, 26–27 красавіка 2007 г. / МДУ імя А. А. Куляшова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2007. – С. 191–195.
6. **Лавринович, Д. С.** Из истории деятельности Всероссийского национального союза в Могилевской губернии начала XX века / Д. С. Лавринович // Проблемы истории и культуры Верхнего Поднепровья : Международная научно-практическая конференция, г. Могилев, 25–26 октября 2001 г. / Могилевский гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2001. – С. 40–42.
7. Самодержавие и политические партии России 1904–1917 гг. : сборник документов / отв. ред. В. А. Кувшинов. – М. : МГУ имени М. В. Ломоносова, 1995. – Вып. I. – 112 с.

8. Докладные записки отделов СРН // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 116. Оп. 1. Д. 22. Ч. 1.
9. **Бондаренко, К. М.** Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.) : монография / К. М. Бондаренко. – Могилев : УО “МГУ им. А. А. Кулешова”, 2010. – 416 с. : ил.
10. Резолюция Съезда представителей русского населения Брестского уезда от 16 декабря 1909 года // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна. – Ф. 674. Воп. 1. Спр. 80.

Поступила в редакцию 29.11.2016 г.
Контакты: rector@msu.by
(Бондаренко Константин Михайлович)

Bondarenko K.M. MAJOR RUSSIAN NATIONALISTS' PARTY AND ITS BREST PARTITION.

The article focuses on the history of the All-Russian National Union and the analysis of its Brest district partition. The research is based on the materials of the national and Russian archives the major part of which are introduced for the scientific use for the first time.

Keywords: monarchic movement, right-wing parties, extreme right-wing parties, moderate right-wing monarchic parties, All-Russian National Union, Russian nationalism.

УДК 63(476)(091) "1943/1991"

**КОМПЛЕКСНАЯ МЕХАНИЗАЦЫЯ АГРАРНАЙ
ВЫТВОРЧАСЦІ Ў САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ:
ЭТАПЫ І АСАБЛІВАСЦІ
(1943–1991 гг.)**

М. У. Смяховіч

загадчык Цэнтра Новай і Навейшай
гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі
НАН Беларусі

Працэс механізацыі прадугледжваў перавод аграрнай вытворчасці на індустрыяльную аснову. Адным з кірункаў індустрыялізацыі была комплексная механізацыя працы ў раслінаводстве і жывёлагадоўлі. Гэтае пытанне вырашалася на дзяржаўным узроўні ў перыяд распрацоўкі і рэалізацыі заданняў пяцігадовых планаў. У цэлым працэс комплекснай механізацыі калгасна-саўгаснай вытворчасці праходзіў на працягу трох этапаў, кожны з іх меў свае асаблівасці. Першы этап прыпаў на 1943–1970 гг., другі ахапіў 1971–1985 гг., трэці – 1986–1991 гг. К канцу трэцяга этапу працэс комплекснай механізацыі застаўся незавершаным, ручная праца пераважала ў 25% жывёлагадоўчых і 25–30% раслінаводчых аперацый тэхналагічнага характару.

Ключавыя словы: аграрная вытворчасць, раслінаводства, жывёлагадоўля, ручная праца, індустрыялізацыя, тэхналогія, комплекс, механізацыя, этапы, асаблівасці.

Уводзіны

У межах беларускай савецкай гістарычнай школы гісторыя аграрнай вытворчасці знайшла адлюстраванне ў розных працах: на старонках калектыўных выданняў, дысертацыйных, манаграфічных даследаванняў, навуковых артыкулаў. Сярод іх былі "Гісторыя Беларускай ССР" у пяці тамах, працы М. Злобіна [1], М. Кузняцова [2], М. Севярнёва і І. Нагорскага [3], Б. Шапіры [4], С. Шаўрука [5], В. Шытава [6], В. Саковіча [7] і інш. З замежных даследчыкаў, якія закраналі тыя ці іншыя пытанні развіцця сельскай гаспадаркі СССР і БССР, былі Б. Румэр [8], Ж. Дзюшэн [9], М. Лавінь [10] і інш. Аднак асобнай аб'ёмнаю працай па комплекснай механізацыі аграрнай вытворчасці ў БССР падрыхтавана не было.

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца вызначэнне і характарыстыка этапу і асаблівасцей развіцця працэсу механізацыі аграрнай вытворчасці ў Савецкай Беларусі на працягу 1943–1991 гг.

Асноўная частка

Адным з кірункаў аграрнай палітыкі савецкай дзяржавы была механізацыя асобных вытворчых працэсаў у жывёлагадоўлі і раслінаводстве. Працэс механізацыі прадугледжваў пазбаўленне вытворчасці ад цяжкай і непрадукцыйнай ручной працы за кошт стварэння адпаведных машын і

механізмаў. У раслінаводстве гэта былі бульбакалкі, бульбаўборачныя камбайны, камбайны па ўборцы цукровых буракоў, ільну, нарыхтоўцы кармоў і інш. Патрабаваліся машыны і прыстасаванні, якія маглі б выконваць аперацыі па культывацыі глебы, знішчэнні пустазелля, унясенні арганічных і мінеральных угнаенняў, сродкі абароны раслін ад шкоднікаў і г. д.

У жывёлагадоўлі працэс механізацыі вымагаў стварэння рабочых механізмаў па прыгатаванні і раздачы кармоў, падачы вады на фермы буйной рагатай жывёлы і свіней, выдаленні арганікі і г. д. Самай складанай праблемай была механізацыя працэсу даення кароў. Без механізацыі ўвогуле нельга было весці гаворкі ні аб эфектыўнасці, ні аб пераводзе сельгасвытворчасці на індустрыяльную аснову.

У перыяд з 1943 па 1957 г. абавязак праводзіць механізацыю ў калгасах СССР быў ускладзены на МТС. Аднак гэтая справа рухалася вельмі марудна па той прычыне, што да 1960 г. у калгасах ішло будаўніцтва жывёлагадоўчых фермаў. Акрамя таго, немагчыма было праводзіць механізацыю, да прыкладу, на фермах буйной рагатай жывёлы, без электрычнасці.

Працэс механізацыі падзяляўся на звычайную механізацыю, калі ручная праца замянялася на машынную на 1, 2, 3-х аперацыях, і комплексную, калі ўсе аперацыі выконваліся механізавана. Хуткасць гэтага працэсу залежала ад памераў капітальных укладанняў, магчымасцей айчынай сельскагаспадарчай прамысловасці і наяўнасці падрыхтаваных кадраў. Гэтая праблема вырашалася, як і ўсе астатнія, запаволена.

У цэлым працэс механізацыі можна падзяліць на **тры этапы**. Асноўным крытэрыем пры вызначэнні этапнасці паслужылі статыстычныя паказчыкі. Да прыкладу, калі ў калгасах БССР працэс механізацыі падачы вады на фермы буйной рагатай жывёлы ахапіў больш за 50% да агульнай колькасці ўтрымліваемай жывёлы, ёсць падставы сцвярджаць, што ў гэтай справе пачаўся іншы этап.

Пачатковы этап заняў досыць шмат часу. Прычым зусім невыпадкова. Справа ў тым, што для механізацыі, да прыкладу, ўборкі арганікі, патрэбна было правесці капітальны рамонт старых фермаў, усталяваць электрамеханічныя транспарцёры, абсталяваць пункты прыёму арганікі, атрымаць трактары і спецыяльныя трактарныя прыцыпы для перавозу арганікі на калгасныя палеткі. Усё гэта патрабавала вялікіх капітальных укладанняў, наяўнасці спецыялістаў па мантажы і абслугоўванні складаных механізаваных прыстасаванняў.

Не меней складанай была арганізацыя тэхналагічнага працэсу па раздачы грубых і іншых кармоў на фермах буйной рагатай жывёлы. Трэба было будаваць спецыяльныя кармакухні, кор-

мараздатчыкі, складскія памяшканні і неабходныя электрамеханічныя прыстасаванні: каранярэзкі, кормазапарнікі, апараты прыгатавання кармасумесей.

У лютым 1957 г. на Гродзенскай абласной нарадзе спецыялістаў сельскай гаспадаркі ў выступленні намесніка начальніка Гродзенскага абласнога ўпраўлення сельскай гаспадаркі А. Семянюка была выказана заклапочанасць станам справы ў галіне механізацыі жывёлагадоўчых памяшканняў. Ён адзначыў, што планы механізацыі штогод не выконваліся. У 1956 г. гэты план быў выкананы толькі на 76% па водазабеспячэнні, на 55,6% – па аўтапаенні кароў, на 12% – па машынным даенні кароў. У выніку на 1 студзеня 1957 г. толькі 14% калгасаў вобласці мелі механізаванае водазабеспячэнне, у 12% гаспадарак было механізавана водапаенне буйной рагатай жывёлы, у 0,6% калгасаў было механізавана даенне кароў. Ён дадаў: “Калі такія тэмпы механізацыя будзе доўжыцца, тады толькі да 1970 г. мы зможам механізаваць асноўныя працэсы на фермах” [11, арк. 176].

Акрамя тэмпаў, заклапочанасць выклікала і эканамічная эфектыўнасць, дакладней, той факт, што механізацыя прынесла нізкі эканамічны эффект. А. Семянюк адзначыў, што ў 1954 г. на абслугоўванне адной галавы буйной рагатай жывёлы прыпадала 42,4 працэдні, а ў свінагадоўлі – 30 працэдзён на год. У 1955 г. гэтыя паказчыкі склалі адпаведна 50,2 працэдні і 30,5 працэдні, г. зн. з укараненнем механізацыі прадукцыйнасць працы на фермах калгасаў вобласці не толькі не ўзрасла, наадварот, яна зменшылася. Да прычын, якія абумоўлівалі такое становішча, ён аднёс тое, што механізацыя фермаў праводзілася прымітыўна, някомплексна, а ўкаранёная на фермах тэхніка эксплуатавалася безгаспадарча. У шмат якіх калгасах механізмы хоць і працавалі, але пры іх укараненні не вызвалілася рабочая сіла, таму “прадукцыйнасць працы там фактычна не ўзрастала” [11, арк. 85]. Пасля гэтага прамоўца прапанаваў: “Мы павінны ісці па шляху павышэння прадукцыйнасці працы і зніжэння сабекошту прадукцыі за кошт комплекснай механізацыі працаёмкіх работ у жывёлагадоўлі” [11, арк. 86]. Гэтая прапанова была ўзята пад увагу. У рэкамендацыях нарады было выказана пажаданне ўзмацніць тэмпы механізацыі жывёлагадоўчых фермаў, ускласці на МТС механізацыю жывёлагадоўчых фермаў – да здачы аб’екта ў стане поўнай гатоўнасці. Адначасова падкрэслівалася: неабходна, каб кожны калгас меў кваліфікаванага калгаснага механіка для правільнай эксплуатацыі ўсёй тэхнікі [11, арк. 177].

У саўгасы дзяржава накіроўвала больш капітальных укладанняў – у іх працэс механізацыі праходзіў больш хутка. Гэта можна прасачыць па табліцы 1.

Табліца 1. Узровень механізацыі працы на жывёлагадоўчых фермах калгасаў і саўгасаў БССР у 1963 г. (у % да агульнай колькасці пагалоўя жывёлы) [12, с. 11]

Фермы	Буйной рагатай жывёлы		Свіней	
	калгасы	саўгасы	калгасы	саўгасы
Механізацыя падачы вады	37,1	58,3	55,3	81,8
Механізацыя раздачы кармоў	1,7	2,8	14,5	26,2
Механізацыя ўборкі арганікі	3,4	6,1	12,3	16,7
Механізацыя даення кароў	9,2	17,0	–	–

Аналіз статыстычных даных табліцы 1 паказвае, што ў 1963 г. у працэсе механізацыі значныя зрухі былі дасягнуты толькі ў падачы вады. На гэты час у калгасах БССР падача вады на фермы буйной рагатай жывёлы была механізавана на 37,3% да агульнай колькасці пагалоўя жывёлы, а ў саўгасах – на 55,3%. У калгасах падача вады на свінафермы была механізавана на 55,3% да агульнай колькасці свіней, а ў саўгасах – на 81,8%. У абодвух выпадках саўгасы апырэджавалі калгасы на 21–26% да агульнай колькасці жывёлы.

У адносінах да раздчы кармоў і ўборкі арганікі тэмпы механізацыі гэтых працэсаў у саўгасах былі амаль у 2 разы вышэй, чым у калгасах. Гэта тлумачыцца не толькі тым, што саўгасы атрымлівалі больш сродкаў на капітальныя ўкладанні, але і тым, што яны былі электрыфікаваны значна хутчэй, будаўніцтва новых фермаў ў іх адбывалася па новых тыпавых праектах, якія прадугледжвалі механізацыю вытворчых працэсаў. Важным фактарам была наяўнасць у саўгасах неабходных інжынерна-тэхнічных спецыялістаў, якіх у калгасах не хапала.

Самай нявырашанай праблемай заставалася механізацыя раздачы кармоў. Паказчык у 3,4% да агульнай колькасці буйной рагатай жывёлы, на фермах якой у калгасах быў механізаваны працэс раздачы кармоў, дазваляе зрабіць выснову, што ў гэтым кірунку неабходна было тэрмінова правесці вялікую работу. Яшчэ адной праблемай была механізацыя працэсу даення кароў. У 1963 г. было механізавана толькі 17,0% да агульнай колькасці кароў, якія ўтрымліваліся у калгасах, гэта значыць, што механічна даілася толькі 17 кароў з калгаснага статку, які налічваў 100 кароў. На самай справе гэта азначала, што ў кожным калгасе толькі адна даярка даіла кароў з дапамогай даільнай апаратуры. Астатнія выконвалі гэтую аперацыю ўручную. Па нашых падліках, у *цэлым у 1963 г. у грамадскай жывёлагадоўлі працэс механізацыі ахапіў у сярэднім прыкладна 24% усіх тэхналагічных аперацый.*

Неабходна адзначыць, што партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва БССР добра ўсведамляла жыццёвую неабходнасць і важнасць механізацыі аграрнай вытворчасці. У 1961 г. К. Мазураў прызнаваў, што “нізкі ўзровень механізацыі работ у земляробстве прыводзіць да вялікіх страт ураджаю, вялікім цяжарам кладзецца на сабекошт прадукцыі” [13, арк. 179].

У гады VIII пяцігодкі становішча палепшылася. На пачатак ліпеня 1966 г. у рэспубліцы па тыпавых праектах на індустрыяльнай аснове было пабудавана толькі 28% жывёлагадоўчых фермаў, а астатнія фермы былі пабудаваны яшчэ ў 1950-я гг. калгаснымі будаўнічымі бригадамі. Патрабавалася маштабнае тэхнічнае пераўзбраенне калгасных фермаў. Гэтаму садзейнічала Пастанова “Аб мерах па ўкараненні комплекснай механізацыі на жывёлагадоўчых фермах калгасаў і саўгасаў рэспублікі”, якая была прынята ЦК КПБ і СМ БССР. У ёй было прадугледжана заданне на 1966–1967 гг. па комплекснай механізацыі 1240 жывёлагадоўчых фермаў [2, с. 119]. У выніку па стане на 1 студзеня 1970 г. у калгасах і саўгасах БССР працэс механізацыі даення кароў дасягнуў 50% да агульнага пагалоўя, падачай вады было ахоплены 59% агульнага пагалоўя буйной рагатай жывёлы і 82% свіней.

Выкладзены фактычны матэрыял сведчыць, што *пачатковы этап механізацыі жывёлагадоўлі ў калгасах і саўгасах Беларусі завяршыўся ў 1970 г. Пасля гэтага пачаўся другі этап – этап далейшага развіцця механізацыі сельскай гаспадаркі, які прыпаў на IX–XI пяцігодкі*. На другім этапе паранейшаму самай складанай праблемай заставалася механізацыя ачысткі жывёлагадоўчых памяшканняў – 22% на фермах буйной рагатай жывёлы і раздача кармоў на гэтых жа фермах – 10% [14, арк. 75 адв]. У сувязі з гэтым у чэрвені 1971 г. была прынята машэраўская пастанова аб рэканструкцыі жывёлагадоўчых памяшканняў, паводле якой на працягу 1971–1975 гг. прадугледжвалася пабудаваць і рэканструяваць 11 тыс. фермаў, у кожнай вобласці стварыць узорна-эксперыментальныя фермы па кожным відзе жывёлы і птушкі [2, с. 120]. Такія ж пастановы прымаў і надалей (напрыклад, у 1973, 1982, 1983 гг.). Яны садзейнічалі актывізацыі працы ў кірунку механізацыі жывёлагадоўлі і раслінаводства.

У выніку працэс механізацыі ў калгасах і саўгасах значна паскорыўся. Яго дынаміку можна прасачыць па табліцы 2.

Табліца 2. Механізацыя работ у раслінаводстве, на жывёлагадоўчых фермах і ў комплексах у калгасах, саўгасах і міжгасах БССР [15, арк. 73–75 адв.]

Віды работ (у % ад агульнага аб'ёму работ)	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Пасадка гародніны	45	71	73
Уборка гародніны	14	22	26
Уборка бульбы камбайнамі	61	56	62
Церабленне лёну	68	85	95
Даенне кароў	75	92	98
Раздача кармоў на фермах і ў комплексах:			
буйной рагатай жывёлы	25	38	61
свінагадоўчых	85	81	92
птушкагадоўчых	86	96	99
Ачыстка памяшканняў:			
буйной рагатай жывёлы	48	66	84
свінагадоўчых	94	95	98
птушкагадоўчых	89	89	99
Комплексная механізацыя работ на жывёлагадоўчых фермах і ў комплексах:			
буйной рагатай жывёлы	23	37	60
свінагадоўчых	77	78	91
птушкагадоўчых	72	79	98

Аналіз фактычнага матэрыялу табліцы 2 дае магчымасць адзначыць, што ў 1975 г. механізацыя асобных відаў работ у раслінаводстве складала ад 14 да 68%. Гэта сведчыла, што працэс павольна разгортваўся, але яшчэ каля 50% работ выконваліся ўручную.

У 1980 г. працэс механізацыі ўзмацніўся. Ужо прыкладна толькі каля 30% работ да іх агульнага аб'ёма выконваліся рукамі, а ў 1985 г. гэты паказчык склаў каля 20–25%. Асабліва цяжка механізацыя ішла ў галіне ўборкі гародніны, дзе ў 1985 г. 74% усіх работ выконваліся ручной працай. Ды і з бульбай было цяжка. Да 38% работ па ўборцы бульбы ў калгасах і саўгасах усё яшчэ выконваліся прымітыўнымі бульбакапалкамі, за якімі бульбу збіралі студэнты ВДУ, тэхнікумаў, навучэнцы сярэдніх школ, шэфы прадпрыемстваў, штатныя работнікі, ваеннаслужачыя.

У галіне жывёлагадоўлі самай складанай праблемай у 1975 г. было даенне кароў – 25% ручной працы, ачыстка памяшканняў – 52% ручной працы. Гэта была самая цяжкая штодзённая праца, якую выконвалі даяркі і якая на працягу ўсяго даследуемага перыяду не давала магчымасці забяспечыць галіну маладымі кваліфікаванымі спецыялістамі. Працэс індустрыялізацыі галіны працягваўся.

Асноўнай праблемай гэтага часу была комплексная механізацыя на фермах буйной рагатай жывёлы. У 1976 г. толькі 23% тэхналагічных працэсаў было комплексна механізавана, а 77% вытворчых аперацый трэба было выконваць прымітыўнымі ручнымі прыладамі працы: віламі, рыдлёўкамі, ведрамі і інш. Толькі будаўніцтва

новых сучасных комплексаў у 1976–1985 г. зрушыла справу. У 1985 г. ужо 60% усіх тэхналагічных аперацый было комплексна механізавана. Аднак 40% вытворчых аперацый заставаліся немеханізаванымі.

Гэта былі фермы тых гаспадарак, дзе канцэнтрацыя была праведзена фармальна. У справаздачах старыя фермы такіх калгасаў і саўгасаў былі “ператвораны” ў комплексы. Сродкі на іх мадэрнізацыю не выдзяляліся, тэхналогіі заставаліся фізічна і маральна састарэлымі, таму 40% тэхналагічных аперацый па даглядзе за жывёлай выконваліся даіндустрыяльнымі метадамі.

У свінаводстве справы рухаліся значна лепш за кошт таго, што тут у асноўным будаваліся новыя комплексы. Ды і праводзіць механізацыю свінагадоўчых, птушкагадоўчых памяшканняў было значна прасцей. Таму ў 1985 г. ужо 91% свінагадоўчых і 98% птушкагадоўчых збудаванняў было комплексна механізавана.

Па нашых падліках, у цэлым у 1985 г. працэс комплекснай механізацыі ахапіў у сярэднім прыкладна 70% усіх тэхналагічных аперацый, якія выконваліся ў раслінаводстве і жывёлагадоўлі калгасаў і саўгасаў рэспублікі.

Такім чынам, вывучэнне і аналіз фактычнага матэрыялу дазваляюць сцвярджаць, што ў 1985 г. працэс як звычайнай, так і комплекснай механізацыі быў незавершаны, партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва не змагло забяспечыць выкананне праграмнай мэты па пераводзе аграрнай вытворчасці на індустрыяльную аснову.

Гэтая праца працягвалася і ў XII пяцігоддзі. За кошт капітальных укладанняў становішча ў галіне механізацыі палепшылася. Гэта можна прасачыць па табліцы 3.

Табліца 3. Механізацыя работ у раслінаводстве калгасаў, саўгасаў і міжгаспадарчых прадпрыемстваў (у % да агульнага аб’ёму работ) [15, арк. 73–75 адв.; 16, с. 61].

Год	1986	1987	1988	1989	1990
Пасадка гародніны	73	70	70	69	70
Уборка гародніны	28	28	27	30	27
Церабленне лёну	96	96	97	98	97
Уборка бульбы	69	71	74	77	71
Ачыстка зерня	98	98	97	98	99

Аналіз даных табліцы 3 паказвае, што за XII пяцігодку паспяхова завяршылася механізацыя цераблення лёну і ачысткі збажыны. Пэўныя дасягненні назіраліся ў механізацыі ўборкі цукровых буракоў – 82% да агульнага аб’ёму вытворчасці. Становішча з пасадкай гародніны, у тым ліку бульбы, амаль не змянілася. Так, калі ў 1980 г. быў механізаваны 71% да агульнага

аб’ёму работ па пасадцы гародніны, то ў 1990 г. механізавана выконвалася 70% работ па гэтай жа аперацыі. Не назіралася істотных зрухаў у працэсе механізацыі ўборкі бульбы. Калі ў 1986 г. механізавана ўбіралася 69% да агульнай плошчы пасеву бульбы, то ў 1990 г. – 71%. Самым слабым звяном у механізацыі раслінаводства была ўборка гародніны. Істотных зрухаў у гэтай справе не назіралася. Наадварот, быў невялікі рэгрэс. Так, калі ў 1986 г. механізавана ўбіралася 28% да агульнага аб’ёму ўборкі гародніны, то ў 1990 г. – толькі 27% (менш на 1%).

Пазітыўныя змены былі дасягнуты ў справе механізацыі жывёлагадоўлі. Гэта можна прасачыць па табліцы 4.

Табліца 4. Удзельная вага комплекснай механізацыі працы на жывёлагадоўчых фермах (у % да агульнай колькасці пагалоўя) [15, арк. 73–75 адв.]

Год	1986	1989	1990
Буйная рагатая жывёла			
БССР	64	73	73
Вобласці			
Брэсцкая	64	76	77
Віцебская	56	61	61
Гомельская	69	78	80
Гродзенская	61	72	72
Мінская	71	78	76
Магілёўская	60	68	73
На свінагадоўчых фермах			
БССР	93	94	94
На птушкафермах			
БССР	98	96	96

Аналіз даных табліцы 4 паказвае, што найбольшыя поспехі ў працэсе комплекснай механізацыі працы на фермах буйной рагатай жывёлы былі дасягнуты ў 1990 г. жывёлаводамі Гомельскай вобласці – 80% да агульнай колькасці жывёлы, найменшыя – жывёлаводамі Віцебскай вобласці – 61%. Асноўнай прычынай такога становішча было будаўніцтва новых і мадэрнізацыя старых комплексаў па ўтрыманні буйной рагатай жывёлы, значная колькасць якіх знаходзілася ў Гомельскай вобласці. Гэта аказвала станоўчы ўплыў на працэс механізацыі. У 1990 г. працэс даення кароў быў механізаваны на 99,98%, падача вады на фермах і комплексах буйной рагатай жывёлы – на 99,1%, раздача кармоў на фермах і комплексах буйной рагатай жывёлы – на 74% [16, с. 62].

Значна большыя поспехі былі дасягнуты ў механізацыі свінагадоўчых комплексаў і фермаў. У 1990 г. было механізавана 94% да агульнай колькасці ўтрымання пагалоўя свіней. Фактычна ў 1990 г. завяршыўся працэс механізацыі птушкагадоўчых комплексаў.

Заклучэнне

Такім чынам, выкладзеныя, вывучаныя і прааналізаваныя матэрыялы даюць магчымасць зрабіць выснову аб тым, што ў цэлым у БССР

працэс механізацыі праходзіў на працягу трох этапаў. Асаблівасцю пачатковага этапу (1950–1960-я гг.) была механізацыя калгаснага раслінаводства і жывёлагадоўлі, якая да 1958 г. праводзілася МТС. Другі этап механізацыі сельскай гаспадаркі прыпаў на 1971–1985 гг. У 1986–1991 гг., на працягу трэцяга этапу, працэс комплекснай механізацыі застаўся незавершаным, ручная праца пераважала ў 25% жывёлагадоўчых і 25–30% раслінаводчых аперацый тэхналагічнага характару. У выніку партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва СССР і БССР не выканала задачу па поўным пераводзе аграрнай вытворчасці на індустрыяльную аснову.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Злобин, Н. И.** Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по развитию комплексной механизации сельскохозяйственного производства (1958–1961 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Н. И. Злобин; МГУ. – М., 1962. – 17 с.
2. **Кузнецов, Н. В.** Курсом специализации и концентрации сельского хозяйства: На материалах КПБ (1965–1983 гг.) / Н. В. Кузнецов. – М.: Беларусь, 1984. – 200 с.
3. **Севернев, М. М.** Механизация сельского хозяйства // Наука Беларуси в XX столетии; ред. кол.: Н. А. Борисевич (председатель) [и др.] / М. М. Севернев, И. С. Нагорский. – Минск: Белорусская наука, 2001. – С. 792–800.
4. **Шапиро, Б. М.** Что дала колхозу специализация и концентрация производства / Б. М. Шапиро. – Минск: Урожай, 1970. – 62 с.
5. **Шаврук, С. В.** Деятельность Компартии Белоруссии по развитию материально-технической базы сельскохозяйственного производства (1959–1965 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / С. В. Шаврук; ИИП при ЦК КПБ. – Минск, 1982. – 24 с.
6. **Шитов, Н. А.** Деятельность КПБ по организационно-хозяйственному укреплению и развитию колхозов (1953–1961 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.01 / Н. А. Шитов; БГУ. – Минск, 1973. – 40 с.
7. **Сакович, В. С.** Сельское хозяйство Республики Беларусь в 1980–2007 гг.: тенденции развития / В. С. Сакович. – Минск: Белорус. наука, 2008. – 449 с.
8. **Rumer, B.** The “second” agriculture in the USSR / B. Rumer // Soviet studies 1981. – Vol. 33. – № 4. – P. 560–572.
9. **Duchene, G.** L'économie parallèle en Union Soviétique / G. Duchene // Problemes économiques. – 1981. – № 1. 720. 22 avril. – P. 3–9.
10. **Lavigne, M.** Situations et perspectives de l'économie soviétique / M. Lavigne // Problemes économiques. – 1982. – № 1. 776. – P. 3–8.
11. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 31. Воп. 6. Спр. 1008. Отчет “Об укреплении колхозов и МТС Гродненской области руководящими кадрами и специалистами сельского хозяйства”.
12. **Ародь, Э. С.** Использование трудовых ресурсов в колхозах Белорусской ССР: автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Э. С. Ародь; ИЭ АН БССР. – Минск, 1965. – 17 с.
13. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 62. Спр. 555. Копии докладных и информационных, посланных в ЦК КПСС и СМ СССР.
14. НАРБ. – Ф. 30. Воп. 9. Спр. 2953. Записки, информация ЦСУ БССР.
15. НАРБ. – Ф. 30. Воп. 13. Спр. 1631. Статистический сборник Госкомстата БССР “Технический прогресс в Белорусской ССР”.
16. Сельское хозяйство Беларуси в цифрах 1980–2007 гг.: тенденции развития / сост. В. С. Сакович; под науч. ред. В. Г. Гусакова. – Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2008. – 334 с.

Паступіў у рэдакцыю 06.10.2016 г.

Кантакты: smenic18@mail.ru

(Смяховіч Мікалай Уладзіміравіч)

Smiakhovich M.V. COMPLEX MECHANIZATION OF AGRARIAN PRODUCTION IN SOVIET BELARUS: STAGES AND CHARACTERISTICS (1943–1991).

The process of mechanization provided a transfer of the agrarian production to the industrial basis. Complex mechanization of manual work in crop production and livestock production was one of the main directions of industrialization. This issue was resolved at the national level during the development and implementation of five-year plan aims. In general complex mechanization of the collective-farm and sovkhos production in the BSSR passed through three stages, each of which had distinctive features. The first stage covered 1953–1970, the second stage – 1971–1985, the third stage – 1986–1991. By the end of the third stage complex mechanization remained incomplete, because manual work prevailed in 25% of technological transactions in crop production, and in 25–30% of technological transactions in livestock production.

Keywords: agrarian production, crop production, livestock production, manual work, industrialization, technology, complex, mechanization, stages, features.

УДК 341.251.1.-232.37

ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СОЮЗА БЕЗБОЖНИКОВ В БССР (1926–1934 гг.)

И. И. Янушевич

кандидат исторических наук, доцент,
заместитель декана факультета
социкультурных коммуникаций БГУ

В статье рассматривается процесс формирования административно-управленческой структуры добровольного общества "Союз воинствующих безбожников". Созданное в Москве по инициативе атеистически настроенных граждан «Общество друзей газеты "Безбожник"», трансформировавшееся в 1925 г. в "Союз безбожников", а в 1929 г. акцентировавшее внимание на характере своей деятельности словом "воинствующих", должно было стать всесоюзной организацией. Установлено, что коммунистическая партия осуществила комплекс мер по созданию вертикали новой организации от Центрального совета Союза безбожников СССР до ячеек в учреждениях и на предприятиях. Проанализированы организационный потенциал и перспективы развития антирелигиозной структуры в условиях формирования новой модели государственно-церковных отношений. Определено, что общество безбожников не могло обеспечить функционирование организации самостоятельно. На государственные и партийные органы возлагались функции обеспечения кадрового потенциала организации. Рассмотрены формы поддержки общества безбожников иными общественными объединениями. Проанализированы причины неудовлетворительной работы ответственных руководителей и активистов организации.

Ключевые слова: Союз воинствующих безбожников, административно-управленческая структура, антирелигиозная работа.

Введение

Одним из важнейших направлений деятельности коммунистической партии в советском государстве была идеологическая работа, требовавшая постоянного внимания и контроля с целью оперативного реагирования на реальные и потенциальные угрозы безопасности страны. Постоянно проходил поиск оптимальных форм информационно-пропагандистского сопровождения преобразований в стране. Религия и церковь большевиками были обозначены как существенное препятствие на пути построения коммунистического общества. Борьба с ними отождествлялась с "борьбой за социализм". Поиск оптимальных форм ограничения идеалистического мировоззрения в массах к середине 1920-х гг. фактически вылился в репрессивные и административные меры. Для систематизации антирелигиозной работы, кроме во многом уже сформированного бюрократическо-

го аппарата, необходимо было привлечь и рядовых граждан. С этой целью предполагалось создать некое добровольное общество, предметно занимающееся распространением безбожия. На государственные, партийные, комсомольские и профсоюзные организации возлагались обязанности по созданию структуры новой организации от центральных до низовых органов. Задача в условиях поиска оптимальных форм общественно-политического развития, экономического кризиса была чрезвычайно сложная, однако иных форм распространения атеизма в руководстве Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) в тот период предложить не могли.

Основная часть

Специфика исследований по истории Союза безбожников (СБ) состоит в том, что они основаны на узкой источниковой базе, представленной главным образом пропагандистскими материалами изучаемого периода. Достаточно сложно было объяснить в рамках четких идеологических установок столь непродолжительный, без особых достижений путь общества безбожников. Попытки связать неудачи организации с имевшими место нарушениями социалистической законности и культом личности несостоятельны, так как данная структура полностью вписывалась в реализуемую политическую модель [1]. Источниковую базу исследования составляет делопроизводственная документация ЦК КП(б)Б, НКВД БССР, Центрального совета (ЦС) Союза воинствующих безбожников (СВБ) и Комиссии культов при ЦИК СССР.

Организационное оформление на территории БССР СБ начал в 1926 г. [2, л. 251]. 24.02.1926 г. АПО ЦК КП(б)Б назначило временное руководство во главе с Шукевичем и секретарем Думсом, а так же членами Ошеровичем, Витковским, профессорами Вольфсоном, Никольским и К. Крапивою и др. [3, л. 1]. До 1926 г. сторонниками безбожия уже предпринимались попытки самоорганизации и самовыражения. Как и иная любая организация, СБ должен был сформировать свою структуру. Руководство антирелигиозной комиссии, как всесоюзный штаб, видело союз монолитным подразделением, соисполнителем государственной политики по отношению к религии и церкви. Участники всесоюзного антирелигиозного совещания 1926 г. не вполне разделяли подобную точку зрения, однако Ем. Ярославский, как лидер СБ и член Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б), настоял на выстраивании всесоюзной вертикали организации. В этом была своя весьма аргументированная логика. Союз должен был и мог действовать под управлением компартии, в тесной увязке с КСМ, профсоюзами и силовыми структурами. Этноконфессиональные и законодательные различия предстояло адаптировать по ходу деятельности. Тем более, что модель уже

была опробована при создании Общества друзей газеты “Безбожник” [4, л. 20]. Центральные союзные органы управления состояли из все-союзного съезда, Центрального совета, Пленума и исполнительного бюро. По такому принципу должна была формироваться и вся безбожная вертикаль. Непосредственным исполнителем уставных задач и знаковой структурой была обозначена первичная ячейка. Подобный выбор не соизмерялся с реальной действительностью. В БССР из 297 антирелигиозных кружков – базовой структуры для создаваемой организации – ЦК КП(б)Б ни одного найти не смог: “Учесть и оформить существующие ячейки безбожников не приходилось, потому что таковых не оказалось ...” [2, л. 251].

Движение снизу было невозможно в силу его практически полного отсутствия. Единственной структурой, которая обладала наибольшим потенциалом в данном направлении, была компартия. Однако на уровне АПО ЦК КП(б)Б 12.10.1926 г. фиксируемые “слабасць растаноўкі, ня досыць сталае кіраўніцтва антырэлігійнай прапагандай” решили всю работу “на бліжэйшы час... праводзіць галоўным чынам праз Саюз Бязбожнікаў” [5, л. 78], то есть через организацию, которой еще не существовало фактически. В указаниях на места ЦК КП(б)Б обращал внимание на необходимость их создания, однако там “не в достаточной мере выполнялись (а то и совсем забывались) директивы партийных съездов, конференций и ЦК” об организации процесса “за счет массового развития и планомерности антирелигиозной работы” [6, л. 26]. За 1926 г. в трех из 8 округов не были сформированы и окружные советы СБ [2, л. 251], это при том, что всю работу курировал непосредственно секретариат ЦК КП(б)Б. На уровне окружных структур, скорее всего на основании имевшейся информации ресурсной базы, предпочли лишь тиражирование директив ЦК КП(б)Б, как, например, в Слуцком ОК КП(б)Б и Бобруйском ОК КП(б)Б. В последнем и вообще ограничились невнятным указанием: “Прасачыць правядзенне антырэлігійнай працы згодна даннай дырэктывы” [7, л. 27]. За кем собирались следить бобруйские партийцы, если и сами должны были стать исполнителями, непонятно.

В 1926 – первой половине 1927 г. создать районные организации, как следующую ступень безбожной вертикали, не удалось [2, л. 251]. Городская была сформирована только в Борисове, где появились ячейки на всех крупных предприятиях. Да и в целом по вопросу деятельности общественных объединений на республиканском съезде компартии ее лидер В. Кнорин вынужден был констатировать: “Мне хотелось бы сказать несколько слов о наших добровольных обществах. Но несмотря на все мое желание сказать что-нибудь хорошее об этой области, мне не удалось получить ни цифр, ни фактов,

ничего серьезного. Отсюда делаю вывод, что у нас в этой области за последнее время дело обстоит из рук вон плохо” [8, л. 230]. В словах секретаря нет ничего удивительного. Процесс только набирал обороты, тем более в Беларуси со сложной этноконфессиональной структурой. Это при том, что политический лидер республики здесь же указывал, “что сейчас основной идеологией, оформившейся открытой идеологией противных нас антисоветских элементов является религия” [8, л. 240]. Как видный политический деятель, он уже в 1927 г. предугадал и сформулировал пока еще изредка в такой форме звучащие обвинения, а как один из опытейших специалистов в области пропаганды и борьбы с религией и церковью лукавил. Ни священники, ни верующие не являлись реальной организованной угрозой. На местах это четко представляли и не желали вступать в структуру с авантюристическими задачами. Основной контингент завербованных в этот период в СБ БССР членов были служащие и учащиеся, то есть зависимые от режима люди. Да и присутствие самой организации в системе антирелигиозной работы за 1926 – первую половину 1928 г. в документах ЦК КП(б)Б прослеживается чрезвычайно фрагментарно [6, л. 21–28; 9, л. 13–28]. СБ не являлся действующим механизмом и элементом информационно-пропагандистской работы.

В 1928–1929 гг. в руководстве партии начинается доминировать мнение о необходимости интенсификации всех сторон общественно-политической и народно-хозяйственной деятельности. К этому времени значительно возросло количество комсомольцев, прошедших обучение в школах политграмоты и являвшихся основным звеном в процессе распространения атеизма [10, с. 19]. Партийные окружные комитеты БССР, за исключением Минского и Витебского [11, л. 10], уловили характер предстоящих изменений в отношении религии и предприняли определенные шаги по формированию структуры СБ. Главную роль на данном этапе отыгрывали райкомы и горкомы партии [12, л. 384]. Хуже всего дело обстояло в Витебском округе, где имелось только 3 ячейки с несколькими сотнями членов [13, л. 11]. В целом же на местах в основном были проведены окружные, городские и районные конференции, на которых определены ответственные за данное направление лица, очерчен круг их полномочий и обязанностей, представлен актив безбожия. Предприняты попытки активизации антирелигиозной деятельности среди католиков и иудеев [14, с. 59–82].

Внешне вся необходимая вертикаль от Союзного Центрального совета до районных советов была создана. Номинально всей деятельностью СБ БССР руководил Временный центральный совет. На практике оказывалось, что единственным исполнителем являлись партийные структуры на уровне райкома и гор-

кома компартии, не сумевшие еще создать сеть первичных организаций [11, л. 10]. Центральный же совет СБ БССР не только не руководил процессом, но и не оказывал содействия в удовлетворительном объеме. Показательно мнение Оршанской окружной конференции СБ от 17.06.1928 г.: “Цэнтральнае кіраўніцтва антырэлігійнага справаў у БССР зарганізавана позна. Яно было слаба звязана з працаю перэферыі, само ня мела практычнага вопыту, сувязь цэнтра за акругамі кульгала. І яно, вядучы слабую канцэлярскую перапіску, далей прыгожых пажаданняў і абяцанняк (як курсаў антырэлігійнікаў, кваліфікаванай сілы з цэнтра) не пайшло, і даць што-небудзь каштоўнае акрузе (хацяб свечасова надрукаваць у дадатку да “Беларускае вёскі” і свечасова даслаць матэрыял) яно не змагло” [15, л. 8]. Следует отметить, что и руководство ЦК КП(б)Б, и работники АПО ЦК КП(б)Б, выдвинутые во Временный центральный совет СБ, были опытными сотрудниками, достаточно эффективно решавшими задачи политпросвещения в условиях серьезнейших проблем в экономике и национальном вопросе. Исходя из складывающейся на местах ситуации, когда необходимо было партийным и комсомольским структурам создавать, содержать и выполнять функции некой не проявившей себя за несколько лет организации, ответственные товарищи видели решение задач по проведению антирелигиозной пропаганды и борьбе с церковью в ином ключе. Объем проблем в республике был огромен, а резкая интенсификация безбожной работы не представлялась актуальной и возможной, даже при заострении вопроса Москвой. Проводимые мероприятия по сокращению численности богослужебных зданий, административно-хозяйственные ограничения в комплексе с лекционно-просветительской деятельностью вполне соответствовали ситуации. Однако в руководстве ЦК ВКП(б) во второй половине 1928 г. вопрос интенсивно дискутировался и вылился в изобретение новой контрреволюционной угрозы “кулак–нэпман–поп”. 24.01.1929 г. на места было направлено письмо за подписью секретаря ЦК ВКП(б)Б Кагановича, в котором однозначно партийным структурам предписывалось оказывать всемерное содействие с созданием сети СБ [16, л. 1–2].

Предпосылки для значительного роста организации в СССР не имелось. БССР не являлась исключением, но тон письма, ситуация в высшем партийном руководстве настраивали вертикаль на максимально быстрое исполнение, а не на обсуждение приказа. Было очевидно, что неспособная даже наладить учет своих членов структура не в состоянии будет качественно обеспечить возлагаемые на нее завышенные обязательства. Но наблюдавшаяся во всех сферах жизнедеятельности советского государства чрезвычайщина требовала знаковых и решительных шагов.

Наряду с административными мерами по закрытию храмов, ужесточению законодательства о культурах, аресту и высылке священнослужителей необходимо было обеспечить и информационно-пропагандистское сопровождение. Высшим партийным руководством принимается решение о проведении всесоюзной презентации безбожного движения. В Москве в июне 1929 г. созывается II съезд Союза безбожников. Организация добавляет себе в название слово “воинствующих”, неожиданно для всех заявляет о наличии в своих рядах миллиона членов и, как вся страна, ставит перед собой амбициозные задачи сверхдинамичного развития, уже обозначенные в решении АПО ЦК ВКП(б) [17, с. 50–54].

В рамках легитимации полномочий II съезда СБ ранее проводились съезды на уровне республик. Кстати, некоторые исследователи подвергают сомнению тот факт, что был он всесоюзный. Если в Беларуси удалось с мест собрать хоть какое-то представительство действительных безбожников или даже пусть назначенных административным путем, то в Средней Азии или на Кавказе это было практически не реально. Решения этих собраний, доносимые их представителями на всесоюзном уровне, якобы и стали программой деятельности организации. Собственно, никаких новых конкретных решений II съезд СБ и не принял. Его политические декларации нацеливали на обозначенные резолюцией ЦК ВКП(б) свершения, причем без выработки конкретных механизмов их реализации. Главной задачей, понятной исполнителям, в отличие от “разоблачения классово-эксплуататорского характера... церковно-религиозной формы влияния кулацко-нэпмановских слоев, в условиях общего культурного подъема и внедрения в массы пролетарской идеологии...” [17, с. 50], был рост численности. Причем рост предстоял на самом деле весьма серьезный, так как в рядах организации было около 0,015% граждан. Управление столь сложным процессом, как формирование многомиллионного “фронта” безбожников в короткие сроки на “добровольных” началах, требовало высокопрофессиональной координации и контроля. Необходима была качественно новая система управления проектом, а также схема привлечения исполнителей. Примерные функции и полномочия очерчивались в положениях о советах СББ союзных республик [18, л. 33–34]. Основополагающим же документом оказалось директивное письмо ЦС СББ СССР от 20.10.1929 г. [18, л. 1–9]. Это была детализация, своеобразная инструкция по резолюции ЦК ВКП(б) [16, с. 50–54]. Изданный от имени ЦС СББ СССР документ не мог не возмутить руководство на местах, однако в условиях “чрезвычайки” 1929–1931 гг. он оказался достаточно эффективным, хотя и недолговечным. Директивой предполагалось охватить

сетью ячеек СВБ практически все функционирующие в стране организации. А самое главное – предполагалось, что эти самые организации окажутся исполнителями сформированного в ЦС СВБ СССР плана. Схема принуждения к безбожной деятельности предлагалась достаточно простая: в каждой организации назначался ответственный за антирелигиозную работу сотрудник, который одновременно должен стать и секретарем ячейки СВБ. На него возлагались функции по подбору актива, который, в свою очередь, обязывался проводить лекции и беседы, собирать взносы, выписывать членские билеты и т. д. [17, с. 6–7]. Секретарь ячейки координирует работу и осуществляет связь с вышестоящими организациями. Вся вертикаль власти в своих структурах должна была иметь ячейки безбожников и координировать деятельность союза в подведомственных учреждениях. Во всех подразделениях, занимающихся идеологической работой, предполагалось выделение штатной единицы антирелигиозника и прикрепление его к соответствующему совету СВБ. Согласно территориально-административному делению предполагалось создание советов СВБ с молодежными секциями, состоящими из представителей СВБ, ВЛКСМ, профсоюзной организации, совета физкультурной работы, отделов образования и пролетарской культуры [18, л. 1, 8]. Теоретическая разработка структуры организации слабо соотносилась с реальной ситуацией на местах, особенно в деревне.

В 1929–1930 гг. не удалось систематизировать работу даже окружных советов СВБ БССР. В районах и городах ситуация развивалась еще на более низком организационном уровне. В Гомельском округе это характеризовалось следующим образом: «Систематичнай і плянавай штодзённай работы яч. СВБ и райсаветы ня вядуць, уся работа носіць кампанейскі характар» [19, л. 29 об.]. Объем поставленных партийными органами и ЦС СВБ СССР задач вынуждал на местах концентрироваться на наиболее заметных, количественных показателях. Количество лекций, стенгазет, антирелигиозных кампаний в меньшей степени интересовало руководство, а вот численность, сеть ячеек являлись главным показателем успешной деятельности. И они били все мыслимые и немыслимые рекорды. В СССР Центральный совет в марте 1929 г. насчитывал 465 000 членов, в июне – миллион, в 1930 г. – два, а в 1931 г. – 5 миллионов [20, л. 12]. В БССР в 1929–1931 гг. показывали 500–600 процентов роста [20, л. 12]. Правда, в 1932 г. было внесено только 20% членских взносов [21, л. 1 об.]. Как можно было в таком объеме обеспечить учет, выдачу билетов при еще совершенно не устоявшейся структуре, кадровом голоде? Скорее всего, никак. Как численность, так и наличие столь массовой структуры было лишь в воображении лидеров ЦС СВБ

СССР, вводивших в заблуждение руководство партии и государства. В 1933–1934 гг. ситуация для организации становится критичной и приводит к фактической остановке ее деятельности, несмотря на обозначенный конференцией ВКП(б) в 1932 г. тезис о необходимости ускорения социалистического строительства.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что в период от создания в 1924 г. до фактической приостановки деятельности в 1934 г. полноценная структура организации сформирована не была. Главные звенья цепи – центральный, окружной, районный и городской уровни – не выполняли свои управленческие функции. Попытка ЦС СВБ СССР заставить все имеющиеся в стране структуры оказывать союзу максимальное содействие вылилась в административное давление по обеспечению роста численности организации. Ячейка, как главное звено общества безбожников, не получала должного внимания со стороны вышестоящих органов. Механизмы взаимодействия, методического сопровождения, учета и контроля уровня, достаточного для полноценного функционирования организации в условиях 1920–1930-х гг., не достигли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Жук, А. П.** Становление научно-атеистической мысли в Советской Белоруссии / А. П. Жук. – Минск : БГУ, 1981. – 243 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. Оп. 7. Д. 101.
3. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 7. Д. 80.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5407. Оп. 1. Д. 1.
5. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2310.
6. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3621.
7. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 7. Д. 53.
8. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3097.
9. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. Д. 3508.
10. **Даніловіч, В. В.** Арганізацыя палітычнай адукацыі моладзі Савецкай Беларусі ў 1921–1928 гг. / В. В. Даніловіч // Вестнік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. – Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2016. – № 1. – С. 14–20.
11. НАРБ. – Ф. 261. Оп. 1. Д. 1.
12. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 154. Оп. 1а. Д. 125.
13. Государственный архив Витебской области – Ф. 10051п. Оп. 1. Д. 807.
14. **Лебедев, А. Д.** Политика советской власти по отношению к Римско-католической церкви в БССР (1919–1929 гг.) / А. Д. Лебедев. – Минск : РИВШ, 2013. – 196 с.

15. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4125.
16. ГАРФ. – Ф. 5263. Оп. 2. Д. 7.
17. Союз безбожников : сборник материалов для организации безбожной работы на предприятиях и в деревне. – М. : Безбожник у станка, 1929. – 72 с.
18. ГАРФ. – Ф. 5407. Оп. 1. Д. 39.
19. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 623. Оп. 1. Д. 22.
20. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 140.
21. ГА РФ. – Ф. 5407. Оп. 1. Д. 101.

Поступила в редакцию 04.08.2016 г.
 Контакты: ivan-jan@yandex.ru
 (Янушевич Иван Иванович)

Yanushevich I.I. ADMINISTRATIVE AND MANAGERIAL STRUCTURE OF THE UNION OF ATHEISTS IN BSSR (1926–1934)

The article observes forming of the administrative and managerial structure of the voluntary society "The Union of Militant Atheists". The society was formed in Moscow at the initiative of athe-

istically-minded citizens of "The Society of "The Bezbozhnik" Newspaper Friends" transformed into the Union of Atheists in 1925. In 1929 it had to become the All-Union organization. It has been revealed that the Communist Party performed a package of measures to create the vertical structure starting from the Central Office of the Union of Atheists of the USSR down to the party nuclei of different organizations and enterprises. The institutional capacity and prospects in the development of the antireligious structure while a new model of the state and church relation was being formed are analyzed in the article. It has been proved that the society of atheists could not ensure independent functioning of the organization. The state and party bodies were to provide the personnel of the organization. The support of the atheists' society by other non-governmental organizations is considered in the article. The reasons of unsatisfactory work of responsible officials and activists of the organization are analyzed.

Keywords: the Union of Militant Atheists; administrative and managerial structure; antireligious work.

УДК 342.5 (091) (045)

**EQUITES – ПРЕФЕКТЫ ПРЕТОРИЯ
В ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ****С. В. Телепень**кандидат исторических наук, доцент,
МГПУ имени И. П. Шамякина

В статье анализируется процесс развития властных полномочий префектов претория в Древнем Риме. На основе анализа нарративных источников прослеживается становление главным образом судебных функций командиров преторианской гвардии в эпоху Принципата. Делается вывод о том, что преторианская префектура стала механизмом вовлечения военачальников всаднического ранга в систему государственной власти императорского Рима.

Ключевые слова: преторианская гвардия, префекты претория, нобилитет, императорская власть, судебные полномочия, политическое развитие.

Введение

Преторианская гвардия римских императоров, история ее создания и развития, структура, функции – все это давно привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. В 1992 г. под научным руководством профессора И.С. Свенцицкой, ведущего российского антиковеда того времени, была защищена диссертация на тему “Преторианская гвардия в политической жизни Римской империи в I в. н. э.” С этой работы Ю.А. Ушакова следует отсчитывать начало современного этапа в изучении отечественными антиковедами круга проблем, связанных с историей преторианцев. Уже в указанном исследовании было обращено внимание на то, что, по крайней мере, некоторым префектам претория, т. е. командирам императорской гвардии, в эпоху Принципата удавалось играть роль второго, а иногда (Макрон при императоре Тиберии) даже первого лица в государстве [1, с. 4–6].

Основная часть

Одним из важнейших вопросов, касающихся деятельности префектов претория, является эволюция политико-правовых полномочий этих командиров гвардии, принадлежавших к *equites* (всадническое сословие). Очевидно, что помимо отправления обязанностей по охране столицы, префекты претория входили в группу особо доверенных помощников императора и фактически участвовали в обеспечении его власти. Между тем, сообразно с республиканскими традициями, в период Ранней империи поддерживавшимися особенно настойчиво, управленческий авторитет и при цезарях продолжала выражаться в судебных полномочиях тех, кто

так или иначе по своему положению выполнял обязанности представителя высшей государственной власти. Разумеется, в науке в настоящее время не отрицается, что префекты в эпоху Антонинов и Северов продолжали играть важную военно-политическую роль [2, р. 159–160]. Однако лишь сравнительно недавно в российской историографии была высказана мысль, что к концу II в. префекты претория сосредоточили в своих руках в основном судебную власть: “Творили суд, как бы замещая принцепса и от его имени, поэтому фактически являлись верховными судьями” [3, с. 34]. Таким образом, проблема, которую мы предполагаем рассмотреть в данной статье, – это возникновение судебных (и шире – властных) полномочий префектов претория в период Ранней Римской империи.

При том что судебные полномочия все более переходили к префектам претория и стали особенно значимыми уже к концу II в., в мировой науке было множество дискуссий на этот счет, особенно что касается начала данного процесса. Так, А. Пассерини в свое время утверждал, что префекты с самого начала выполняли эти функции [4, р. 246–251]. С другой стороны, Дж. Крук, споря с Т. Моммзеном, писавшим об оформлении судебной власти префектов претория лишь ко времени Марка Аврелия, указывает на явные признаки таковой уже при императоре Адриане [5, р. 140; 6, р. 70–72]. Этой же точки зрения придерживался Л. Хой [7, р. 32]. При Тиберии префект претория Луций Элий Сеян, без сомнения, участвовал в привлечении некоторых людей к суду. Во всяком случае, М. Грант по этому поводу утверждает, что Сеян в качестве командира преторианской гвардии был ответственным за многие судебные разбирательства по обвинениям в государственных преступлениях, которые имели место в период правления Тиберия: “Как только обвинение было объявлено, в порядке вещей было то, что он лично контролировал преторианских офицеров и солдат гвардии, которые имели физическую возможность схватить или казнить обвиненного” [8, р. 133–134]. Схожее мнение можно обнаружить у Б. Левик [9, р. 195]. Один такой пример, подтверждающий слова М. Гранта, имел место в случае с Кремуцием Кордом, обвиненным двумя клиентами Сеяна “в оскорблении величия”, хотя участие самого префекта, кажется, лишь в покровительстве этим клиентам здесь и состояло (Тас. *Апп.* IV. 34–35). Однако отметим, что закон “об оскорблении величия”, как было достаточно убедительно доказано А.В. Щеголевым, “носил сакральный характер” [10, с. 63]. Действительно, со времени Августа власть главы государства вновь, как это было в царский период, сакрализуется, что нашло, например, выражение в соответствующей латинской и греческой титулатуре основателя династии [11, с. 163–167]. Соответственно, инициатива клиен-

тов Сеяна здесь означает возросшие амбиции командира преторианцев, все менее довольствовавшегося ролью простого исполнителя воли императора.

В источниках не имеется надежных свидетельств относительно прямой вовлеченности Сеяна в проведение допросов или экзекуций; он, судя по всему, предпочитал оставаться в тени. С другой стороны, о его преемнике на посту командира преторианцев (речь о Макроне) известно, что тот лично участвовал в допросах свидетелей (Dio LVIII. 21. 3). Тацит пишет, что Макрон использовал методы своего предшественника, но более коварно: [*Macro*] *easdem artes occultius exercebat* (Тас. *Ann.* VI. 29. 3) – “который строил такие же козни, но более скрытно” (пер. А.С. Бобовича). Одним из таких примеров является дело против Альбуциллы и ее предполагаемого любовника в 37 г. н. э. (Тас. *Ann.* VI. 47. 3). Эпизод этот в свое время был подробно рассмотрен А. Барретом [12, р. 49–50]. Альбуцилла была бывшей женой Сатрия Секунда, чье имя Тацит связывает с раскрытием «заговора» Сеяна (Тас. *Ann.* VI. 47. 3). Макрон взял на себя допрос с пристрастием рабов Альбуциллы и допрос свидетелей. Тацит здесь допускает возможность подделки свидетельств, поскольку один из обвинявшихся, Луций Арринций, был личным врагом префекта (Тас. *Ann.* VI. 47. 3). Кроме того, намек на активное участие в преследовании неугодных Макроном имеется и у Диона Кассия, который пишет: “При этом вышло так, что благодаря исключительной хитрости Фрасилла в отношениях с Тиберием многие обвиняемые, и в том числе Домиций, против которого строил козни Макрон, прибегая к наговорам и пыткам, смогли сохранить жизнь” (Dio LVIII. 27. 2. – пер. А.В. Махлаюка).

Вообще, о процессах, инициировавшихся и инспирировавшихся властями в конце правления Тиберия, Тацит рассказывает довольно подробно (Тас. *Ann.* VI. 47–48). Об обвинении Домиция Агенобарба (отца будущего императора Нерона) в оскорблении величия (а также в разврате и кровосмешении) упоминает Светоний (Suet. *Nero* V. 2). Упоминаемое здесь Тацитом участие префекта претория заставляет предполагать, что солдаты гвардии также были неизбежными участниками процедуры допроса с пристрастием [13, р. 239; 14, р. 40]. К означенному времени префекты претория уже активно вовлекаются в проведение, как принято сейчас говорить, оперативно-розыскных и процессуальных действий, а также приобретают “право на наказание”, осуществлявшееся с помощью преторианцев [15, с. 167].

Несмотря на подозрения, что свидетельские показания против Альбуциллы были сфабрикованы, а прямых указаний на счет этого дела от императора не поступило, сенат продолжил судебное разбирательство (возможно, потому,

что не хотел бросать вызов Макрону). Как указывает Б. Левик, обыкновение ожидать писем от Тиберия, чтобы начать обвинения против соответствующего лица, сковывало действия сената, но предоставляло префектам претория возможности для проявления инициативы [9, р. 198]. Роль преторианцев в этих случаях не вполне ясна, но вероятно, что одной из обязанностей подначальных префекту претория солдат было ассистирование при допросе свидетелей, как это было в случае с Квинтилией при Калигуле, и о чем сообщает Иосиф Флавий (Jos. *AJ* XIX. 1.5). Намек на эти функции гвардейцев, исходя из контекста, можно найти также у Диона Кассия (Dio LIX. 26. 4) и Светония (Suet. *Caligula* XVI. 4).

После Тиберия префекты претория продолжали принимать участие в допросах и пытках свидетелей и обвиняемых, например при Клавдии – после раскрытия заговора Луция Аррунция Камилла Скрибониана и Анния Винициана (Dio LX. 16. 3; 7; Suet. *Claud.* XLII), также при Нероне, когда префекты Фений Руф и Тигеллин приняли участие в следствии по делу о заговоре Пизона (Тас. *Ann.* XV. 58).

При Нероне полномочия префектов претория были расширены. Действительно, хорошо известно, что в начале правления этого императора власть от его имени фактически осуществляли философ Луций Анней Сенека (воспитатель императора) и префект претория Секст Афраний Бурр. Обращение Сенеки к Нерону может дать нам один из примеров делегирования в это время судебских (и не только) обязанностей командиру преторианцев: “*Animadversurus in latrones duos Burrus praefectus tuus... exigebat a te, scriberes, in quos et ex qua causa animadverti velles; hoc saepe dilatatum ut aliquando fieret, instabat*” (Seneca *De Clementia* II. 1. 2) – “Поручил бы ты Бурру, своему префекту, дело двух разбойников... которому отписал бы ты, что делать, на что и по какой причине ты бы хотел обратить внимание его относительно того, что прежде было им изложено, и на чем он в свое время настаивал” (пер. наш). Это место М. Гриффин интерпретирует в том смысле, что командир преторианцев здесь “показан выполняющим одну из рутинных обязанностей преторианского префекта, состоящую в произведении наказаний согласно объявленному и утвержденному обвинению” [16, р. 78]. Правда, этой точке зрения противостоит мнение Дж. Крука, в свое время по этому поводу высказавшегося, что Бурр был лишь “исполнителем приказов” [6, р. 301]. Однако обратим внимание на слова, которые Дион Кассий вкладывает в уста Мецената, идеолога той политической системы, которая была создана Августом, о том, что префекты должны иметь полную власть наказывать. Меценат говорит Августу о префектах претория: “Пусть они командуют как преторианцами, так и всеми остальными войсками, расположенными

в Италии, обладая властью казнить подчиненных, совершивших какие-либо преступления, за исключением центурионов и тех, кто находится в подчинении должностных лиц сенаторского ранга” (Dio LII. 24. 3. – пер. А.В. Махлаюка).

Показательным является также процесс по обвинению Агриппины Младшей, матери императора Нерона, якобы имевшей намерение свергнуть сына. Характер участия в разбирательстве Бурра показывает, сколь широкие полномочия имел префект претория, когда ему было поручено провести допрос императрицы в связи с обвинением ее в подстрекательстве Рубеллия Плавта к государственному перевороту (Тас. *Ann.* XIII. 19-21). Кажется, что Бурр применил свои полномочия в полной мере. Так, Р. Бауман обращает внимание на наречие *minaciter* (“грозно” лат.), которое Тацит использует в своем сообщении о допросе Агриппины [17, р. 212]. И У. Мак-Дермотт, видимо, имел основания написать: “Бурр проявил много больше заметной активности в этих событиях, чем Сенека, потому что он выполнял одну из тех судебных функций, которая превратила эту префектуру в общепризнанный судебный институт” [18, р. 251].

Участие Бурра в разбирательстве по “делу Агриппины” показывает, что преторианская префектура ко времени правления Нерона стала использоваться как средство конкуренции верхушки всадничества с другими группами нобилитета, что вообще было характерно для римской знати с ее “традиционным аристократическим соперничеством” [19, с. 169].

Вскоре после изложенных событий Бурр сам был обвинен в заговоре, целью которого якобы была замена Нерона на троне Фаустом Корнелием Суллой Феликсом (Тас. *Ann.* XIII. 23; Dio LXI. 10. 6). Слушания происходили перед императором, с участием префекта претория Бурра в качестве одного из судей (!). Конечно, случай удивительный, совершенно алогичный. Поэтому М. Гриффин закономерно выразила недоверие тому упомянутому Тацитом обстоятельству, что Бурр выступал в качестве судьи на процессе по своему делу [16, р. 254]. Однако Бурр был оправдан. Причем, согласно Тациту, “Бурр, хотя и числился подсудимым, подал свое мнение вместе с судьями” (Тас. *Ann.* XIII. 23. – пер. А.С. Бобовича).

Участие Бурра в составе судебной коллегии, заседавшей по этому делу, было обусловлено тем фактом, что он принадлежал к ближайшему окружению императора. И в то же время, как выразился Р. Бауман, “по явно ложному обвинению не было необходимости члену *consilium*’а покидать своего места” [17, р. 213]. Позже Р. Бауман предположил, что Бурр имел право голоса в ходе этого разбирательства “только на предварительном этапе” [20, р. 198]. Впрочем, это мнение не находит подтверждения в источниках. Участие же префекта в судебных

разбирательствах может рассматриваться как составная часть возросшей административной ответственности, делегировавшейся префектам при Нероне. Тем не менее именно потому, что префект имел военную власть, император мог поручать ему аресты, допросы, исполнение приговоров. Л. Хоу пишет: “Как командир телохранителей и личный защитник императора, преторианский префект, вероятно, должен был вызываться для участия в заседаниях в присутствии императора с самого раннего времени, было ли это заседание консультативного госсоборования или заседания суда” [7, р. 32].

Назначение судебных полномочий префекту, таким образом, представляется оформившимся гораздо раньше, чем это прежде считалось в науке. Приводимая ниже цитата из сочинения Тацита может свидетельствовать, что уже при Клавдии префект приобрел фактические полномочия в судебных вопросах: “В том же году от Клавдия не раз слышали, что судебные решения, которые будут приняты его прокураторами, должны выполняться с такой же неукоснительностью, как если бы их принял он сам. И чтобы не сочли его слова случайной обмолвкой, то же самое, еще пространнее и обстоятельнее, было закреплено в изданном по этому поводу сенатском постановлении. Ведь в свое время божественный Август повелел предоставить управлявшим Египтом всадникам право отправления правосудия и признавать за их приговорами такую же законную силу, как если бы они были вынесены римскими магистратами; затем и в других провинциях, *и в самом Риме* (выделено нами. – С.Т.) им были присвоены многие такие права, которыми ранее располагали лишь преторы” (Тас. *Ann.* XII. 60. 1-2. – пер. А.С. Бобовича).

Слова Тацита о предоставлении должностным лицам всаднического ранга, в том числе исполнявшим обязанности в самом Риме (*equites alias per provincias et in Urbe*), судебных полномочий должна означать, что наряду с другими представителями всаднического сословия преторианские префекты “уже приобрели известную юрисдикцию, которая определенно засвидетельствована лишь в существенно более позднее время” [21, р. 473]. Поэтому представляется доказанным, что к середине первого столетия преторианские префекты были частью императорского *consilium*’а и имели доступ на заседания, когда вопрос разбирался в присутствии императора. Можно согласиться с П. Иденом, который пишет: “В период ранней Империи *amici Caesaris* составляли неофициальную, но вполне [юридически] законную группу тех, с кем император консультировался в случаях, когда он находил это целесообразным” [22, р. 142]. Следовательно, участие Бурра в любом разбирательстве, проводившемся *intra cubiculum*, не кажется необычным и можно предположить,

что были и другие случаи, когда он принимал активное участие в разбирательствах такого рода.

К концу II в. н.э. префекты претория расширили свою судебную компетенцию настолько, что должность стала замещаться наиболее авторитетными юристами. Ф. Миллар утверждает, что "эти более широкие юридические функции должны рассматриваться как возрождение существенной роли префектов претория как защитников императора и командира когорт" [23, p. 125].

Заклучение

Таким образом, очевидно, что участие префектов претория в государственной власти, возникнув благодаря охранным функциям гвардии, эволюционировало путем сосредоточения в руках префектов судебных (в широком смысле) полномочий. В свою очередь, ранний этап в развитии судебных полномочий преторианских префектов, первоначально ограниченного участием в допросах подозреваемых (при Тиберии), затем сменяется следующим этапом, характеризующимся расширением и дополнением данных полномочий. Использование преторианцев в задержании обвиняемых и проведении экзекуций обусловило развитие этих дополнительных функций префектов, сосредоточивших таким путем в своих руках оперативно- розыскную деятельность (во всяком случае, по отношению к государственным преступникам). Следующий шаг состоял в переходе от проведения арестов обвиняемых к участию в следственных мероприятиях, к принятию важной ответственности за судебные дела в столице. В итоге преторианская префектура оказалась наполненной политическим смыслом, став механизмом вовлечения военачальников всаднического ранга в систему государственной власти Рима эпохи Принципата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ушаков, Ю. А.** Преторианская гвардия в политической жизни Римской империи в I в. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Ю. А. Ушаков. – М., 1992. – 14 с.
2. **Mennen, I.** Power and Status in the Roman Empire, A.D. 193-284 / I. Mennen. – Leiden-Boston: Brill, 2011. – XIV, 305 p.
3. **Маркин, А. Н.** Институт префектуры и охрана правопорядка в Римской империи / А. Н. Маркин // Вестник Удмуртского университета. – 2009. Вып. 2 : История и филология. – С. 31–44.
4. **Passerini, A.** Le cooptipretorie / A. Passerini. – Roma, 1939. – 362 p.
5. **Crook, J. A.** Consilium Principis. Imperial Councils and Counsellors from Augustus to Diocletian / J. A. Crook. – Cambridge : University Press, 1955. – XII, 198 p.
6. **Crook, J. A.** Law and Life of Rome: 90 B.C. to A.D. 212 / J. A. Crook. – New York : Cornell Univ. Press, 1967. – 349 p.
7. **Howe, L. L.** The Praetorian Prefects from Commodus to Diocletian / L. Howe. – Chicago: University Press, 1942. – XIII, 141 p.
8. **Grant, M.** The Army of the Caesars / M. Grant. – New York : Scribners, 1974. – XXXIV, 365 p.
9. **Levick, B.** Tiberius the Politician / B. Levick. – London–New York : Thames and Hudson Ltd, 1999. – XIV, 287 p.
10. **Щеголев, А. В.** Императорский культ и *lex de maiestate* / А. В. Щеголев // Древнее право. Ius Antiquum. – 1997. – № 1(2). – С. 60–64.
11. **Токарев, А. Н.** Становление официальной идеологии принципата императора Августа / А. Н. Токарев. – Харьков : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2011. – 268 с.
12. **Barrett, A. A.** Agrippina: Sex, Power and Politics in the Early Empire / A. A. Barrett. – New Haven : Yale University Press, 1996. – 352 p.
13. **Seager, R.** Tiberius / R. Seager. – London: Blackwell Publishing, 1972. – XXV, 310 p.
14. **Barrett, A. A.** Caligula: The Corruption of Power / A. A. Barrett. – London–New York: B.T. Batsford Ltd, 1989. – XXVI, 334 p.
15. **Адаменко, И. Е.** Право на наказание как основание уголовно-процессуальной деятельности / И. Е. Адаменко // Современная научная мысль. – 2014. – № 4. – С. 167–171.
16. **Griffin, M.** Nero: The End of a Dynasty / M. Griffin. – London : B.T. Batsford Ltd, 1984. – 320 p.
17. **Bauman, R. A.** Impietas in Principem. A Study of Treason Against the Roman Emperor with Special Reference to the First Century A. D. / R. A. Bauman. – Munchen : Beck, 1974. – 366 p.
18. **McDermott, W. C.** Sextus Afranius Burrus / W. C. McDermott // Latomus. 1949. – Vol. 8. – P. 229–265.
19. **Вержбицкий, К. В.** Из истории процессов о государственной измене (*laesa maestas*) в эпоху ранней Империи: Дело Гая Силия (24 г. н. э.) / К. В. Вержбицкий // Древнее право. Ius Antiquum. – 2000. – № 1(6). – С. 165–170.
20. **Bauman, R. A.** Women and Politics in Ancient Rome / R. A. Bauman. – London-New York : Routledge, 1992. – XVI, 294 p.
21. **Brunt, P. A.** Procuratorial Jurisdiction / P. A. Brunt // Latomus. – 1966. – Vol. 25. – P. 461–489.
22. **Eden, P. T.** Seneca's Apocolocyntosis / P. T. Eden. – Cambridge–New York : Cambridge University Press, 1984. – XII, 169 p.

23. *Millar, F.* The Emperor in the Roman World (31 BC-AD 337) / F. Millar. – London : Duckworth, 1977. – XVI, 656 p.

Поступила в редакцию 26.12.2016 г.
Контакты: e-mail: telepen_serg@mail.ru
(Телепень Сергей Валерьевич)

**Telepen S.V. EQUITES – PRAETORIAN
PREFECTS IN STATE AND POLITICAL SYSTEM
OF EARLY ROMAN EMPIRE/**

The article views the development of full powers of praetorian prefects in Ancient Rome. The analysis of narrative sources enabled the author to trace the formation of judicial functions of the

Praetorian Guard commanders during the Principate. The conclusion drawn is that apart from the specific powers relevant to the implementation of judicial duties, the Praetorian Prefecture became a mechanism involving warlords of the equestrian rank in the system of government in the Imperial Rome.

Keywords: the Praetorian Guard, praetorian prefects, nobility, imperial power, judicial authority, political development.

УДК 947

УДЗЕЛ ЖАНЧЫН БССР У СТАХАНАЎСКІМ РУХУ Ё ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 1930-х гг.**А. А. Субоцін**

старшы выкладчык,

Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

У артыкуле разглядаюцца сацыяльныя і эканамічныя аспекты ўдзелу жанчын БССР у стаханаўскім руху другой паловы 1930-х гг. Аўтар раскрывае механізмы сацыяльнай мабільнасці жанчын і спецыфіку фарміравання новых жаночых гераічных вобразаў.

Ключавыя словы: жанчыны, стаханаўскі рух, БССР, фемінізацыя, вытворчасць.

Уводзіны

У гуманітарных навуках на сучасным этапе ўзраста цікавасць да вывучэння праблем сацыяльнага, эканамічнага і палітычнага становішча жанчын. Такая тэндэнцыя звязана сёння з павышэннем іх ролі ў розных сферах жыцця грамадства, а таксама з актывізацыяй жаночых і фемінісцкіх рухаў. Для ўсебаковага даследавання гендэрных праблем важным з'яўляецца аналіз асаблівасцей становішча жанчын у савецкі перыяд, калі адбылося шырокае ўключэнне прадстаўніц жаночага полу ў грамадскую вытворчасць і назіраліся некаторыя змены ў іх сацыяльным статусе. Асаблівы ўплыў на дадзеныя працэсы ў другой палове 1930-х гг. аказаў стаханаўскі рух, які разгарнуўся ў рамках палітыкі фарсіраванай індустрыялізацыі і суправаджаўся значнай актывізацыяй працоўнай дзейнасці жанчын.

Тэма ўдзелу жанчын у стаханаўскім руху ў савецкай гістарыяграфіі амаль не разглядалася ў якасці асобнай праблемы, а вытворчая актыўнасць адзначанай сацыяльнай групы вывучалася пераважна ў кантэксце агульных эканамічных працэсаў, у межах якіх вылучаліся толькі асобныя прыклады працоўнага гераізму работніц і калгасніц і адзначаўся іх вялікі ўклад у станаўленне сацыялізму [1; 2; 3].

У замежнай гістарыяграфіі працоўны гераізм жанчын СССР падрабязна быў вывучаны М. Баклі. Яна звярнула ўвагу на сацыяльныя аспекты ўдзелу сялянак у стаханаўскім руху. Вывучыўшы спецыфіку становішча калгасніц-стаханавак, яна прыйшла да вынікаў, што менавіта з разгортваннем стаханаўскай кампаніі адбывалася сапраўднае прызнанне жанчын у якасці паўнапраўных членаў грамадства, а адным з галоўных матываў іх удзелу ў руху даследчыца вызначыла імкненне атрымаць высокі сацыяльны статус, вызваліцца ад улады мужчын і як вынік абвергнуць панаванне

ў той час настроі пра немагчымасць прадстаўніц жаночага полу быць лепшымі ў працоўнай сферы [4, с. 253–263]. У такім жа кантэксце асаблівасці сацыяльнага становішча жанчын-стаханавак сельскай гаспадаркі разглядаліся амерыканскім гісторыкам Ш. Фіцпатрык у працы, прысвечанай сялянам Савецкай Расіі перыяду 1930-х гг. З разгортваннем стаханаўскага руху яна звязвала з'яўленне ў вёсцы новай катэгорыі “знатных людзей”, тыповымі прадстаўнікамі якой сталі менавіта жанчыны. Даследчыца адзначала, што яны за кошт праўлення сваёй вытворчай ініцыятывы паступова сталі замяняць ў вярхах сацыяльнай структуры калгасных актывістаў і пачалі падрываць тым самым традыцыйнае размеркаванне гендэрных роляў у працы і штодзённым жыцці сялянскага асяроддзя [5, с. 21, 304–311].

У ракурсе асноўных палажэнняў замежнай гістарыяграфіі сацыяльныя аспекты ўдзелу жанчын у стаханаўскім руху закранула і сучасная расійская даследчыца Ю.А. Касценка, якая праз аналіз асаблівасцей жаночага руху ў Расіі ў 1920–1930-я гг. у якасці галоўнай прычыны ўдзелу работніц і калгасніц у сацыялістычным спарборніцтве вызначыла атрыманне імі грамадскага прызнання праз уваходжанне ў групу “знатных людзей” [6, с. 21].

Сярод сучасных беларускіх гісторыкаў гендэрныя праблемы стаханаўскага руху разглядалі Г.М. Якаўлева і А.М. Дулаў. На прыкладзе вывучэння становішча жанчын БССР ва ўмовах мадэрнізацыі 1930-х гг. яны выявілі змены ў сацыяльным статусе работніц, што ўдзельнічалі ў руху: стаханаўкі ўвайшлі ў склад новай рабочай арыстакратыі, якая матэрыяльна заахвочвалася і мела магчымасці прасоўвання па службовай лесвіцы. Акрамя важных матэрыяльных стымуляў былі адзначаны моцныя маральныя фактары ўдзелу жанчын у далейшым разгортванні сацыялістычнага спарборніцтва, абумоўленыя атмасферай агульнага ўздыху энтузіязму ў савецкім грамадстве [7, с. 306–307; 8, с. 43].

Такім чынам, вызначаная намі тэма была раскрыта ў гістарыяграфіі ў разнастайных яе аспектах, асаблівая ўвага пры яе даследаванні, як мы убачылі, надавалася аналізу сацыяльнага статусу стаханавак. Нягледзячы на гэта, гісторыкамі не было вылучана ў якасці асобнага пытанне ўдзелу жанчын Беларусі ў стаханаўскім руху ў галінах яе эканомікі. Таксама не былі да канца раскрыты механізмы сацыяльнай мабільнасці стаханавак і працэсу фарміравання праз рух жаночых гераічных вобразаў у грамадстве другой паловы 1930-х гг..

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца вызначэнне асаблівасцей удзелу жанчын БССР у стаханаўскім руху ў другой палове 1930-х гг.

Асноўная частка

Працэс пераходу да індустрыяльнага грамадства ў СССР, як і ў краінах Заходняй Еўропы, суправаджаўся “фемінізацыяй” галін эканомікі. Ажыццяўленне палітыкі фарсіраванай індустрыялізацыі і калектывізацыі ў савецкай краіне патрабавала як мага больш новых крыніц працы, што выклікала неабходнасць уключэння ў грамадскую вытворчасць і жаночай працоўнай сілы.

Пачынаючы з канца 1920-х гг. у індустрыі БССР асабліва актыўна “фемінізацыя” адбывалася ў вядучых для яе галінах лёгкай прамысловасці: трыкатажнай, швейнай, тэкстыльнай і гарбарнай, а пры разгортванні з сярэдзіны 1930-х гг. стаханаўскага руху як новай формы сацыялістычнага спаборніцтва па ўдасканаленні працы і павышэнні яе прадукцыйнасці большасць прамысловых работніц рэспублікі сталі стаханаўкамі менавіта ў гэтых галінах. Так, на красавік 1936 г. на Мінскай скургалантарэйнай фабрыцы імя Куйбышава сярод стаханаўцаў жанчыны складалі 80,9%, а на Мінскай трыкатажнай фабрыцы – 95,9% [9, арк. 75]. На Гомельскім аўчынна-шубным заводзе сярод 25 удзельнікаў стаханаўскага руху (на 25 снежня 1935 г.) 19 былі жанчынамі [10, арк. 3]. Большая частка работніц сярод герояў вытворчасці была і на швейнай фабрыцы “Сцяг індустрыялізацыі”, дзе на сакавік 1936 г. з ліку 419 стаханаўцаў было зафіксавана 360 жанчын [11, с. 3]. Перавага жаночай занятасці ў галінах лёгкай прамысловасці і вялікі працэнт у іх жанчын сярод удзельнікаў стаханаўскага руху тлумачыцца тым, што вытворчыя аперацыі, якія выконваліся тут, былі блізкімі па сваім характары да звычайных хатніх работ і, такім чынам, мелі патрэбу ў асноўным у жаночай працоўнай сіле.

Высокі ўзровень занятасці жанчын назіраўся і ў такіх вядучых галінах прамысловасці рэспублікі як дрэваапрацоўчая і харчовая, дзе прадстаўніцы жаночага полу таксама актыўна праявілі сябе як стаханаўкі, пераважна на дапаможных аперацыях і на працэсах, якія не былі разлічаны на авалоданне складанай тэхнікай. Так, у снежні 1935 г. па спіртавых заводах рэспублікі колькасць удзельнікаў стаханаўскага руху складала 937 чалавек, сярод якіх жанчын было 227 [12, с. 20–21]. Вядомыя ў БССР стаханаўкі З. Таболіна і М. Цыгельніцкая былі, напрыклад, работніцамі кандытарскай фабрыкі “Камунарка”. З. Таболіна ўдасканаліла працэс глазіроўкі кандытарскіх вырабаў і выконвала норму на 517%, а М. Цыгельніцкая на працэсе ўпакоўкі гатовай прадукцыі, дзякуючы добрай арганізацыі свайго працоўнага месца і своечасовай падрыхтоўцы неабходных матэрыялаў, выпрацоўвала больш за 190% нормы [13, с. 26, 33]. Рэспубліканскую вядомасць атрымалі і стаханаўкі каробачнага цэха Барысаўскай запалкавай фабрыкі Б. Блох, Я. Дзеравяга, М. Кішкурка, якія перайшлі на новыя метады працы і дабіліся выканання норм да 400% [14, с. 20, 21, 24].

Абсалютная большасць жанчын-стаханавак была сканцэнтравана ў сельскай гаспадарцы рэспублікі. Па-першае, гэта абумоўлівалася самім гендэрным складам вёскі, дзе жаночая частка насельніцтва была большай па колькасці ў параўнанні з мужчынскай. Напрыклад, адпаведна дадзеным Усесаюзнага перапісу насельніцтва 1937 г., у сельскай мясцовасці БССР пражывала 1926747 мужчын і 2183239 жанчын [15, с. 57]. Па-другое, у сельскай гаспадарцы, нягледзячы на механізацыю вытворчасці, усё ж пераважалі працэсы з выкарыстаннем ручной працы, на якія ў асноўным прыцягваліся жанчыны і праяўлялі сябе тут у далейшым як удзельнікі стаханаўскага руху. Напрыклад, у шэрагу стаханаўцаў сельскай гаспадаркі Полацкай акругі ў канцы 1935 г. жанчыны складалі 52% [16, арк. 389–391]. У пераліку 14 імён лепшых стаханаўцаў мяса-малочных саўгасаў за 1936 г. СНК БССР было вылучана 10 жанчын-перадавікоў [17, с. 107–110].

Жанчыны, занятыя ў сельскагаспадарчай вытворчасці БССР, актыўна ўключыліся ў стаханаўскі рух у малочнай жывёлагадоўлі і свінагадоўлі. Так, у 1936 г. лепшай калгасніцай-стаханаўкай па Полацкім раёне была прызнана свінарка А. Гендзелева, якая дасягнула якасных паказчыкаў у сваёй працы пры гадаванні парасят, па Асвейскім раёне – даярка Ю. Івашкевіч (дабілася сярэднегадавога надоя на адну карову ў 2700 літраў малака), па Дрысенскім раёне – даярка А. Вахцёрава (1244 літра малака) і П. Цяста (1150 літраў малака), па Ветрынскім раёне – даярка В. Ціханоўская (1800 літраў малака) [16, арк. 264–265]. Сярод работніц саўгасаў рэспублікі выдатна праявіла сябе даярка Е. Башкірава, якая дасягнула рэкордных надояў у 4–5 тысяч літраў малака на адну карову за год [17, с. 107]. У пералічаных галінах сельскай гаспадаркі ў другой палове 1930-х гг. практычна не выкарыстоўвалася тэхніка і жанчыны дасягалі адзначаных тут высокіх паказчыкаў у працы за кошт выдатнага дагляду за жывёламі і ўсталявання сістэмы іх якаснага корму.

Значную колькасць сярод стаханаўцаў жанчыны складалі ў такой вядучай галіне сельскай гаспадаркі БССР, як ільнаводства, дзе ў працэсе развіцця стаханаўскай кампаніі сялянкі ўдзельнічалі ў руху тысячніц, мэтай якога было дасягненне ўраджайнасці льновалакна да 1000 кг з га. У 1936 г. у Дрысенскім раёне вылучыліся стаханаўкі А. Грыгуць і В. Валенцік, звенні якіх амаль дасягнулі такой мэты і сабралі па 9,24 і 8,94 ц ільновалакна з га адпаведна [16, арк. 160]. Ураджай каля 10 ц з га ў 1937 г. у Чавускім раёне сабралі стаханаўскія звенні В. Дзюбаковай, М. Маханенкавай, К. Лазарэнка і В. Сапаненкавай [18, с. 41].

Жанчыны як стаханаўкі, акрамя таго, актыўна праявілі сябе ў апрацоўцы льновалакна. ЦВК і СНК БССР у снежні 1935 г. выдалі нават асобную

Пастанову “Аб узнагароджанні граматамі і пада-рункамі лепшых калгасніц-ільнотрапальшчыц”, згодна з якой было прэміравана 43 жанчыны-перадавіка [19, с. 1]. На працэсе льноапрацоўкі былі задзейнічаны самыя знакамітыя жанчыны-стаханаўкі Беларусі. Рэспубліканскую і саюзную вядомасць атрымалі льнотрапальшчыцы П. Пярцова, М. Дзяжурная і С. Быкоўская, якія апрацоўвалі за дзень па 50–60 кг ільновалакна пры агульнапрынятай норме ў 10–12 кг. М. Дзяжурная, напрыклад, увогуле паставіла рэспубліканскі рэкорд і натрапала за дзень 66 кг 600 г ільну [20, с. 4].

Выдатныя працоўныя вынікі стыханавак па зборы і апрацоўцы льновалакна дасягаліся за кошт якаснага выканання агранамічных патрабаванняў і пераразмеркавання дапаможных аперацый на іншых сялянках. У некаторых выпадках такія аперацыі выконвалі блізкія сваякі стыханавак. Напрыклад, стыханаўка П. Пярцова толькі трапала лён, а дапаможныя працэсы па яго пераносе і ачыстцы выконвала яе дачка [20, с. 4]. Такія выпадкі былі абумоўлены самой спецыфікай арганізацыі працы на вёсцы, калі ў склад паляводчага звяна часта ўваходзілі прадстаўнікі аднаго сялянскага двара ці сям’і.

Такім чынам, у працэсе мадэрнізацыі савецкага грамадства пачынаецца паступовае сціранне межаў традыцыйнага гендэрнага падзелу працы і засваенне жанчынамі характэрных для мужчын мадэляў сацыяльных паводзін, што прадугледжвалі не толькі ўключэнне ў грамадскую вытворчасць, але і пастаяннае ўдасканаленне метадаў працы, дасягненне яе высокай прадукцыйнасці, удзел у сацыялістычным спаборніцтве.

Пад удзеяннем працэсу развіцця стыханаўскага руху адбываліся значныя змены ў сацыяльным становішчы тых жанчын, якія прымалі ў ім актыўны ўдзел. Гэтыя жанчыны, стаўшы стыханаўкамі, уваходзілі ў элітную катэгорыю працоўных, а іх гендэрны статус быў адзначаны новымі сацыяльнымі ралямі герояў вытворчай сферы, якія былі замацаваны да гэтага пераважна за мужчынамі. Менавіта ў ходзе стыханаўскай кампаніі многія жанчыны і атрымалі магчымасць стаць па выніках сваёй выдатнай працы знакамітымі гераінямі. Так, дзякуючы прапагандзе сацыялістычнага спаборніцтва праз публікацыі ў газетах, выданне папулярных брашур, арганізацыю злётаў перадавікоў, у БССР у другой палове 1930-х гг. сталі вядомымі імёны такіх лепшых стыханавак, як Д. Папкова, С. Быкоўская, А. Семянідава, М. Дзяжурная, П. Пярцова, С. Башкірава, М. Цыгельніцкая, Т. Лычкоўская і іншыя, пры гэтым некаторыя з іх атрымалі вядомасць і на ўвесь СССР [11, с. 3; 12; 13; 17, с. 107–110; 20, с. 4].

На станаўленне вобразаў гераінь-стыханавак значны ўплыў аказалі грамадскія святкаванні Міжнароднага жаночага дня 8 Сакавіка. У другой палове 1930-х гг. з узнікненнем і разгортван-

нем стыханаўскага руху становіцца абавязковай прысутнасць яго ўдзельніц на ўсіх мерапрыемствах, што арганізаваліся дзяржавай на дадзенае свята. На гэтых мерапрыемствах адбывалася своеасаблівая прэзентацыя вытворчых дасягненняў жанчын-перадавікоў, станючых прыкладаў іх грамадскай дзейнасці і ўзораў высокага матэрыяльнага забеспячэння па выніках выдатнай працы. Напрыклад, у 1936 г. на прамысловых прадпрыемствах, у калгасах і саўгасах рэспублікі адбыліся ўрачыстыя сходы жанчын, на якіх стыханаўкі распавядалі пра свае працоўныя рэкорды, новыя метады арганізацыі працы, а таксама пра паляпшэнне сваіх бытавых умоў. Гераічны вобраз стыханавак папулярна рызываўся на гэтых сходах у шматтыражных газетах і на спецыяльных фотавітрынах. Падобнымі па характары былі і арганізаваныя на буйнейшых прадпрыемствах Мінска святочныя вечары-балі і сумесны вечар удзельніц стыханаўскага руху і партыйнага кіраўніцтва Кагановіцкага раёна сталіцы [21, с. 4].

Удзел стыханавак у грамадскіх святкаваннях 8 Сакавіка, як бачна, праходзіў па тыповай для савецкага часу схеме з дэманстрацыяй дасягненняў у эканамічнай, палітычнай і бытавой сферах, сумеснае ж правядзенне перадавікамі ўрачыстасцей разам з мясцовымі кіраўнікамі паказала, з аднаго боку, давер улады да ўдзельніц стыханаўскага руху, з другога боку, павінна было адлюстравіць ідэю блізкасці партыйных лідараў рэспублікі да працоўных па аналогіі з тым, як гэта адбывалася на падобных сумесных мерапрыемствах саюзнага кіраўніцтва на чале са Сталіным. Праз усё гэта ішло паступовае замацаванне новых вобразаў жанчын-гераінь у масавай свядомасці, і ў той жа час адбывалася прапаганда новай формы сацыялістычнага спаборніцтва, у якую павінны былі ўключыцца як мага больш работніц і калгасніц, пра што, напрыклад, і было агаворана ў дакументах Прэзідыума ЦВК БССР пачатку 1936 г., звязаных з падрыхтоўкай мерапрыемстваў па святкаванні Міжнароднага жаночага дня [16, арк. 93].

Працэс “гераізацыі” стыханавак быў адзначаны высокай сацыяльнай мабільнасцю, калі за кароткі прамежак часу жанчыны хутка праходзілі некалькі сацыяльных ступеняў і станавіліся прадстаўніцамі працоўнай эліты. Напрыклад, за некалькі месяцаў шлях ад звычайнай хатняй работніцы да знакамітай стыханаўкі рэспублікі прайшлі С. Ждановіч і Э. Гомельская [12, с. 20; 14, с. 5]. Уваходжанне жанчын, што ўдзельнічалі ў стыханаўскім руху, у склад працоўнай эліты і атрыманне імі статусу гераінь паспрыяла ў далейшым і іх кар’ернаму росту: сацыяльная мабільнасць пачынае адзначацца прасоўваннем стыханавак уверх па службовай лесвіцы, у тым ліку і прызначэннем на кіруючыя пасады. Так, у 1937 г. у Гомелі стыханаўка А. Сенчыла (камбінат “Спартак”) стала зменным майстрам, ткачы-

ха-перадавік М. Анісавец з арцелі “Гомельскі тэкстыль” была пераведзена на пасаду памочніка майстра [22, арк. 21, 22]. Яскравым прыкладам таго, наколькі перспектыўным было становішча ўдзельніц стыханаўскага руху ў прасоўванні іх на адказныя адміністрацыйна-гаспадарчыя пасады, можна лічыць прызначэнне ў 1938 г. стыханаўкі Мінскай швейнай фабрыкі “Кастрычнік” А. Зелянка на пост дырэктара швейнай фабрыкі імя 8 Сакавіка [23].

Засванне новых роляў герайн і мадэляў сацыяльных паводзін, што адзначаліся актыўнай працоўнай дзейнасцю ў грамадскай вытворчасці, выклікала, аднак, праблему так званай “падвойнай занятасці” жанчын, калі акрамя сваёй працы на прадпрыемствах на іх па-ранейшаму ўскладваўся клопат пра сям’ю і вядзенне хатняй гаспадаркі. Больш таго, знатны статус жанчын-стыханавак патрабаваў выконваць свае хатнія абавязкі на такім жа высокім узроўні, як і працу на прадпрыемствах. Удзельніцы стыханаўскага руху павінны былі стаць прыкладам для астатніх жанчын і як перадавікі вытворчасці, і як выдатныя хатнія гаспадыні. Нездарма ў сваім інтэрв’ю ў газету “Звязда” стыханаўка Д. Папкова, акрамя таго, што распавядала пра свае вытворчыя дасягненні і паляпшэнне матэрыяльнага становішча, яшчэ адзначыла і змены сваіх адносін да хатніх абавязкаў: “Я хоць і раней сур’ёзна займалася выхаваннем сваіх дзяцей, але цяпер яшчэ больш гэтаму аддаю ўвагі” [24, с. 3].

Удзел у стыханаўскім руху ў некаторых выпадках быў звязаны з вялікімі фізічнымі і эмацыянальнымі напружаннямі, у выніку чаго не ўсе жанчыны маглі перайсці на высокія тэмпы працы і выказвалі сваю незадаволенасць новай формай сацыялістычнага спаборніцтва. Напрыклад, на Віцебскай панчошнай фабрыцы імя Клары Цэткін работніца Ц. пачала ўдзельнічаць у стыханаўскім руху, але з цягам часу заявіла наступнае: “Над нами издеваются, зачем нам работать на четырёх машинах, у нас нет сил, зачем нам стыхановцы” [25, арк. 9].

Заклучэнне

Такім чынам, працэс “фемінізацыі” грамадскай вытворчасці быў адзначаны ўдзелам жанчын у стыханаўскім руху ў другой палове 1930-х гг., калі яны станавіліся перадавікамі, удасканальвалі метады сваёй працы і засвойвалі ў выніку мадэлі працоўных паводзін, характэрныя для мужчын. Вялікі працэнт жанчын-стыханавак быў сканцэнтраваны ў вядучых галінах лёгкай прамысловасці БССР з пераважна жаночай занятасцю, а таксама ў асноўных для рэспублікі харчовай і дрэваапрацоўчай галінах, дзе жанчыны пераходзілі на стыханаўскія метады на нізкакваліфікаваных дапаможных аперацыях. Большасць жа стыханавак была сканцэнтравана ў сельскай гаспадарцы, дзе пераважалі працэсы

з выкарыстаннем ручной працы, на якіх сялянкі ў асноўным і мелі магчымасць стаць удзельніцамі руху. Стыханаўскі рух меў важныя сацыяльныя наступствы для жанчын, што прынялі ў ім удзел: яны сталі прадстаўнікамі працоўнай эліты рэспублікі і атрымалі шырокае магчымасці набываць сацыяльныя ролі герояў вытворчасці, што раней у большасці сваёй звязаліся з гендэрным статусам мужчын. Сацыяльная мабільнасць стыханавак, акрамя гэтага, праяўлялася ў іх прасоўванні ўверх па службовай лесвіцы і атрымліваючы гаспадарча-адміністрацыйных пасадаў. Нягледзячы на тое, што жанчыны засвойвалі новыя сацыяльныя ролі герайн, перадавікоў вытворчасці, за імі па-ранейшаму заставаліся традыцыйныя функцыі па вядзенні хатняй гаспадаркі, якія для стыханавак набывалі формы ідэальнага выканання. Гэта значна ускладняла праблему “падвойнай занятасці”, калі трэба было і выдатна працаваць, і быць выдатнай маці і гаспадыняй. Акрамя таго, новыя ролі стыханавак патрабавалі інтэнсіўных фізічных намаганняў, што не заўжды было па сілах выконваць жанчынам, нават на аперацыях з перавагай жаночай працы, у выніку чаго некаторыя з прадстаўніц жаночага полу адмаўляліся прымаць ролі перадавікоў і адмоўна ўспрымалі стыханаўскі рух.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Гершберг, С. Р.** Стыханов и стыхановцы / С. Р. Гершберг. – Москва : Политиздат, 1981. – 208 с.; История рабочего класса Белорусской ССР : в 4 т. / Ин-т истории АН БССР. – Минск : Наука и техника, 1984–1987. – Т. 2 : Рабочий класс БССР в годы Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма (1917–1937) / ред. кол.: М. П. Костюк (отв. ред.) [и др.]. – 1985. – 488 с.
2. **Козлов, В. А.** Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х гг. / В. А. Козлов, О. В. Хлевнюк. – Москва : Политиздат, 1988. – 253 с.
3. **Рогачевская, Л. С.** Социалистическое соревнование в СССР : Исторические очерки. 1917–1970 / Л. С. Рогачевская. – Москва : Наука, 1977. – 352 с.
4. **Buckley, M.** Mobilizing Soviet Peasants: heroines and heroes of Stalin's fields / M. Buckley. – Lanham, Md : Rowmanand Littlefield, 2006. – 367 p.
5. **Фицпатрик, Ш.** Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е гг.: деревня / Ш. Фицпатрик – Москва : РОССПЭН, 2008 – 422 с.
6. **Костенко, Ю. А.** Женское движение в России в 1920–1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю. А. Костенко ; МГУ имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2006. – 26 с.

7. **Яковлева, Г. Н.** Женщины Витебщины в период модернизации 1930-х гг. / Г. Н. Яковлева, А. Н. Дулов // Женщины в истории: Возможность быть увиденными : сб. науч. ст. Вып. 1. – Минск : БГПУ, 2001 – С. 304–311.
8. **Дулов, А. Н.** Занятость в экономике советской Беларуси в 1920–1930-е гг.: гендерный анализ / А. Н. Дулов // Веснік ВДУ. – 2003. – № 4. – С. 39–44.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 8965. Докладные записки о стахановском движении на промышленных предприятиях БССР (февраль – апрель 1936 г.).
10. НАРБ. – Ф. 283. Воп. 1. Спр. 673. Материалы по стахановскому движению на предприятиях кожевенной промышленности (24 октября 1935 г. – 1 апреля 1936 г.).
11. **Зарубежны, А.** Стаханаўкі швейнага гіганта / А. Зарубежны // Звязда. – 1936. – 8 сакавіка. – С. 3.
12. Стахановцы спиртовой промышленности БССР / сост. И. М. Яρμοшевич. – Минск : Гос. изд-во Белоруссии, 1936. – 78 с.
13. Стаханаўцы “Камунаркі”. – Минск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – 64 с.
14. Стаханаўскім шляхам. – Минск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – 64 с.
15. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги : сборник документов и материалов. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2007. – 320 с.
16. Дзяржаўны занальны архіў у г. Полацку. – Ф. 104. Воп.1 Спр. 93. Постановления, циркуляры Президиума ЦИК БССР, постановления Дриссенского и Освейского РК КП(б)Б, доклады оргмассовой работы Сельских Советов, о результатах обсуждения Конституции (7 декабря 1935 г. – 10 декабря 1936 г.).
17. **Кудзінаў, С.** Стаханаўскі рух у мяса-малочных саўгасах БССР / С. Кудзінаў // Сацыялістычнае будаўніцтва. – 1936. – № 1–2. – С. 107–110.
18. **Чэтверькоў, В. Н.** Як стыханаўцы-калгаснікі Чавускага раёна атрымалі тонульновалакна з гектара / В. Н. Чэтверькоў. – Минск : Выд-ва АН БССР, 1937. – 88 с.
19. Аб узнагароджанні граматамі і падарункамі лепшых калгасніц-ільнотрапальшчыц. Пастанова ЦВК і СНК БССР // Звязда. – 1935. – 20 снежня. – С. 1.
20. М. Дзяжурная рашыла перагнаць П. Пярцову // Звязда. – 1935 – 3 снежня. – С. 4.
21. Міжнародны жаночы дзень // Звязда. – 1936. – 9 сакавіка. – С. 4.
22. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13024. Докладная секретаря Гомельского обкома КП(б)Б о работе промышленности Гомельской области за первое полугодие 1938 г.
23. Стахановка Минской швейной фабрики “Октябрь” Зеленко А. В., выдвинутая на пост директора Минской швейной фабрики “8 Марта” (фото 1938 г.) // Беларускі дзяржаўны архіў кінафотафонадакументаў. – Арх. № 1–646.
24. **Зарубежны, А.** У гасцях у знатнай стыханаўкі / А. Зарубежны // Звязда. – 1935. – 14 лістапада. – С. 3.
25. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. – Ф. 102. Воп.1. Спр. 377. Сводки Витебского отдела НКВД (декабрь 1935 г. – январь 1936 г.).

Паступіў у рэдакцыю 27.06.2016 г.
 Кантакты: subotsin@mail.ru
 (Субоцін Аляксандр Аляксандравіч)

Subotsin A.A. PARTICIPATION OF BSSR's WOMEN IN THE STAKHANOV MOVEMENT DURING LATE 1930-s.

The article considers economic and social aspects of the Belarusian female participation in the Stakhanov movement in the second half of the 1930-s. The author reveals mechanisms of social mobility and specific formation of new female heroic images.

Keywords: women, the Stakhanov movement, BSSR, feminization, production.

УДК 94 (476) : 070

**РОССИЙСКАЯ ПЕЧАТЬ О ПОЛИТИКЕ
ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
(1905–1914 гг.):
ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА**

Е. П. Цумарева,
кандидат исторических наук,
ст. преподаватель,
Белорусско-Российский университет

В статье рассматривается историография проблемы отражения в прессе политики царского правительства на территории Беларуси (1905–1914 гг.). Выделено два блока: исследования взаимоотношений власти и прессы, труды по истории печати. Сделан вывод, что в современной историографии достаточно хорошо представлены статистические данные о развитии печати, а также юридические оценки российского цензурного законодательства. Однако комплексного исследования отражения на страницах прессы политики царского правительства в отношении Беларуси проведено не было, делаются первые шаги в описании цензурной системы на территории Беларуси начала XX в.

Ключевые слова: историография, либеральная печать, монархическая пресса, цензура, политика, Беларусь.

Введение

Начало XX в. в истории Беларуси, входившей тогда в состав Российской империи, представляет собой интереснейший исторический период, в который произошли коренные изменения во всех сферах общественной жизни. В начале XX в. основную роль в фиксации и трансляции политических решений, в оперативном освещении жизни в национальных окраинах играли газеты и журналы, являвшиеся основным средством массовой информации (СМИ). Анализ материалов прессы представляет исключительную важность, т. к. позволяет раскрыть дискуссионные вопросы, определить специфику политики в отношении Беларуси и общественное мнение по вопросам развития губерний.

Задачей статьи является анализ историографических исследований отечественных и зарубежных авторов, посвященных вопросам отражения в либеральной и консервативной прессе политики российского правительства на территории Беларуси, а также деятельности цензурной системы, определявшей условия функционирования печати.

Основная часть

Историографический анализ позволил выявить три периода в изучении проблем отражения в прессе политики царизма и развития Бе-

ларуси в первой четверти XX в.: дореволюционный, советский, постсоветский. Исследовательское поле представляет возможности междисциплинарного изучения, в результате чего выделены историческое, правоведческое, политологическое, журналистское направления историографии.

Первый опыт анализа в прессе политики российского правительства, роли и места Беларуси появился в досоветский период и принадлежал, как правило, самим участникам политического процесса. Сложилось два исследовательских направления: либеральное и официально-охранительное.

Взгляды либерального лагеря выражались в признании прав на культурное самоопределение окраин, в критике несоответствия деятельности администрации законодательству о печати, в требованиях построения взаимоотношений власти и прессы на правовой основе, что нашло отражение в исследованиях К.К. Арсеньева, Г.А. Евреинова, В.А. Розенберга, А. Горбунова [1; 2; 3; 4]. Официально-охранительный подход характеризовался критикой расширения прав инородцев, требованиями усиления цензуры, восприятием “свободы слова” как свободы “антиправительственной агитации”. Эту точку зрения развивали В.М. Пуришкевич, идеолог “монархического национализма”, и А.А. Башмаков, редактор газеты “Правительственный вестник” [5; 6].

В исследованиях Н.А. Бородина, П.Н. Миллюкова, В.П. Обнинского было задано направление изучения партийной прессы как средства достижения и реализации власти [7; 8; 9]. Именно историография досоветского периода заложила основания рассмотрения многовекторного процесса взаимоотношений власти и прессы. Отметим, однако, что исследования политики царского правительства в отношении Беларуси проведено не было.

В советской историографии определяющий подход в оценке либерально-консервативных СМИ был заложен в статьях В.И. Ленина, который характеризовал материалы газет “Речь”, “Русская воля”, “Новое время” как “лживый” исторический источник [10]. По вопросу о категории “свобода печати” В.И. Ленин критиковал “капиталистов, эсеров и меньшевиков”, понимавших под данным термином отмену цензуры и возможность всем партиям “свободно издавать любые газеты” [11]. Среди исследований советских ученых выделяется монография Э.Г. Голомб и Е.Н. Фингерит по изучению политики в сфере печати, протекционизма “реп-тильного фонда”, занимавшегося спонсированием проправительственных газет [12]. Первый системный словарь по истории цензуры Российской империи был составлен А.В. Мезьер. Он дает общее представление о системе цензуры, однако практически не содержит сведе-

ний о функционировании органа профессиональной цензуры в белорусско-литовских губерниях – Виленского временного комитета по делам печати [13].

Периодом нового расширения исследовательского интереса к изучаемой теме стали 1970–1990-е гг. В методологии произошла переоценка либеральной и монархической прессы как исторического источника в изучении политики самодержавия. Актуализировались дискуссии о либеральном и консервативном выборе в политике царизма, возрос интерес к проектам обустройства России, предложенным в революционных СМИ.

В исследовании “Русская газета и газетное дело в России” Б.И. Есин провел критику исторических взглядов 30-х гг. XX в. как “значительно устаревших” по своей общей концепции в отношении либерально-буржуазной прессы [14, с. 6]. Основное внимание историк уделил вопросу о субсидировании в МВД правительственных официозов и спонсированию московскими купцами-заводчиками либеральных газет [14, с. 90–100]. Автор считал, что не все редакторы консервативных СМИ поддерживали возможность получения казенных субсидий, т. к. это давало повод к “дискредитированию” газеты [14, с. 99]. Финансирование прессы, в частности газет “Речь”, “Русские ведомости”, “Русское слово”, и зависимость СМИ от крупных капиталистов также рассмотрел А.Н. Боханов [15].

Основываясь на широком круге данных, А.Ф. Бережной доказал первостепенную роль газет в формировании общественного мнения благодаря их “повсеместному” распространению. Автор обосновал тезис, что органы печати осуществляли собственную политику, нередко влияя на самих членов соответствующих партий [16].

Анализируя буржуазно-либеральные идеи, в том числе по материалам журнала “Освобождение”, газет “Полярная звезда”, “Утро России”, В.В. Шелохаев пришел к выводу, что отличительной чертой русского либерализма являлась затянувшаяся “интеллектуальная” стадия, использование отдельных идей для укрепления традиционной монархической системы в России. Роль “партийной” печати определена как ведущая, во многом повлиявшая на политику властей, особенно во время революционных кризисов [17]. Основываясь на анализе материалов “Московского еженедельника”, Н.А. Балашова пришла к выводу, что в империи существовала иерархия автономных прав, вытекавшая из уровня культурно-политического развития народов России [18, с. 160].

Большая работа была проделана по систематизации материалов. В результате был издан библиографический указатель “Доктябрьская книга на русском языке о Белоруссии (1768–1917 гг.)”, в который, однако, не вошли крайне правые издания [19].

Для историографии начала XXI в. характерно становление подхода, ориентированного на изучение роли печати в формировании гражданского общества. А.Ю. Горчева, Т.С. Родионова сделали вывод о значительной роли журналистов-депутатов в политическом процессе и деятельности Думы [20; 21]. В рамках теории демократического транзита И.К. Кирьяновым изучена роль прессы во взаимоотношениях власти и общества, цензурные изменения в 1905 г. оценены им как прогрессивные для Российской империи [22, с. 24].

В исследовании роли журналистики в политическом процессе выделяются комплексные работы историков печати С.Я. Махониной, Е.В. Ахмадулина. С.Я. Махонина описала горизонтальную структуру прессы, ее деление на петербургскую, московскую и провинциальную [23, с. 12]. Особый интерес историков вызвала проблема взаимосвязи правительства и консервативно-реакционных СМИ. Е.В. Ахмадулин сделал вывод о том, что официозная и черносотенная печать оказала значительное влияние на становление консервативной идеологии в политике [24]. Материалы газеты “Окраины России” привлечены А.Я. Аврехом в анализе принятия политических решений в начале XX в. [25, с. 132].

Исследованию политического развития белорусско-литовских губерний посвящена коллективная работа “Западные окраины Российской империи”. В ней уделено внимание “имперскому измерению” истории России и Беларуси. Акцентированно изучен польский вопрос [26]. Интерес представляет статья С.Н. Токтя “Российская империя и ее политика на белорусских землях в XIX – начале XX в. в современной белорусской историографии”, где рассмотрены оценки различными школами проблем исторического развития и взаимодействия белорусов с Россией и Польшей [27].

Многие работы посвящены отдельным группам СМИ. Так, Т.В. Бойко, проанализировала редакционный состав газет “Русские ведомости”, “Русское слово”; еженеделничков “Вестник Европы”, “Русская мысль”, “Русское богатство”, доказала главенствующую роль периодической печати как выразителя общественного мнения. Автор пришла к выводу, что в решении рабочего вопроса основными требованиями монархических газет было православно-монархическое воспитание рабочих. Либералы основание “социального мира” в стране видели в улучшении экономического положения и развития образования рабочих [28].

В историографии широко представлены исследования регионального аспекта, влияния местных либеральных изданий на развитие общественно-политической жизни. Так, В.В. Воробьев пришел к выводу, что, несмотря на поражение революции 1905–1907 гг. и издание не-

благоприятных для прессы “Обязательных постановлений”, редакционные комитеты либеральных СМИ продолжали функционировать как центры умеренно-оппозиционного движения в Сибири [29, с. 119]. Политика администрации в сфере цензуры охарактеризована как направленная на ограничение свободы печати. Сделан вывод о бойкоте предпринимателями и прогрессивной интеллигенцией черносотенных изданий [29].

Внимание современных исследователей привлекает проблематика цензурной политики и практика организации МВД досмотра СМИ. Сведения о цензурной политике и организации цензурного дела в Виленской губернии представлены в библиографическом справочнике “Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века” [30]. В проделанном сравнительном анализе австрийского, немецкого, французского и российского цензурного законодательства А.В. Лихоманов доказал реакционность последнего [31].

Особое значение для раскрытия темы имеет вышедший в начале XXI в. библиографический справочник А.А. Грабельникова, О.Д. Миновой, где представлен обзор книг, монографий, сборников статей по периодической печати в Российской империи [32].

В белорусской советской историографии первым опытом монографического описания отдельных периодических изданий как источника является работа Т.Н. Федоровой. Автором были выделены и раскрыты основные темы, обсуждавшиеся на страницах газеты “Минский листок”. Особое внимание уделено деятельности минского нотариуса и основателя газеты И.П. Фотинского и его последователя, редактора газеты “Северо-Западный край” М.П. Мысовского [33, с. 116–117].

Общественную мысль и прессу Беларуси изучали О.И. Ефремова и С.Х. Александрович [34; 35]. О.И. Ефремова в своем исследовании систематизировала список организаций и СМИ монархического и буржуазно-либерального лагерей на белорусских землях, представила развернутую характеристику взглядов деятелей либеральной печати: С.Н. Булгакова, П.Б. Струве, М.О. Гершензона, А.С. Изгоева, Д.Д. Бохана, М.П. Мысовского по вопросам аграрной, национальной и культурной политики в Беларуси [34]. С позиций марксизма-ленинизма проведена критика статей газеты “Северо-Западный край”, посвященных вопросам о роли интеллигенции, о духовных началах личности и общества [34, с. 32].

В.М. Конон в монографии, не потерявшей своей актуальности и сегодня, доказал зависимость тематики статей и условий функционирования прессы от наступления политической реакции в 1907 г. [36, с. 11]. Автор раскрыл значимость для общественного мнения борьбы

либеральных газет “Окраина” и “Минский курьер” против монархическо-черносотенных газет края и отметил заслугу В.И. Чаусова, П.В. Румянцева, Д.Д. Бохана в политическом разоблачении депутата III Государственной думы октябриста Г.К. Шмидта [36, с. 55–107]. По мнению В.М. Конона, газета “Окраины России” являлась центральным изданием сторонников западнорусизма, но материалы газеты автором не рассмотрены [36, с. 182]. Н.С. Сташкевич, И.Ф. Романовский исследовали идеологию западнорусизма и позицию партий в национальном вопросе с привлечением материалов газет “Окраины России” и “Русской мысли” [37, с. 217–230].

Для современного этапа белорусской историографии характерно становление подхода, ориентированного на исследование прессы в рамках изучения истории партий, акцентированное изучение агитационно-пропагандистской функции СМИ как средства популяризации партийных идеологий. Так, группу источников в монографии К.М. Бондаренко “Правые партии и их организации в Беларуси” представляют материалы газет “Минское слово”, “Минское русское слово”, “Виленский вестник”, “Витебский вестник”, “Могилевские епархиальные ведомости”, “Морская волна”, “Крестьянин” и т. д. [38]. Определяющую роль депутатов-редакторов и партийной прессы в формировании и донесении до белорусов идеологии либерального западнорусизма, идеологии Конституционно-демократической партии раскрыл Д.С. Лавринович [39; 40]. Участие СМИ в избирательных кампаниях в Государственную думу на территории Беларуси анализировал Н.М. Забавский. В исследовании историка затронут вопрос отношений власти и прессы, протекционизм со стороны администрации газете “Минская речь” и закрытие либеральных газет-конкурентов монархической прессы [41, с. 19]. Общим у историков является тезис о первостепенной роли печати во время избирательных кампаний.

Исследователь А.В. Унучек рассматривал СМИ сквозь призму национального вопроса и доказал первостепенную роль белорусской национальной прессы в генезисе белорусской национальной идеи [42]. А.Ф. Смоленчук, используя среди других источников материалы польских краевых СМИ, осветил польское общественно-политическое движение на территории Беларуси [43]. Большая работа по систематизации и общей характеристике белорусских СМИ была проделана С.В. Говиным, А.Г. Слухой [44; 45].

Отдельную группу по историографии проблемы представляют диссертационные исследования. В некоторых диссертациях затронуты аспекты, относящиеся к проблемному полю исследования.

Изучению полемики в прессе развития Беларуси в начале XX в. посвящено диссертационное исследование Н.А. Зубочнок. В каче-

стве оппонентов белорусской национально-демократической печати автор определила издания "Крестьянин", "Северо-Западная жизнь", "Русское слово" [46]. Исследование политики российского правительства в отношении Беларуси по материалам либеральной и консервативной печати проведено в диссертации Е.П. Цумаревой [47].

Актуальной темой в зарубежной историографии является вопрос взаимоотношений власти и прессы. В статье Дж. Дейли "Пресса и государство в России (1906–1917 гг.)" автор пришел к пониманию того, что русская печать являлась элементом гражданского общества, который "наиболее угрожал" устоям абсолютизма. Среди печати, преследуемой правительством, Дж. Дейли выделил СМИ, издававшиеся представителями рабочих, национальных меньшинств. Сделан вывод, что активная позиция печати подрывала способность "высшей бюрократии" проводить произвольную политику [48]. Среди зарубежных исследований отметим работу Дж. Хоскинга, который оценил изменения в информационной сфере в 1905 г. как одни из самых передовых, а также отметил роль прессы в формировании политического сознания. По мнению историка, гражданское общество в 1905 г. "шагнуло далеко вперед", т. к. были подняты вопросы свободы печати и ответственности властей перед народом [49, с. 459–461].

В современной зарубежной историографии определяющей тенденцией является изучение Российской империи как многонационального государства, взаимоотношений центра и периферии, русоцентристского и полиэтнического контекста империи, значения языка в формировании национальных идентичностей. Углубленное исследование вопроса о "русификации" белорусско-литовских губерний и политики царских чиновников в Беларуси провел историк Т.Р. Виск [50]. Анализ прессы показал многогранность дискуссии о российском и польском влиянии на белорусов.

Итак, исследования, проведенные историками из-за рубежа, представляют характеристику общеимперских тенденций в проведении окраинной политики и развитии информационной сферы, в большей степени ориентированы на рассмотрение политики "русификации".

Заключение

Очевидно, что сегодня на достаточно высоком уровне изучены количественные показатели развития прессы, выявлено общественно-политическое направление и программы партийной прессы; рассмотрена издательская деятельность и личности корреспондентов ведущих газет. Также даны юридические оценки российскому законодательству о печати.

Однако, несмотря на многообразие исследований СМИ как исторического источника, в ра-

ботах практически не прослеживается анализ материалов по истории белорусско-литовских губерний с их национальной, языковой, религиозной спецификой и особенностью исторического пути. Также в современной историографии делаются только первые шаги в описании цензурной системы на территории Беларуси начала XX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Арсеньев, К. К.** Законодательство о печати / К. К. Арсеньев. – СПб. : Типо-Литография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1903. – 263 с.
2. **Евреинов, Г. А.** Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема полит. программы. Малороссы. – Царство Польское. – Белорусы и Литва. – Прибалтийские губернии. – Финляндия. – Кавказ / Г. А. Евреинов. – СПб. : Тип. А. Бенке, 1908. – 130 с.
3. **Розенберг, В. А.** Русская печать и цензура в прошлом и настоящем : сб. ст. / В. А. Розенберг, В. Е. Якушкин – М. : М. и С. Сабашниковы, 1905. – 250 с.
4. **Горбунов, А.** Действующее законодательство о печати / А. Горбунов // Свобода печати при обновленном строе : [сборник]. – СПб. : б. и., 1912. – С. 62–85.
5. **Пуришкевич, В. М.** Русская печать на заре обновления / В. М. Пуришкевич. – СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1905. – 23 с.
6. **Башмаков, А. А.** За смутные годы : публицист. ст. и речи / А. А. Башмаков. – СПб. : Рус.-фр. тип., 1906. – 356, III с.
7. Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. – СПб. : Тип. товарищества "Обществ. Польза", 1914. – Т. 3, кн. 5 : Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе. – 643 с.
8. **Милюков, П. Н.** Вторая Дума : публицист. хроника, 1907 : 2-е продолж. сб. "Год борьбы" / П. Н. Милюков. – СПб. : Тип. товарищества "Обществ. Польза", 1908. – 302 с.
9. **Обнинский, В. П.** Летопись русской революции / В. П. Обнинский. – М. : В. М. Саблин, 1907. – Т. 3 : Дума и революция, вып. 1 : Меры против печати. Тюрьма и ссылка. Карательные экспедиции. Смертные казни. Хроника. Апрель – июль 1906. – 111 с.
10. **Ленин, В. И.** О печати. Союз лжи / В. И. Ленин. – 3-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1982. – С. 346–349.
11. **Ленин, В. И.** Российская "Свобода слова" / В. И. Ленин // О печати. – 3-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1982. – С. 242–243.

12. **Голомб, Э. Г.** Распространение печати в дореволюционной России и Советском Союзе / Э. Г. Голомб, Е. Н. Фингерит. – М. : Связь, 1967. – 152 с.
13. **Мезьер, А. В.** Словарь русских цензоров. Материалы к библиографии по истории русской цензуры / А. В. Мезьер. – М. : Гос. публ. б-ка России, 2000. – 142 с.
14. **Есин, Б. И.** Русская газета и газетное дело в России (задачи и теоретико-методологические принципы изучения) / Б. И. Есин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 132 с.
15. **Боханов, А. Н.** Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. / А. Н. Боханов. – М. : Наука, 1984. – 152 с.
16. **Бережной, А. Ф.** История отечественной журналистики (конец XIX – начало XX в.) : материалы и док. / А. Ф. Бережной. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – 106 с.
17. **Шелохаев, В. В.** Либералы и массы (1907–1914 гг.) / В. В. Шелохаев // Вопросы истории. – 1994. – № 12. – С. 46–63.
18. **Балашова, Н. А.** Российский либерализм начала XX века: банкротство идей “Московского еженедельника” / Н. А. Балашова. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 182 с.
19. **Сакольчик, А. А.** Доктябрьская книга на русском языке о Белоруссии (1768–1917 гг.) : библиогр. указ. / А. А. Сакольчик ; под ред. Ю. И. Драгуна. – 2-е изд. – Минск : Госбиблиотека БССР им. В. И. Ленина, 1976. – 425 с.
20. **Горчева, А. Ю.** Пресса и Государственная Дума (1906–1917) / А. Ю. Горчева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2000. – № 3. – С. 8–30.
21. **Родионова, Т. С.** Журналисты, редакторы и издатели – члены первой Государственной Думы / Т. С. Родионова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 116–129.
22. **Кирьянов, И. К.** Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / И. К. Кирьянов. – Пермь, 2009. – 537 с.
23. **Махонина, С. Я.** Русская легальная журналистика XX в. (1905 – февраль 1917) / С. Я. Махонина // Из истории русской журналистики начала XX века : [сборник] / под ред. Б. И. Есина. – М., 1984. – С. 5–49.
24. **Ахмадулин, Е. В.** Пресса политических партий России начала XX века: издания консерваторов / Е. В. Ахмадулин. – Ростов н/Д. : Изд-во ЗАО “Книга”, 2001. – 132 с.
25. **Аврех, А. Я.** П. А. Столыпин и судьбы реформ в России / А. Я. Аврех – М. : Политиздат, 1991. – 285 с.
26. Западные окраины Российской империи / Л. А. Бережная [и др.] ; науч. ред.: М. Долбилов, А. Миллер. – М. : Новое лит. обозрение, 2006. – 605 с.
27. **Токть, С.** Российская империя и ее политика на белорусских землях в XIX – начале XX в. в современной белорусской историографии / С. Токть // Западные окраины Российской империи ; под общ. ред. М. Долбилова, А. Миллера. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – С. 503–532.
28. **Бойко, Т. В.** Рабочие России и культура: полемика на страницах консервативной и либеральной периодики нач. XX в. / Т. В. Бойко. – М. : ИРИ РАН, 1997. – 156 с.
29. **Воробьев, В. В.** Либеральная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907–1914 гг.) : учеб. пособие / В. В. Воробьев. – Омск : Омский гос. ун-т, 2003. – 124 с.
30. Цензоры Российской империи: конец XVIII – начало XX века : библиогр. справ. / О. Ю. Абакумов [и др.] ; Рос. нац. б-ка ; редкол.: В. Р. Фирсов (пред.) [и др.]. – СПб. : Рос. нац. б-ка, 2013. – 480 с.
31. **Лихоманов, А. В.** Требования к редакторам периодических изданий как элемент цензурной политики России в 1905–1917 гг. / А. В. Лихоманов // Книжное дело в России в XIX – начале XX века : сб. науч. тр. – Вып. 14. – СПб. : РНБ, 2008. – С. 75–89.
32. **Грабельников, А. А.** История русской периодической печати (1703–2003) / А. А. Грабельников, О. Д. Минасова. – М. : РИП – холдинг, 2004. – Т. 2. – 269 с.
33. **Федорова, Т. Н.** Общественно-политическая мысль в Белоруссии и “Минский листок” (1886–1902 гг.) / Т. Н. Федорова. – Минск : Наука и техника, 1966. – 130 с.
34. **Ефремова, О. И.** Из истории общественной мысли Белоруссии конца XIX – начала XX в. / О. И. Ефремова. – Минск : Наука и техника, 1972. – 176 с.
35. **Александрович, С. Х.** Пуцявіны роднага слова: Праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы XIX – пачатку XX ст. / С. Х. Александрович. – Мінск : БДУ, 1971. – 248 с.
36. **Конон, В. М.** Проблемы искусства и эстетики в общественной мысли Белоруссии начала XX в. / В. М. Конон ; под ред. С. Х. Александровича. – Минск : Наука и техника, 1985. – 200 с.
37. Палітычныя партыі Беларусі / пад рэд. Н. І. Скавародкіна. – Сер. “Гістарычныя сшыткі”. Сш. 2. – Мінск : Згода, 1994. – 262 с.

38. **Бондаренко, К. М.** Правыя партыі і іх арганізацыі ў Беларусі (1905–1917 гг.) : монографія / К. М. Бондаренко. – Могилев : МГУ імя А. А. Кулешова, 2010. – 412 с.
39. **Лавриноўч, Д. С.** Газета “Могилевскі голас” у барабле за рэалізацыю праграмы кадэцкай партыі ў Беларусі / Д. С. Лавриноўч // Беларусь у эпоху рэвалюцыйных узрушэнняў: да 100-годдзя выхаду ў свет газеты “Наша ніва” : матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., г. Мінск. 10 лістап. 2006 г. ; навук. рэд. А. П. Жытко. – Мн., 2006. – С. 140–143.
40. **Лавриноўч, Д. С.** Общероссийские либеральные партии организации в общественно-политической жизни Беларуси (1905–1918 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Д. С. Лавриноўч. – Минск, 2012. – 294 л.
41. **Забайскі, М. М.** Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.) / М. М. Забайскі. – Мінск : БДПУ, 1999. – 212 с.
42. **Унучак, А. У.** “Наша ніва” і беларускі нацыянальны рух (1906–1915 гг.) / А. У. Унучак. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – 186 с.
43. **Смалянчук, А. Ф.** Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 / А. Ф. Смалянчук. – СПб. : Неўскі працяг, 2004. – 406 с.
44. **Говін, С. В.** Гісторыя беларускай журналістыкі (1563–1917 гг.) : вучэб.-метады. комплекс / С. В. Говін. – Мінск : БДУ, 2003. – 99 с.
45. **Слука, А. Г.** Беларуская журналістыка : вучэб. дапам. : у 3 ч. / А. Г. Слука. – Мінск : БДУ, 2000. – Ч. 1. – 232 с.
46. **Зубчонок, Н. А.** Беларускі друк у перыяд станаўлення нацыянальна-дэмакратычнага руху (1906–1917 гг.) : дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.10 / Н. А. Зубчонок ; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2001. – 105 с.
47. **Цумарева, Е. П.** Российская правительственная политика на территории Беларуси в 1905–1914 гг. (по материалам консервативной и либеральной печати) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. П. Цумарева. – Минск, 2015. – 204 л.
48. **Дейли, Дж.** Пресса и государство в России (1906–1917 гг.) / Дж. Дейли // Вопросы истории. – 2001. – № 10. – С. 25–46.
49. **Хоскинг, Дж.** Россия: народ и империя (1592–1917) / Дж. Хоскинг ; пер. С. Н. Самуйлова. – Смоленск : Русич, 2001. – 512 с.
50. **Викс, Теодор Р.** “Мы” или “они”? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 / Теодор Р. Викс // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология ; сост.: П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М. : Новое издательство, 2005. – С. 589–606.

Поступила в редакцию 20.06.2016 г.

Контакты: ilmazum@tut.by

(Цумарева Елена Петровна)

Tsumareva E.P. RUSSIAN PRESS ABOUT TSARIST GOVERNMENT POLICY IN BELARUS IN 1905–1914: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE.

The article outlines the historiography of the media coverage of the tsarist government policy on the territory of Belarus in 1905–1914. The study of relationship between the government and the press and the works on the history of printing are presented. The author draws the conclusion that in modern historiography the statistical data on the press development are presented to advantage as well as the judicial estimation of the Russian censorship legislation. However a comprehensive study of the media coverage of the tsarist government policy on the territory of Belarus has not been carried out. The first steps in the description of the censorship system on the territory of Belarus in the early XX century are being taken.

Keywords: historiography, the liberal press, the monarchist press, censorship, politics, Belarus.

УДК 94 (476) "18/19"

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ЧИНОВНИЧЕСТВА БЕЛОРУССКИХ
ГУБЕРНИЙ (1864–1914 гг.)**

А. Д. Кузьмин

старший преподаватель,
Могилевский государственный
университет продовольствия

В статье рассматривается политика царского правительства в области организации государственной службы, исследуется чиновничий корпус местного государственного аппарата во второй половине XIX – начале XX вв. Автором определены правовые источники, регламентирующие процесс прохождения службы, охарактеризована специфика карьерного роста, выявлены особенности правового и социально-экономического положения государственных служащих.

Ключевые слова: чиновничество, бюрократия, белорусские губернии, материальное положение, кадровая политика, карьера.

Введение

Важными факторами, определяющими качественный уровень и эффективность деятельности государственного аппарата власти, являются условия поступления на службу, особенности ее прохождения, а также организация работы чиновников в государственных учреждениях. Они определяют возможности совершенствования бюрократического аппарата, а потому должны быть обстоятельно проанализированы. Более того, именно правовой статус личности был и остается одним из определяющих показателей уровня развития общества.

Необходимо отметить, что анализ социально-правового положения государственных служащих белорусских губерний в 1864–1914 гг. еще не стал предметом специального изучения в отечественной и зарубежной историографии.

Основная часть

После подавления восстания 1863 г. произошли коренные изменения в положении чиновничества на белорусских землях. В служебной записке М.Н. Муравьева от 14 мая 1864 г. указывалось, что в западных губерниях следует все высшие служебные должности по всем ведомствам, а также все места, имеющие прикосновение с народом, заместить русскими чиновниками, прочие же должности замещать русскими постепенно [1, с. 575], что и было утверждено императором Александром II 22 мая 1864 г. Царские власти поставили задачу привлечения в край русских чиновников, предоставив им ряд льгот и преимуществ. На протяжении всего нескольких лет личный состав

служащих местных государственных учреждений был кардинально обновлен. На основе данных адрес-календаря Виленского генерал-губернаторства за 1868 г. С.М. Токть проанализировал конфессиональный состав 3400 классных чиновников 5 белорусских губерний. По вероисповеданию они распределялись: православные – 2591 (76,2%), католики – 571 (16,8%), протестанты – 153 (4,5%), мусульмане – 75 (2,2%), другие – 10 (0,29%) [2].

В начале рассматриваемого периода право поступления на государственную службу определялось двумя обстоятельствами – сословным происхождением и уровнем образования. В соответствии с «Уставом о службе гражданской» 1857 г. по праву происхождения на службу поступали дети потомственных и личных дворян, священников православного, униатского и армяно-григорианского вероисповеданий, протестантских пасторов, купцов первой гильдии, дети канцеляристов, ученых и художников. Дети купцов второй и третьей гильдии, вольноотпущенников, мещан, военнослужащих-отставников из недворян таким правом не располагали. С другой стороны, закон смягчал старые сословные ограничения условием образования. На государственную службу принимались лица, окончившие университеты и средние учебные заведения. В «Уставе о службе гражданской» 1857 г. были введены определенные ограничения для лиц еврейской национальности. Поступить на государственную службу имели право только те евреи, которые получили ученую степень доктора в российских университетах и академиях. Евреям, получившим медицинские ученые степени и имевшим дипломы лекарей и докторов, разрешалось поступать на службу по медицинской части, но только в черте еврейской оседлости.

Следует отметить, что пришедшие на службу по праву происхождения не были избавлены от интеллектуального ценза. Если они не имели аттестата учебного заведения или их образование было начальным, то подвергались предварительному испытанию на знание основ грамматики, арифметики, после чего зачислялись на низшие должности со званием канцелярских служащих.

Четкого возрастного ценза не существовало. Принимали на службу не ранее 14 лет, а действительная государственная служба начиналась не ранее 16 лет [3, с. 3–20].

В 1895 г. при Государственном совете была создана комиссия для пересмотра «Устава о службе гражданской». Вместе с вопросами чиновничества, продвижения по служебной лестнице, сословного ценза был рассмотрен и вопрос о состоянии образовательной подготовки. Если раньше при поступлении на службу было достаточно окончить уездное училище, то теперь по решению комиссии был установлен

минимальный образовательный ценз в шесть классов среднего учебного заведения. Таким образом, служебный рост государственных служащих был поставлен в зависимость от образовательного уровня [4, с. 49–50].

5 октября 1906 г. Николаем II был издан указ, согласно которому российским подданным предоставлялись “безразлично от их происхождения” равные права в отношении государственной службы, “с упразднением всех особых преимуществ на занятие по определению от Правительства некоторых должностей в зависимости от сословного происхождения”. Таким образом, принцип сословного подхода к формированию бюрократического аппарата был отменен [5].

Порядок продвижения по службе в Российской империи вплоть до 1917 г. определялся “Табелью о рангах”, которая установила 14 классов государственной службы. “Табель о рангах” определяла прохождение службы от низших чинов к высшим. Именно чин давал право на занятие определенной государственной должности. Например, должности губернатора соответствовал IV классный чин, должности старшего советника губернского правления – V классный чин. Чины XI (корабельный секретарь), XIII (провинциальный секретарь) классов после 1834 г. на практике не использовались и не входили в общий порядок производства [6, с. 126].

Государственная служба давала возможности для постепенного карьерного роста. Качество работы чиновников стимулировалось существовавшей системой чиновничества. Чины влияли не только на должность, но и на гражданское состояние в целом, содержание и вознаграждение, давали разные почетные преимущества. Для тех, кто не родился дворянином, служба открывала дорогу к сословным привилегиям.

По закону 1856 г. “О сроках производства в чины по службе гражданской” только чин IV класса (действительного статского советника) обеспечивал потомственное дворянство (в предыдущий период потомственное дворянство давал V классный чин). V–IX классы давали право на личное дворянство чиновнику и его жене. X–XIV классы делали чиновника личным почетным гражданином. Поскольку основную массу чиновничества составляли лица XIV–IX классов, очевидно, что большинство служащих цель своей службы (с точки зрения статуса) видели в дворянстве. Кроме того, дети личных дворян становились потомственными почетными гражданами. При выходе в отставку чиновник производился в следующий классный чин, но при этом не мог претендовать на потомственное дворянство (даже если это был чин действительного статского советника) – социальный статус можно было изменить только во время службы [7, с. 72].

Безусловно, система постепенного продвижения по лестнице чинов имела как положительные стороны (например, невозможность выходцам из знатных и богатых семей сразу, без опыта, занять высокие должности), так и отрицательные. К последним относилось то, что многие чиновники делали карьеру исключительно за счет выслуги, отнюдь не повышая качество своей работы.

Другим распространенным способом служебного поощрения в рассматриваемый период являлось награждение орденами. Некоторые ордена, подобно чинам, обеспечивали сословные привилегии. Согласно указу Александра II от 9 декабря 1856 г. дворянства удостаивались кавалеры первых степеней всех российских орденов, а также кавалеры ордена Св. Владимира, все степени которого давали право на “благородство”. Правда, в дальнейшем этот путь приобретения дворянства был затруднен. Указом от 16 августа 1887 г. было установлено, что для получения ордена Владимира IV степени необходимо прослужить в классных чинах не менее 20 лет, а также иметь орден Св. Анны II степени, получавшийся чиновниками не ниже VI класса. Согласно закону от 28 мая 1900 г. потомственное дворянство давало получение ордена Св. Владимира III степени [8, с. 26–27].

Стремление получить награду в виде ордена на протяжении всего рассматриваемого периода в среде чиновников белорусских губерний оставалось высоким. Ежегодно по разным ведомствам к наградам представлялись десятки чиновников. Например, в течение 1865 г. из 942 служащих по всем ведомствам чиновников Минской губернии ордена получили 19 чел. Из них: орден Св. Владимира III степени – 1; орден Св. Владимира IV степени за 35-летнюю выслугу в офицерских чинах – 5; орден Св. Анны II степени – 2; орден Св. Анны III степени – 4; Св. Станислава II степени с императорской короной – 4; орден Св. Станислава II степени – 2; серебряную медаль с надписью “За усердие” – 1 [9, л. 38–39].

Вместе с тем на территории Беларуси был незначительный удельный вес представителей высшего сословия, которые получили дворянство через государственную службу или награждение орденами. Если в великорусских губерниях такой показатель составлял в среднем 63%, то в Могилевской губернии – 32,1%, Минской – 12,6%, Гродненской – 20,6% [10, с. 23].

С назначением на должность гражданской службы канцелярский служитель или чиновник получал содержание, которое состояло из трех элементов: 1) жалованье (основной элемент); 2) столовые деньги, 3) квартирные деньги или казенную квартиру. Размер каждого из этих элементов определялся в штатах, установленных для каждого ведомства или учреждения. Выдача жалованья производилась ежемесячно (20-го

числа каждого месяца), причем жалование выдавалось за истекший месяц, столовые – за месяц вперед, квартирные – за треть года вперед [11, с. 96]. Некоторым чиновникам выплачивались деньги на канцелярские расходы, а также разъездные.

Существовала огромная разница в окладах высших и низших категорий гражданских служащих. Так, могилевский губернатор А.И. Пильц имел в год: жалования – 5000 руб. (417 руб. в месяц), столовых – 5000 руб., всего – 10000 руб. [12, л. 69–74]. Могилевский вице-губернатор, князь В.А. Друцкой-Соколинский жалования получал 2250 руб. в год (188 руб. в месяц) и столовых 2250 руб. [12, л. 13]. В то время как канцелярский служащий К. Ганкевич, не имеющий чина, получал в год всего лишь 60 руб. жалования (5 руб. в месяц). Другой канцелярский служащий, А. Вербицкий, которому в 1914 г. было 25 лет, получал жалования 240 руб. в год (20 руб. в месяц). Некоторые канцеляристы получали, как свидетельствуют их формуляры, “по трудам и заслугам” [12].

К немаловажным преимуществам государственной службы относилось получение пенсий. По общему правилу срок выслуги для получения пенсии определен был в 35 лет беспорочной службы. Прослуживший не менее 25 лет получал 50% пенсионного оклада. Если чиновник выходил в отставку по болезни, то прослуживший от 10 до 20 лет получал пенсию в размере третьей части оклада, от 20 до 30 лет – две трети оклада, от 30 и более лет – полный оклад. Все должности в государственном аппарате для получения пенсии были разделены на 9 разрядов, и, соответственно, ее величина колебалась в начале XX в. от 85 руб. 80 коп. (9 разряд) до 1143 руб. 60 коп. (1 разряд). В некоторых ведомствах существовали особые эмеритальные кассы, из которых их участникам (по выходу в отставку) или их семьям выплачивались дополнительные пенсии или единовременные пособия [13, с.122–126].

Порядок поступления на службу в рассматриваемый период предполагал достаточно длительное трудоустройство. Кандидат на определенную должность подавал прошение, представлял ряд документов и заполнял типовую анкету, в которой сообщал свое происхождение, образование, возраст, не привлекался ли к судебной ответственности, не находился ли под надзором полиции. Промшение об определении на службу должно было быть оплачено гербовым сбором в размере 1 руб. 50 коп. Если чиновник переходил из одного ведомства в другое, то ему нужно было предоставить с прежнего места работы аттестат, в котором отмечались все занимаемые им ранее должности, время исполнения всех должностных обязанностей, оценка качества службы по итогам аттестаций, полученные поощрения и наложенные взыска-

ния. После этого начиналась процедура установления “благонадежности” и удовлетворительности “нравственных качеств” кандидата на место [7, с. 69].

Следует отметить, что после подавления восстания 1863–1864 гг., а также в условиях развития революционного движения в начале XX в. такая характеристика чиновника, как “благонадежность”, то есть лояльность к существующему режиму, ценилась очень высоко.

Архивные материалы свидетельствуют, что при назначении на ту или иную должность немаловажную роль играло наличие протекции. Так, губернский секретарь Я.В. Сухоцкий, который в 1883 г. состоял в штате игуменской дворянской опеки, писал прошение минскому губернатору. Он жаловался, что получает всего 10 руб. в месяц жалования, а у него жена и четверо детей. Я.В. Сухоцкий, которому было 53 года, просил предоставить ему какую-нибудь должность в губернском правлении и указывал на несправедливость при занятии должностей, так как все зависит от благосостояния и связей [14, л. 7].

После того как все формальности оказывались улаженными, поступающий на государственную службу принимал присягу, обязуясь верно служить Отечеству и Государю, отстаивать государственные интересы, ответственно и добросовестно относиться к делу [7, с. 71].

Практика государственной службы Российской империи не предусматривала участия женщин в государственном управлении. В статье 156-й Устава о службе гражданской 1896 года издания четко определялось: “На канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места предоставляются по назначению от начальства или по выборам, воспрещен прием женщин даже и по найму”. В то же время в некоторых сферах государственной деятельности обойтись без участия женщин было нельзя, поэтому уже следующая 157-я статья Устава допускала привлечение женщин на службу в женских благотворительных, медицинских, образовательных учреждениях, а также в некоторых учреждениях государственного контроля, почтово-телеграфного ведомства, адресных столах полицейских подразделений. При этом оговаривалось, что женщины могут занимать канцелярские, врачебные, преподавательские должности исключительно по вольному найму “без предоставления им каких-либо прав и преимуществ, государственной службой приобретаемых, а равно и права замещения штатных должностей” [15, с. 40–42].

Перепись населения 1897 г. дает представление о количестве женщин, занятых в различных сферах государственной и общественной службы. Например, в Минской губернии насчитывалось 1304 женщины, занятые в учрежде-

ниях администрации, суда, полиции, на общественной и сословной службе, занимающиеся учебной и воспитательной, врачебной и санитарной деятельностью, а также работающие при благотворительных учреждениях и в почтово-телеграфном ведомстве [16, с. 152]. В Могилевской губернии в данных учреждениях работало 868 женщин [17, с. 172], в Витебской – 964 [18, с. 164], а в Гродненской – 912 [19, с. 194]. От общего количества лиц, занятых в этих сферах, их доля составляла 10,6%. Распределение женщин по видам службы было крайне неравномерным. Основная масса служащих женщин была занята в сферах образования (64,6%) и медицины (29,4%). В учреждениях администрации, суда и полиции работало всего лишь 57 женщин (0,6% от всех служащих). Таким образом, рекрутируя женщин в государственный аппарат, правительство упорно не желало признавать их государственными служащими.

Заключение

После подавления восстания 1863–1864 гг. царское правительство проводило политику по изменению кадрового состава местных органов государственной власти. На всех высших и ответственных должностях местные чиновники замещались выходцами из центральных губерний Российской империи.

Чиновничество белорусских губерний в 1864–1914 гг. представляло собой особую социальную общность, отношения внутри которой основывались на общеимперских юридических нормах. Наличие общепринятых норм повышения по службе, строгой иерархии и субординации, четкой системы поощрений и наказаний, а также корпоративной этики можно считать признаками внутреннего единства данной социальной группы. В рассматриваемый период немалую роль при трудоустройстве играли личные связи, протекция. Основным стимулом службы оставались чиновничество, стремление служащих к получению личного и потомственного дворянства. При подборе кандидатов на служебные должности значительное внимание в белорусских губерниях на протяжении всего рассматриваемого периода уделялось “политической благонадежности”.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі (1772–1903 гг.) / пад рэд. М.М. Нікольскага. – Мінск : Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1940. – Т. 2. – 938 с.
2. **Токць, С. М.** Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30–60-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / С. М. Токць. – Мінск, 1997. – 150 л.
3. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный, изд. 1857 г. :

в 15 т. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. 3 : Уставы о службе гражданской. – 1416 с.

4. **Зайончковский, П. А.** Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1978. – 288 с.
5. РГИА. – Фонд 1289. Оп. 8. Д. 18. Дело об определении на государственную службу лиц всех сословий.
6. **Черепанова, И. В.** Государственная служба Российской империи XIX в. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / И. В. Черепанова. – Омск, 2001. – 233 л.
7. **Бутусова, А. А.** Провинциальное чиновничество России в 1861–1917 гг. (на примере Курской губернии) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. А. Бутусова. – Курск, 2006. – 195 л.
8. **Корелин, А. П.** Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация / А. П. Корелин. – М. : Наука, 1979. – 303 с.
9. РГИА. – Фонд 1281. Оп. 7. 1866 г. Д. 79. Дело по отчету о состоянии Минской губернии за 1865 год.
10. **Жытко, А. П.** Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1864–1914 гг. : манаграфія / А. П. Жытко. – Мінск : БДПУ, 2003. – 233 с.
11. **Сидоренко, Б. И.** Жизненный уровень служащих губернского Могилева в конце XIX – начале XX веков: заработная плата и цены / Б. И. Сидоренко // История, философия, политика, право : науч. тр. преподавателей гуманитар. дисциплин / МГУП ; БИП–Ин-т правоведения ; под общ. ред. В. Д. Выборного, А. А. Скикевича. – Могилев, 2011. – Вып. 1. – С. 95–98.
12. НИАБ. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 675. Формулярные списки членов и чиновников Могилевского губернского правления 1914 г.
13. **Архипова, Т. Г.** История государственной службы в России XVIII–XX вв. : учебное пособие / Т. Г. Архипова. – М. : 1999. – 231 с.
14. НИАБ. – Фонд 299. Оп. 7. Д. 361. Формулярные списки чиновников Минской губернии 1883 г.
15. Свод законов Российской империи : в 15 т. / под ред. И. Д. Мордукай-Болтовского. – СПб. : Русское Книжное Товарищество “Деятель”, 1912. – Т. 3 : Свод уставов о службе гражданской. – 1896. – 460 с.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд.

Центр. стат. ком. МВД ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Тип. С.-петерб. тюрьмы, 1904. – XXII : Минская губерния. – XVI, 243 с.

17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд. центр. стат. ком. МВД ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Тип. С.-Петербург. акц. общ. печ. и писчебум. дела в России “Слово”, 1903. – XXIII : Могилевская губерния. – XV, 275 с.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. МВД ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб., 1903. – Тетр. 3 (последняя). V : Витебская губерния. – XIV, 281 с.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. МВД ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Тип. т-ва “Народная польза”, 1903. – XI : Гродненская губерния. – XV, 319 с.

Поступила в редакцию 19.12.2016 г.
Контакты: kuzmin_mog@mail.ru
(Кузьмин Андрей Дмитриевич)

Kuzmin A.D. SOCIAL AND LEGAL STATUS OF OFFICIALS IN BELARUSIAN PROVINCES (1864–1914).

The article deals with the policy of the tsarist government in the field of public service. The structure of the local government officialdom of the state apparatus in the second half of the XIX – early XX centuries is investigated. The author defines legal sources that regulated the process of service, characterizes the specificity of career advancement, peculiarities of the legal and socio-economic status of civil servants.

Keywords: officialdom, bureaucracy, Belarusian provinces, financial status, personnel policy, career.

УДК 94 (476)

**ВЛАСТЬ И СОЦИУМ НА ПЕРВЫХ ЭТАПАХ
ГОСУДАРСТВООБРАЗОВАНИЯ
В БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Я. А. Риер

аспирант,
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

В статье рассмотрены теоретические аспекты проблемы эволюции власти в процессе государствообразования с точки зрения политантропологии – преобразование общества от вождества к раннему, а потом и зрелому государству. Особое внимание уделяется феномену власти в белорусских землях в IX–XIV вв., дается краткая характеристика процессов, протекавших на данной территории в указанное время, а также анализируется возможность применения политантропологических терминов к истории белорусских земель.

Ключевые слова: власть, общество, правитель, князь, вождество, раннее государство, реципрокность, трансформация, белорусские земли, история.

Введение

Процессам государствообразования придается большое значение в общественных науках разных стран. Особенно пристальное внимание ученые обращают на начальные этапы становления государственности и эволюцию, которую проходит любое государство на пути своего развития. Значительный вклад в это изучение внесла современная политантропология, позволившая по-другому взглянуть на многие известные ранее процессы и привнести в историю образования восточнославянских государств, в том числе развивавшихся на территории Беларуси, новые термины и понятия, отражающие новое видение происходивших на этих землях изменений.

Бесспорным же признаком любого государства, складывающегося или уже сложившегося, является наличие особого аппарата управления, то есть власти, а основными критериями переходов от одной стадии развития государственного образования к другому многие исследователи считают изменения в отношении к этому аппарату, эволюции его функции и самой сущности. Таким образом, власть и отношение к ней социума видятся как одна из существенных характеристик развивающегося государственного образования, а изучение таких процессов может способствовать пониманию сути *политий* (политических образований разного уровня сложности), существовавших в белорусских землях на первых этапах становления государственности (XIII – XIV вв.).

Основная часть

Первой предгосударственной формой политической организации являются *вождества*, которые многие антропологи, в том числе известный американский ученый Эдмон Р. Сервис, рассматривают как промежуточную стадию между племенем и государством [1, с. 87–89]. По сути, они представляли собой племенные образования во главе с местными вождями, которые обладали судебной и военной властью, подчинялись верховному вождю и отчасти являлись аналогами известных в отечественной историографии племенных союзов [2, с. 21]. Их главной характеристикой, по мнению Ч. Спенсера, являлось отсутствие специализации в управлении. Вождь не мог реально передавать часть своей власти подчиненному, поэтому в вождестве соблюдался предел территории, возможной для централизованного личного управления правителем (наиболее приемлемым размером являлся радиус в полдня пути от центрального поселения) [3, с. 139]. Это было связано с тем, чтобы любой посланный на окраину недолго заменял вождя. Отсюда же вытекало и сохранение определенной самостоятельности общин.

Другой видный антрополог, Роберт Карнейро, рассматривая проблему вождеств, подчеркивал также большую роль идеологии, указывая на то, что последняя способствовала объявлению и поддержке власти верховного вождя после того, как эта власть была впервые установлена с помощью военной силы [4, с. 92].

Вождества по своей структуре были неоднородными. Среди них антропологи выделяют *простые* и *сложные* (или *компаундные*), отличающиеся друг от друга степенью развития структур управления. В отличие от простого компаундное вождество являлось более целостным образованием с формирующимися дополнительными структурами управления, в котором вожди приобретали слуг, уполномоченных проводить их решения на местах, куда первые не могли являться в силу обширности территорий [2, с. 22; 5, с. 8].

В государстве, в отличие от вождества, уже существовала форма делегирования власти и ее специализация, что требовало дополнительных расходов на поддержание коммуникаций, транспортного сообщения и специального аппарата управления [3, с. 143]. И Спенсер, и такие ученые, как Дж. Маркус и К. Флэннери, выдвигали идею о том, что государства могли возникнуть тогда, когда один из членов группы вождеств начинал захватывать своих соседей и создавать более крупную политику. То есть государство, по их мнению, возникало в процессе расширения вождеств [3, с. 152].

Согласно идеям другого видного ученого в области изучения государствообразующих процессов, Х.Дж.М. Классена, раннее государство представляет собой трехуровневую (нацио-

нальный, региональный и местный уровни) социально-политическую организацию, служащую для урегулирования социальных отношений в сложном стратифицированном (многоуровневом) обществе, разделенном, по крайней мере, на два основных класса – правителей и подданных, чьи отношения характеризуются политическим доминированием первых и обязанностью вторых платить налоги, узаконенными общей идеологией. И до тех пор, пока существует определенное совпадение во взглядах правителей и подданных, небольшие различия в идеологии не будут представлять угрозу легитимности и, следовательно, стабильности раннего государства. Признанию правителя и его стабильному положению у власти способствует также устойчивая экономика [6, с. 73]. Правда, Х.Дж.М. Классен делает оговорку на то, что, когда в государстве начинает доминировать монотеистическая религия (например, христианство), сакральная позиция правителя сталкивается с проблемой, так как он больше не может быть олицетворением богов, но в то же время дает стимул к обоснованию его высшего и легитимного статуса [7, с. 15].

Любой социополитический лидер, правитель раннего государства в том числе, сталкиваясь с проблемами в управлении, вынужден использовать опыт других правителей и опираться на нормы и ценности данного общества [8, с. 155]. С другой стороны, многие ранние государства, в силу вхождения в их состав различных культурных и этнических групп, сталкивались с проблемой несовпадения их ценностей и норм с целями правящей элиты [8, с. 156].

В идеале правитель в раннем государстве является и законодателем. Кроме того, в государстве имеется ряд людей, оказывающих влияние на законодательный процесс официальным образом (совет и министры). Помимо этого, на процесс принятия законов могут влиять и неофициальные лица: члены семьи правителя, друзья, советники и др. [8, с. 156].

Рассматривая феномен власти в раннем государстве, видный политантрополог Элман Сервис указывал на то, что политическая власть возникла постепенно в ходе эволюции (дружина, племя, вождь, примитивное государство), и этот процесс был связан, прежде всего, с управлением совокупными делами общества. Обращение к насилию со стороны государства выступало главным образом как монополизация этого фактора и подавление насилия более низкого уровня. Вместе с тем Э. Сервис отмечал эволюцию власти в сторону самоограничения и признания принципов легитимности, что и означало “путь к цивилизации” [9, с. 156–157].

Развиваясь и совершенствуясь, раннее государство постепенно трансформируется в уже сложившееся, характеризующееся более прочным положением правителя и закрепленным отношением к нему общества. Так, выдаю-

щиеся ученые в области политантропологических исследований Х.Дж.М. Классен и П. Скальник в качестве главных критериев различий между ранним и сложившимся государством выдвигали изменения в идеологии. Они указывали на то, что структура раннего государства базируется на принципе *реципрокности* (взаимности) и родственных отношений к правителю. Раннее государство существует, пока идеологические основания покоятся на этих идеях и представлениях. Но чем больше оно развивается, тем слабее становится роль этих идеологических компонентов. Эффективный государственный аппарат постепенно делает обращение к сверхъестественным способностям или постоянному исполнению его реципрокных обязательств [10, с. 8].

Как же можно перенести основные понятия политантропологии к истории государствообразования на современных белорусских землях и проследить в этом контексте эволюцию отношений власти и социума?

Первыми образованиями на территории Беларуси стали Полоцкое княжество, обособившееся к середине X в., а также Туровское и частично Смоленское княжества [11, с. 150]. Полоцкое княжество формировалось параллельно Киевскому, и на ранних этапах его можно считать вождеством, которое постепенно, с течением времени, преобразовалось в раннее государство [2, с. 341]. Правда, необходимо учитывать, что общественные порядки XI в. с большей степенью можно отнести к раннефеодальным, при которых еще только начинались процессы оседания знати на землю с нечеткими владельческими правами на нее. А соответственно, четко разграниченных функций и отношений между властью и обществом еще не было. Поэтому с данной точки зрения логично рассматривать историю этих земель с XII в., когда происходит консолидация местной племенной элиты – бояр – с разросшимися княжескими родами – Рюриковичами и Рогволодовичами (в Полоцке), с созданием княжеских и племенных доменов [2, с. 342].

Здесь логично обратить внимание на развитие государственности в Древней Руси, оказавшей большое влияние на процессы, происходившие в дальнейшем на белорусских землях и заложившей некоторые основы для ее последующего развития.

Необходимо отметить, что складывание государственности на Руси является остро дискуссионным вопросом в среде современных ученых, которые до сих пор ведут научные споры не только о центре первоначального ядра государства, но также о его возможных названиях, видах и формах, а также о форме и функциях власти.

В общем, первые упоминания о некоей форме развития государственности в Древней Руси относятся к середине IX в.

Даваю ацэнку форме дзяржаўнасці і функцыям улады ў гэты перыяд часу, многія даследчыкі падкрэўваюць тое, што яна была комплексам слаба звязаных паміж сабой земляў, знаходзяцца на розных стадыях сацыяльна-эканамічнага развіцця, жывшых сваёй унутранай жывым, звязаных з Кіевом толькі выплатай дані і другіх збораў, і абязна была выстаўляць вооружаных людзей для знешнеполітычных мерапрыяццяў велікага князя. На месцах была большая роля месных эліт – “велікіх і светлых” князёў, якія мелі значную ўладу, апіраліся на падтрымку месчнага насельніцтва, мелі сваімі дружынамі. Такім чынам, у канцы IX – пачатку X в. велікі кіеўскі князь выступаў, перада ўсё, военным вождем, прызначаным забяспечыць ўдачнае правядзенне военных мерапрыяццяў, замацаваў іх міжнароднымі дамовамі. У кіраванні дзяржаўнасцю велікаму кіеўскаму князю дапамагаў не феадальны савет, а савет, які склаўся з родоплемяннай знаті, родзвеннікоў галавы дзяржаўнасці і верхушкі дружыны [12, с. 22]. Таму, ацэньваю характар улады і дзяржаўнага кіравання Древняй Русі ў гэты перыяд часу, можна гаворыць аб існаванні вожства, якое да сярэдзіны X в. ускладняецца, пераходзіць у кампундавае. Дэле ў тым, што да сярэдзіны X в. з’яўляюцца месчныя князёў на месцах, у адрэбных владеннях, называемыя *посаднікамі*. Гэта ўжо сведчыла аб ускладненні сістэмы ўлады і эвалюцыі дзяржаўнага кіравання [2, с. 292]. Аб з’яўленні ж ранняга дзяржаўнасці можна гаворыць, пачынаючы з канца X – пачатку XI в., калі пераважае абаслабленасць месчных князёў, упарадкаваецца збор дані, з’яўляюцца змены ў сістэме прастононаследдзя і т. д., асабліва ў перыяд кіравання Яраслава Мудрага, пры якім з’явілася пісьменнае права [2, с. 294–307].

Ачыідава, што працэсы, якія адбываліся на дрэвнерускіх землях у апісаным перыяде часу, мелі ўплыў на развіццё дзяржаўнасці на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Не абавязкова адзначыць, што далейшая судба беларускіх земляў з’яўляецца яшчэ больша звязанай з развіццём севера-западных суседзяў – літоўскіх племян, пры ўздзеянні якіх толькі пазней фарміруецца дзяржаўнасць Вялікае Княства Літоўскае [2, с. 343].

Согласно записям беларускага історика В.И. Пичеты, літоўскія племена, паселішыся сярод непраходзімых болот і лясав у басейнах Немана і Віслы, да XII в. не мелі якой-то ўстойчывай політычнай арганізацыі, паходзіла на дзяржаўнасць. Длагодаря гаспадарству ў быце родавых адносінаў літоўцы распаліся на мноства адрэбных племян, малых родавых аддзелаў, у галаве якіх стаялі князья – *старейшыны*. І толькі адноства рэлігійных

вераванняў адчасці з’яўлялася некай аб’яднаючай сілаю [13, с. 3]. Согласна, гаворыць аб замацаваным адносінах да ўлады на даным этапе перадачасці. Толькі ў рэзультате барацьбы з суседзямі ў XII в., а такжа распада старых родавых арганізацыяў з выдзеленнем найбольша мацных элементаў можна адзначыць рост політычнай арганізацыі літоўцаў.

Немецкія хроністы, называючы вождаў “Kunigl, reguli, nobiles, dieedelsten”, падкрэўвалі, што ў ваяваннях яны выступалі, абкружаныя дружынамі. Такія вожды мелі ў тое ж час прадставаіцелямі крупнага землеваддзя, ўжо прачна склавішыся да таго моманта. І іменна гэтыя мацныя землеваддзельцы сталі вождамі групы насельніцтва, жывучага на адрэбных тэрыторыях, правда, без сагласія паміж сабой [13, с. 4].

Ужэ ў XIII в. з’яўляецца выдзеленне старшых і малдшых князёў і намячаецца працэс існавання малых тэрытарыяльных арганізацыяў і замена іх больша крупнымі. Так, у Галіцкай летописі пад 1219 г. Міндовг згадваецца сярод старшых князёў [13, с. 5]. Правда, лічыць з’яўленае Міндовгам аб’ядненне дзяржаўнасцю было б не сагласна карэктна з такага пункта гледжання поліантрапалогіі. Ізвестна ў яго кіраванне жорсткае барацьба за ўладу сведчыла аб яшчэ не склавішыся ў сярэдзіне іерархіі, аб адсутнасці ў яе чёткіх прадставаіцеляў і сваіх функцыяў і роляў. Паспрабы Міндовга прыняць хрысціянства, а потым вяртаенне ў язычства дэманструюць поіскі фундамента для оправданія сваёй ўлады, выхадзіла за рамкі родавых традыцыяў. Такім чынам, можна зрабавыць вывад, што з’яўленае ім політычнае абразаванне з’яўлялася не чым іншым, як вожствам, прачодзіла трансфармацыю ад простага да складнага [2, с. 347]. Гэта час, паміж усёга прачага, характарызуецца такжа складнымі політычнымі працэсамі. Веда іменна ў XIII в. можна гаворыць аб з’яўленні Вялікага Княства Літоўскага.

Пры Міндовге да тэрыторыі, распалажана па правым прытокама Немана, была прысааддана часта Чэрнай Русі па левым прытокама Немана з горадамі Гродна, Волкавыск, Слонім, а ў другой паловіне XIII в. сталіца пераносіцца ў Навагрудак. Міндовг такжа воспользаваўся ўнутранымі процыворэчывамі Полоцка і прысааддана і яго ў 50-е гг. XIII в. [14, с. 27–50]. У гэты час месчныя князья давольстваваліся толькі знешнім прызнаннем літоўскага суверенітэта, не пасягаючы на ўнутраную жывым. Гэта было пахожа на федэрацыю абласцяў, спааных з цэнтрам некрэпкімаі ўзама, якія мелі прарывацца пры перавай магчымасці. Краме таго, казаваўся і двойствэнны нацыянальны саства дзяржаўнасці [13, с. 9].

Такім чынам, да канца XIII в. Літоўскае дзяржаўнасць прадставаіла сабой рад адрэбных княжэняў, падчыненых велікаму князю. Адно-

шения удельных князей к великому князю определялись в княжеских договорах и грамотах, и фактически все сводилось к обещанию верной службы и военной помощи, когда последняя понадобится от них [14, с. 27–50].

В то же время начавшаяся после смерти Миндовга жестокая борьба среди его преемников за власть говорит о том, что к тому моменту еще не было никакой устоявшейся системы управления. Вполне вероятно, что ни во времена Миндовга, ни во времена правления его непосредственных преемников верховная власть еще не признавалась элитой, по крайней мере, ее частью [2, с. 348]. И только ко времени правления Витеня и Гедимины, а именно с первой половины XIV в., более или менее оформляется раннее государство, а значит, устанавливаются четко определенные функции правителей и подданных, появляется представление о власти и формируется особое отношение к ней общества, основанное не только на обычае, но и закрепленное законом.

Заключение

Таким образом, понятие власти, ее появление, эволюция, а также отношение к ней социума находятся во главе угла и позволяют по-новому взглянуть на динамику эволюции государства в процессе прохождения его сложного пути от вождества к раннему государству.

Что касается белорусских земель, то их развитие от поздней племенной эпохи и до XIV в. с точки зрения политической антропологии еще ждет своего детального анализа. В рамках же ВКЛ можно констатировать, что как государство оно формируется лишь к XIV в., уже после смерти легендарного Миндовга, лишь подтолкнувшего данный процесс. При этом включение политически более развитых восточнославянских княжеств ускорило политогенез Великого Княжества Литовского.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Карнейро, Л.** Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государств / Л. Карнейро // *Альтернативные пути к цивилизации*. – Москва, 2000. – С. 84–95.
2. **Риер, Я. Г.** Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общеисторических процессов: природная среда и социальное развитие / Я. Г. Риер. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 409.
3. **Спенсер, Ч.** Политическая экономия становления первичного государства / Ч. Спенсер // *Альтернативные пути к цивилизации*. – Москва : Логос, 2000. – С. 137–154.
4. **Carneiro, R. L.** Was the Chiefdom a Congelation of Ideas? / R. L. Carneiro // *Social Evolution and History*. – Vol. 1. – 2002. – № 1. – July. – С. 80–100.
5. **Темушев, С. Н.** Налоги и дань в Древней Руси / С. Н. Темушев – Минск : Изд-во БГУ, 2015. – 279 с.
6. **Классен, Х.Дж.М.** Было ли неизбежным появление государства? / Х.Дж.М. Классен // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. – Волгоград : Учитель, 2006. – С. 71–84.
7. **Claessen, H.J.M.** On Early States – Structure, Development and Fall / H.J.M. Claessen // *Social Evolution and History*, Vol. 9. – 2010. – № 1. – March. – С. 3–51.
8. **Классен, Х.Дж.М.** Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма / Х.Дж.М. Классен // *Альтернативные пути к цивилизации*. – М., 2000. – С. 6–23.
9. **Service, A.** The Origins of State and Civilization / A. Service. – New-York, 1975.
10. **Гринин, Л. Е.** Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации / Л. Е. Гринин // *Философия и общество*. – 2005. – № 4.
11. *Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва. – Т. 2 : Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.], 2008. – 688 с.*
12. **Кузнецов, А. Б.** Древняя Русь к. 9–10 вв. – потестарное государство / А. Б. Кузнецов // *Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі*. – 2011. – № 1. – С. 19–24.
13. **Пичета, В.** История Литовского государства до Люблинской унии / В. Пичета. – Вильно : Типография “Жайбас”, 1921. – 76 с.
14. **Насевіч, В.** Пачаткі Вялікага княства Літоўскага / В. Насевіч. – Мінск, 1993.

Поступила в редакцию 20.10.2016 г.

Контакты: +375 29 8424644

(Риер Янина Александровна)

Rier Y.A. POWER AND SOCIETY ON BELARUSIAN LANDS DURING THE FIRST PERIOD OF STATE FORMATION: THEORETICAL PERSPECTIVE

The article deals with theoretical aspects of power evolution during the process of state formation (to be exact – in the course of complex social transformations from a chiefdom to an early, and later to a mature state) according to modern researches in political anthropology. The main attention is given to power phenomenon on Belarusian lands in the IX–XIV centuries. The author provides a short description of the processes, which took place in this region during the mentioned period, and analyses the possibility of application of anthropological terms to the history of Belarusian lands.

Keywords: power, society, ruler, prince, chiefdom, early state, reciprocity, transformation, Belarusian lands, history.

УДК 14 + 37.01

**МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЙ СИНТЕЗ:
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ****М. И. Вишневский**доктор философских наук, профессор,
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

В статье раскрывается содержание понятия "мировоззренческий синтез". Обсуждается относительный характер строгости философско-мировоззренческих понятий. Деятельность мировоззренческого образования соотносится с рациональной дискуссией, ведущей к выработке все более основательных нравственных суждений. Мировоззрение рассматривается как важный компонент "иммунной системы" общества.

Ключевые слова: мировоззренческий синтез, образование, рациональная мировоззренческая дискуссия, ступени нравственного образования личности.

Образование как деятельность, ее многообразные и неоспоримо значимые результаты давно уже привлекают самое пристальное внимание исследователей. Вместе с тем философско-мировоззренческое осмысление идеи образования далеко не исчерпано. Цель данной работы состоит в том, чтобы привлечь внимание к осуществляемому в процессе образования мировоззренческому синтезу, причастному к глубинной сущности образования. Широта поставленной таким образом проблемы не позволяет обсуждать многие конкретные аспекты образовательной деятельности, знакомые специалистам и получающие детальное освещение в соответствующей весьма обширной литературе, содержание которой здесь, так сказать, подразаумевается.

Мировоззрение отдельных личностей или социальных общностей мы будем понимать как совокупность их основополагающих убеждений относительно глубинных характеристик окружающей действительности, а также природы человека и его места в мире. Потребность в мировоззрении обусловлена тем, что люди как существа, обладающие сознанием, настоятельно нуждаются в базовых ориентациях своих мыслей и действий, в осознанном отношении к бытию, которое и определяется соответствующими убеждениями. К мировоззренческим выводам мы приходим в том случае, когда в фиксируемых нами частных проявлениях бытия человека и мира усматриваем связь с всеобъемлющим мировым бытием и, благодаря этому, по-новому истолковываем то, что нам было уже отчасти известно, но понималось слишком узко. Мировоззренческий подход означает не отрицание конкретики жизненного опыта, а углубление

его понимания, вытекающее из стремления усмотреть в единичном общем, имеющее отношение к мирозданию в целом. Это позволяет учесть в последующем размышлении или исследовании связь, часто даже противоречивую, неоднозначную, между поверхностными и глубинными, сущностными сторонами, уровнями бытия. Благодаря этому мировоззренческий подход способствует также расширению кругозора человека, ибо он позволяет не только учитывать непосредственные жизненные данности, но и связывать их с другими, по видимости далекими обстоятельствами, более или менее обоснованно предполагать то, что нередко еще находится как бы за горизонтом, вне сферы непосредственного опыта или вообще недоступно чувственному восприятию. Диалектическое понимание мировоззренческой сущности нашего бытия предостерегает от абсолютизации тех конкретных знаний, которыми мы уже располагаем, и ориентирует на жизнь в условиях перемен, охватывающих не только явления, но и их сущности.

Мировоззренческий синтез – это соединение прежде разрозненных либо обособленных мировоззренческих понятий, представлений. При его осуществлении к прежнему мировоззренческому содержанию присоединяется некоторое новое содержание, полученное личностью из доступного ей багажа культуры, а также на основе опыта (собственного и близких людей) и его осмысления и обобщения. Если прибавления значительны, то происходит определенная перестройка ранее сложившегося мировоззрения, в результате которой на его прежнее содержание смотрят как бы другими глазами, корректируя его в соответствии с новыми элементами. Скажем, у человека ранее уже сложилось обыденное мировоззрение. Ознакомившись с некоторыми выводами науки о строении и законах бытия окружающего мира и о человеческом бытии, усвоив эти выводы и приняв их как достоверные, он неизбежно пересматривает свои прежние мировоззренческие убеждения, относящиеся к соответствующим предметам, или, по крайней мере, ограничивает для себя сферу их применимости, отводя место также и новым взглядам.

Не следует, однако, думать, что результат такого пересмотра будет гарантированно позитивным. В жизни случается разное. Например, некоторое время назад в средствах массовой информации промелькнуло сообщение о развернувшейся кампании по ограничению и последующему запрету на употребление весьма опасного, как утверждалось, вещества, которое на языке химиков называется дигидрогеном монооксидом. Указывалось, что это вещество входит в состав самых сильных ядов, является средой обитания болезнетворных микроорганизмов и т. д.

Обычно мы называем это вещество водой. Данный пример показывает, что приобщение к научным знаниям не отменяет значимости повседневного здравого смысла и не должно лишать нас чувства юмора.

Момент синтеза присутствует в любой творческой деятельности, поскольку она, по определению, является созданием нового. Даже если в ходе такой деятельности старое отбрасывается, его отрицание, как правило, не бывает полным или, как говорят, механическим. Так, пересмотр устаревшей научной концепции, признанной неадекватной исследуемой реальности, включает ее в архив соответствующей дисциплины как знание о ранее существовавших воззрениях, их источниках и причинах, приведших к коррекции. Похожие процессы протекают и в сферах искусства, идеологии, политики, технического творчества и т. д. Значимы они и для нашего личного мировоззренческого становления, развития, которое тоже носит творческий характер и может иметь важные, далеко идущие жизненно-практические следствия.

Всякий синтез, выступающий как расширение и, возможно, углубление знания, имеет существенный герменевтический аспект. Новые положения, которые усваиваются или вырабатываются нами, должны быть поняты не только сами по себе, но и в соотношении с прежним или вообще другим знанием. Если же речь идет о мировоззренческих выводах, то здесь присутствует также и момент самопонимания, самопознания, ибо речь идет о *нашем* мировоззрении – о том, во что мы верим и чем намереваемся руководствоваться в жизни. Восходя к мировоззренческим выводам, мы обычно переходим от ранее уже понятого предметного значения некоторых положений к уяснению их общего бытийного статуса и жизненно значимого смысла, их отношения к принятым нами базовым ценностям. М. Полани отмечал, что “всякая модификация антиципирующей схемы, понятийной, перцептивной или мотивационной – есть необратимый эвристический акт, который изменяет наш образ мышления, восприятия и оценки, в надежде приблизить наше понимание, восприятие или потребности к тому, что истинно и справедливо” [1, с. 156].

В связи с этим надо различать фокусные, четко фиксируемые нашим сознанием элементы понимания какого-то предмета или ситуации и периферические, или фоновые, элементы, которые не вполне осознаются нами. Если мы сфокусированы на предмете или ситуации в целом, то соответствующие части схватываются периферическим, неотчетливым сознанием. Оно, тем не менее, фиксирует вовлеченность каждой данной части в формирование целого, “и эту ее функцию мы можем рассматривать как ее смысл относительно целого” [1, с. 92]. Если же мы переключаем внимание с целого на от-

дельные части, то они, будучи обособленными от целого, могут лишиться смысла. Таков бывает результат многих детализаций, разрушающих целостность понимания, вместо того, чтобы как намеревались, углубить его. В то же время, отчетливое осознание периферического элемента понимания – это, как подчеркивал Полани, всегда новый опыт, обычно сопряженный, правда, с некоторым (отмеченным здесь) риском [1, с. 169]. Детали бывают очень важны, желательны лишь “за деревьями видеть лес”.

При постижении конкретных явлений, процессов, связанных с решением тех или иных жизненных задач, периферическим или подразумеваемым элементом складывающейся картины выступает мировая целостность. Она составляет общий фон и предпосылку познания и практического действия и входит в состав нашего мировоззрения. При мировоззренческом же истолковании, концентрирующем внимание на этих, обычно мало интересующих нас очень общих вопросах, не только знания о единичных фактах, но и конкретно-научные теоретические их интерпретации начинают пониматься как проявления некоей предполагаемой основы бытия. Если наше внимание переключается на эту общую основу бытия, то при формулировке соответствующих выводов может изменяться и состав используемых понятий, и форма организации знаний. Исследования в области конкретных наук в наши дни нередко базируются на использовании точных понятий и количественных методов измерения величин, на математической обработке получаемых результатов. Но если мы переходим к мировоззренческому осмыслению этих результатов, то мы уже имеем в виду мир в целом, а не только особый предмет той или иной науки. Мы ведь не случайно говорим о конкретных науках – их предметы, как мы убеждены, составляют лишь особые грани или проявления всеобъемлющего мироздания и выделяются из него посредством анализа.

Философские понятия, с помощью которых происходит теоретико-мировоззренческое осмысление конкретных знаний, во многом отличаются и от конкретно-научных понятий, и от понятий и представлений, используемых в повседневной жизни. Следует учитывать, что “слова большого общечеловеческого значения в течение веков аккумулировали бесценное богатство периферического знания коннотаций, которое мы можем частично ввести в центр нашего внимания путем размышлений над употреблением этих слов” [1, с. 168]. Размышляя над такими понятиями, философы вырабатывают категориальный аппарат теоретического мировоззрения. Однако попытки придать философским понятиям исчерпывающую строгость и точность наталкиваются на непреодолимые затруднения. Точность термина обусловлена его соответствием опыту, а он всегда частичен, неполон. “Мы

должны принять как нечто неизбежное риск, связанный с семантической неопределенностью, поскольку лишь слова с неопределенным значением могут иметь отношение к действительности" [1, с. 255]. А. Бергсон в связи с этим отмечал, что для философии характерен скорее интуитивный путь познания, нежели аналитическая деятельность "положительных наук", потому что для философа важны не только предметы внешнего опыта, но и внутренняя жизнь человеческой личности, которую трудно постичь с помощью жестких, твердо установленных понятий. Конечно, философии понятия тоже необходимы, "ибо все другие науки работают обыкновенно над понятиями, а метафизика не может обойтись без других наук" [2, с. 1185]. Но это, так сказать, живые, а не окостенелые понятия.

Мировоззренческие рассуждения, основанные на использовании таких понятий, выводят нас за пределы не только предметных областей отдельных наук (как количественных, так и качественных, описательных), но и за пределы науки в целом. Мировоззренческий синтез охватывает, наряду с научными положениями и выводами, также и содержание усвоенных нами феноменов культуры, отличающихся от науки. Различая исторические формы мировоззрения, нужно учитывать тот факт, что понятийно-логическая организация, характеризующая философию, не свойственна другим ее формам, да и в философии строгость понятий имеет, как уже отмечалось, свои особенности и пределы, отличающие ее от многих конкретных наук. Не случайно философию обычно относят к гуманитарному знанию, и трудно отыскать авторов, которые всерьез пытались бы отождествить ее с "точным" естественнонаучным знанием. Мы интуитивно понимаем, что главный предмет философии – это человеческое бытие в контексте мирового бытия. Соответственно и философское знание о мире – это наше, человеческое знание, во многом ограниченное и изменчивое, как и мы сами.

Философски истолковывая мировое бытие, мыслители явно или неявно исходят из достигнутой ступени человеческого самопознания, выраженной в культуре, и реализуют некоторые социальные и личные предпочтения, задающие их отправные мировоззренческие послышки. Каждый, кто самостоятельно мыслит о мире в целом и о месте человека в нем, мыслит об этом в чем-то своеобразно. Здесь приходит на ум лейбницаева монада, которая есть живое зеркало Вселенной, но отражает она ее по-своему, исходя из своего особого положения в мире и собственного уровня развития. В этом смысле философию иногда рассматривают как утонченную игру мировоззренческих понятий и либо осуждают ее, исходя из антиметафизических, позитивистских позиций, либо, наоборот, признают такую игру весьма почтенным и продуктивным

занятием. Если философия рассматривается как теоретическая, понятийно-логическая форма мировоззрения, то некоторых элементов метафизического мышления, постулирующего так или иначе истолкованные всеобщие основы бытия человека и мира, в ней действительно не избежать.

Одним из таких предельно широких и в этом смысле метафизических положений современного мировоззрения является утверждение о том, что мировое бытие представляет собой не статичную определенность, а скорее становление, или, используя одно из слов "большого общечеловеческого значения", образование. В нашей современной жизни значения многих слов обедняются из-за того, что некоторые смысловые оттенки редко замечаются, затемняясь более ходовыми. В течение последнего столетия образовательная деятельность приобрела всеохватный и едва ли не индустриальный характер; образовательные услуги на наших глазах становятся все более разнообразными и изощренными. При этом как-то упускается из вида далекий от интересов бизнеса и непосредственно не связанный с государственным планированием и управлением фундаментальный онтологический смысл образования как становления и развития личностного бытия человека, выступающего особым аспектом мирового бытия. Если же все-таки задуматься над тем, что означает данное утверждение, то нужно признать, что образование, в его глубинном, философском значении, не сводится к хорошо отлаженной и по своему очень важной системе конкретных видов деятельности по удовлетворению определенных потребностей личности, общества, государства. В общемировоззренческом плане образование выступает как универсальный механизм эволюции, саморазвития Вселенной путем возникновения в ней значимого нового. Механизм этот, применительно к отдельному человеку и человечеству в целом, характеризуется существенной вовлеченностью сознания в осуществляющееся развитие.

В словаре современного русского литературного языка отмечаются два основных значения слова "образование". Первое из них – это "возникновение, формирование или создание чего-либо", "основание, организация чего-либо". К нему примыкают значения "характер, тип сложения чего-либо", а также "то, что возникает, возникло в результате какого-либо процесса". Второе – это "процесс усвоения знаний; обучение, просвещение", а также "совокупность знаний, полученных в процессе, в результате обучения" [3, с. 362]. Первое значение более широкое и, надо полагать, содержательно исходное. Об этом свидетельствуют приводимые в словаре примеры – об образовании древних гражданских обществ, о процессе образования почв, о горных образованиях, об образовании

избирательных округов... Примеры второго значения приводить нет надобности; полезно, однако, держать в уме притчу о строителях шартрского собора и не уподобляться тем из них, которые со знакомой нам всем пошловатой прагматичностью истолковывают свою деятельность, игнорируя высокий смысл совершаемого.

В свое время П. Тейяр де Шарден подчеркивал, что мы должны рассматривать человека как ключ универсума. Дело не только в том, полагал он, что мы являемся для самих себя своеобразной точкой отсчета, центром перспективы и всецело объективное познание мира попросту невозможно. Важнее другое: человек, по убеждению французского мыслителя, представляет собой индивидуально и социально наиболее синтетическое состояние, в котором нам доступна ткань универсума. Человек является, так сказать, наиболее подвижной точкой этой ткани, охваченной всеобъемлющими преобразованиями. Связано это, прежде всего, с наличием у человека сознания. «В силу качества и биологических свойств мысли мы оказываемся в уникальной точке, в узле, господствующем над целым участком космоса, открытым в настоящее время для нашего опыта. Центр перспективы – человек, одновременно центр конструирования универсума» [4, с. 38].

Человек, по словам Тейяра де Шардена, – это не центр мироздания, а, что намного прекраснее, уходящая ввысь вершина великого биологического синтеза, приведшего к возникновению мышления, сознания. Благодаря сознанию человек обретает способность развиваться в новой сфере, недоступной его животным предкам. Ему как бы открывается новый мир, не ограниченный лишь непосредственными чувственными данностями, а охватывающий также сущностные измерения бытия и перспективу восхождения образующихся субъектов к все более высоким ступеням свободы. О свободе мы здесь говорим, следуя И. Канту, для которого понятие личности совпадает в сущности с понятием свободы. Усвоение знаний, просвещение, воспитание, а также столь активно обсуждаемое сегодня развитие компетенций – это все разные и, вместе с тем, взаимосвязанные стороны процесса образования человеческой личности, выступающего в идеале как восхождение к свободе.

Если мы признаем, что целью образования является в конечном счете становление зрелой и ответственной человеческой личности, а не просто самодовольного потребителя или безропотного винтика в сложной социальной машине, то, вслед за Кантом, мы можем заявить, что для человека нет никакой более высокой мерки, нежели его человеческое достоинство, ибо «его существование имеет в себе самую высшую цель» [5, с. 469]. Образование, по мысли М. Шелера, с которой согласятся все, кто

привержен идее гуманизма, не является лишь учебной подготовкой к какому-либо определенному виду деятельности, к достижению тех или иных извне установленных для личности целей, хотя и это все бывает очень важно в практическом отношении. Более глубокое, чем такая служебная функция, назначение образования состоит в том, чтобы обеспечить становление человека, способного действовать творчески и брать на себя ответственность за будущее человечества. Через образование обеспечивается соизмеримость и сущностная близость человека с всеобъемлющим мирозданием. Стремиться к образованию означает, по словам Шелера, с любовью и рвением искать причастность ко всему, что есть в природе и истории от сущности мира [6, с. 21].

Цитируя здесь такие возвышенные и духовно-подъемные слова, поневоле испытываешь некоторую неловкость при мысли о том, что реальные люди, окружающие нас, весьма разнообразны, и о многих из них не скажешь, что их существование имеет в себе самом высшую цель. Известный персонаж пьесы М. Горького «На дне» Сатин тоже говорил о том, что человек свободен, что все в человеке, все для человека; существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга; человек – это великолепно, это звучит гордо. Правда, он тут же добавлял: «я – арестант, убийца, шулер», был постоянно пьян и регулярно бит за мошенничество. Люди действительно бывают разные. Но отменяет ли это философскую идею образования, утверждающую глубинный, онтологический смысл образовательной деятельности, направленной на становление и возвышение человеческой личности, ее сознания и самосознания? Думается, Горький не случайно вложил высокие слова о человеческом достоинстве в уста опустившейся личности. Художественной правде это не противоречит. Гораздо менее выразительно и поучительно было бы, если бы подобно заявлял всесторонне положительный герой.

Может быть, утверждения об особом месте человека и человечества во всеобъемлющем мироздании способны польстить нашему самолюбию, но они представляют собой, с одной стороны, мировоззренческие постулаты, а с другой – своеобразные задания на будущее. У нас нет и, наверно, не будет надежных, проверяемых знаний о мире в целом; понятие прогресса, если рассматривать его во всей полноте, тоже утрачивает определенность. Тем не менее, трудно оспорить вывод о том, что люди несут ответственность и за свои конкретные деяния, и за общую ситуацию на планете, которую они населяют. Эту ответственность не снижает и не отменяет то обстоятельство, что отдельные люди бывают довольно скверными и действия их плохо согласуются с общепринятыми представле-

ниями о человеческом достоинстве. Здесь обнаруживается огромное мировоззренческое значение нравственного образования, в целом духовного развития наших современников, поскольку человеческое бытие не исчерпывается одними лишь вещными, чувственными данностями и практическими выгодами.

Тесня рассуждения о необъятных космических далях и высших человеческих совершенствах, жизнь выдвигает на первый план прозаические, но весьма непростые вопросы реального человеческого существования и сосуществования. Трагические события прошлого и начавшегося нового столетия особенно наглядно демонстрируют это. Идеал всесторонне и гармонично развитой личности не утратил, конечно, своей привлекательности, но сам по себе он не содержит развернутых и убедительных указаний относительно того, как можно обеспечить его практическую реализацию. Этот идеал, как и абстрактный ответ на знаменитый вопрос Канта “что я должен делать?”, составляющий вместе с двумя другими его важными вопросами единую мировоззренческую проблему человека, побуждает к дальнейшим исследованиям. Можно предположить, что этот поиск имеет шанс стать результативным, если он будет осознан как общая забота людей, не только теоретизирующих о своем бытии, но и реально взаимодействующих в процессе решения жизненных задач.

Многовековой опыт функционирования философии в культуре показывает, что ни одна из теоретико-мировоззренческих концепций не смогла предложить систему понятий, способную вызвать всеобщее согласие относительно ценностей и целей практической жизнедеятельности, преодолеть антагонизмы и открыть путь в светлое будущее человечества. Этим, а также выявившейся неспособностью философов указать ученым надежный и неоспоримый метод исследования объясняется заявление Ю. Хабермаса о том, что “учителя мысли стяжали себе дурную славу” [7, с. 7]. В прошлом считалось возможным и оправданным начинать метафизические построения с умозрительных онтологий. Затем, благодаря Канту, утвердилось понимание того, что началом философствования должна служить теория познания, убедительно показывающая, что мы можем знать, и проясняющая те основоположения познавательных действий, которые и раньше осуществлялись интуитивно, а теперь, благодаря проведенным философским исследованиям, оказались представленными вполне отчетливо. Философия, если следовать этому подходу, способна установить прочные основания наук.

Такие ее притязания, как отмечает Хабермас, оказались чрезмерными. С ними, однако, была связана, полагает он, претензия трансцендентальной философии на роль верховного судьи по отношению к культуре в целом. Если по-

добные притязания философии признаны необоснованными, то правомерно усомниться в том, что философы, руководствуясь своим особым “философским методом”, способны узнать о познании, как, впрочем, и обо всем остальном в отношении мироздания, нечто такое, чего никто другой знать не может. Тем самым меняется роль философов в непрестанно ведущихся спорах по жизненно значимым вопросам. Положим, они не в состоянии генерировать всеобъемлющие и вечные истины. Однако нужно признать, что философские категории и способы аргументации глубоко укоренены в культуре и во многом сохраняют свой авторитет как высокие проявления человеческой разумности. Данным авторитетом, правда, не следует злоупотреблять, ибо “всякое решение и всякая интерпретация какой-либо проблемы зависят от необозримой сети предпосылок; и эту сеть, в силу ее одновременно и целостного, и частного характера, нельзя извлечь путем анализа, нацеливающегося на всеобщее” [7, с. 20].

Эпоха модерна, до сих пор еще переживаемая нами, характеризуется, по словам Хабермаса, торжествующей односторонностью, связанной с отказом от построения единой внутренне согласованной картины мира и озабоченностью преимущественно частными проблемами той или иной сферы деятельности. Но деятельность человеческого мышления не может ограничиться только частностями. В нашей каждодневной жизни то и дело возникают затрагивающие многих людей проблемы, в том числе и более общего порядка, решение которых требует выработки согласованной позиции на основе рациональной дискуссии, происходящей по общим, принимаемым всеми участниками правилам. Эти проблемы могут иметь множество разных аспектов. Для их “стыковки” приходится полагаться на разумность и ответственность партнеров по диалогу. В обосновании нуждаются не только инструментальные действия, нацеленные на достижение конкретных, осязаемых практических результатов, и познавательные действия в сфере науки, где получаемые выводы могут быть проверены опытом или подвергнуты логической экспертизе. Хабермас не устает доказывать, что не в меньшей степени нуждаются в рациональном обосновании наши коммуникативные действия. Они нацелены на взаимное признание участниками дискуссии значимости отстаиваемых ими позиций, достижение взаимопонимания и, по возможности, согласование этих позиций. Достижение такого согласия по существу обеспечивает определенное продвижение в направлении мировоззренческого синтеза.

Участники повседневной коммуникативной практики – это реальные люди, обладающие, как правило, здоровым смыслом и жизненным опытом и способные, при должной образователь-

ной подготовке, в ходе обсуждения возникших вопросов переходить от частных суждений и оценок к обобщенным нравственным выводам и заключениям. Правила и нормы морали признаются и принимаются нами к исполнению потому, что мы находим их обоснованными. «Если мы должны что-то сделать, значит, мы имеем основание сделать это» [7, с. 76]. Однако способность нравственного суждения не является врожденной, она развивается в процессе образования личности, начиная от детских лет и вплоть до зрелого возраста. Хабермас ссылается на теорию нравственного развития личности, разработанную Л. Кольбергом. В соответствии с этой теорией выделяется шесть ступеней морального суждения, выступающих в качестве последовательных приближений к структурам беспристрастного или справедливого рассмотрения нравственных коллизий.

На первой ступени, характерной, прежде всего, для маленьких детей, образующаяся личность считает правильным следовать внешним предписаниям и авторитетным указаниям, что позволяет избежать наказаний. Эта ступень оценивается автором как эгоцентрическая, поскольку интересы других людей и их особые точки зрения здесь еще не осознаются. На второй ступени человек уже не только осознает свой собственный интерес, но и отделяет его от интересов других людей, соотносит их. Он считает, что правила, соответствующие интересам людей, нужно выполнять, действуя честно и следуя взятым на себя обязательствам. На третьей ступени правильным признается быть хорошим (обходительным) человеком, заботиться о других людях, учитывать их эмоциональное состояние и вообще следовать «золотому правилу» нравственности. Здесь уже принимаются во внимание взаимные межличностные ожидания, но обобщенный характер нравственных норм еще не осознается. Четвертая ступень отличается тем, что человек, достигший ее, считает правильным не только исполнять свои общественные обязанности, но и в целом поддерживать общественный порядок, заботиться об улучшении состояния дел в обществе. Общественную точку зрения он уже отличает от межличностных соглашений и в целом принимает системный взгляд на отношения между людьми. На пятой ступени, вынося нравственное суждение, человек учитывает относительный характер большинства правил и ценностей, даже так называемых высших, однако полагает, что их нужно охранять и защищать, в том числе и от посягательств, направляемых групповыми интересами. Поднимаясь на шестую ступень, человек начинает руководствоваться универсальными этическими принципами, которые признаются обязательными для всех людей. Моральная точка зрения здесь считается основополагающей для построения всех общественных отношений.

Переход от одной ступени к другой Кольберг рассматривает как обучение. Оно ведет к тому, что взрослеющая в нравственном плане личность оказывается все более подготовленной к достижению обоснованного согласия с другими людьми по поводу случаемых нравственных коллизий. При этом человек сам осознает свое моральное развитие как образование, которое позволяет выявлять и объяснять ранее совершенные ошибочные действия, считавшиеся тогда правильными. Эту работу над собой человек выполняет самостоятельно, хотя и во взаимодействии с другими людьми, и в процессе освоения мира культуры. Восходя к нравственной зрелости, он переходит от неотрефлексированных действий к моральному курсу, ставящему под вопрос якобы непререкаемые нормы и практические установки повседневного поведения. В ходе обсуждения рассматриваются разные варианты урегулирования проблемных в моральном отношении ситуаций. Сама по себе дискуссия не гарантирует безупречной правильности получаемых выводов, но она предохраняет от многих ошибок или, по крайней мере, позволяет их исправлять. Важно, что осознанное согласие невозможно навязать другому; его можно достигнуть только убеждением, а не принуждением. Согласие же основывается на общности миропонимания – может быть, не абсолютной, но достаточной для того, чтобы разрешать возникающие проблемы.

Сжато обрисованная здесь, в соответствии с концепцией Кольберга, последовательность ступеней восходящего нравственного развития личности не является, конечно, исчерпывающим ответом на вопрос о том, как приблизиться к осуществлению в жизни требования категорического императива, а тем более к достижению мировоззренческого синтеза в целом. Кольберг руководствуется главным образом кантовской этической теорией, хотя существуют и другие теории, которые отчасти учитываются им. Шестая ступень морального развития в рассмотренной схеме явно соотносится, как отмечает Хабермас, с теорией Канта, тогда как пятая соотносится с утилитаристской и договорной концепциями [7, с. 58]. Таким образом, мы здесь встречаем еще одно подтверждение ранее высказанного суждения о необходимости синтеза различных содержаний при продвижении к более глубокому пониманию нравственной сути дела.

Рассмотрение последовательного, поэтапного нравственного образования личности указывает на тесную связь данного процесса с усвоением новых знаний и социального опыта, зафиксированных в культуре. Опыт выступает как осознанная человеческая деятельность, результаты которой соотносятся с намеченными целями. Есть опыт выполнения практических действий и опыт осмысления происходяще-

го. Опираясь на жизненный опыт, люди не слишком доверяют умозрительным построениям, поспешным обобщениям и оценкам. Знания, которые делают нас не только более осведомленными, но и более опытными, включают и многообразные сведения о свойствах и связях различных предметов, и нравственные уроки, относящиеся к взаимоотношениям людей, нормам и ценностям человеческого бытия, и память о прошлых ошибках и путях их преодоления. Наши цели, как отмечает С.И. Гессен, двояки. Одни из них, будучи локальными и условными, допускают исчерпывающее достижение или решение. Другие имеют совсем иной масштаб и в принципе не могут быть полностью осуществлены. Так, невозможно исчерпать науку, искусство, нравственность. Базовые ценности культуры представляют собой предельные, абсолютные задачи, которые неисчерпаемы и, будучи целями-заданиями, открывают для человека и человечества путь бесконечного развития [8, с. 33].

Между образованием и культурой, полагает Гессен, имеется точное соответствие. Образование определяется им как культура индивида, выступающая, в связи с этим, в качестве неисчерпаемого задания для каждой образующейся, самоформирующейся личности. Видов образования столько же, сколько и основополагающих ценностей культуры. Педагогика понимается им как прикладная философия, и она включает в свой состав теории нравственного, научного, художественного, религиозного и хозяйственного образования. Отношения между образующейся личностью и культурой далеко не безоблачны, ибо культура первоначально является для нее внешней данностью. По мере усложнения культуры и обретения ею, так сказать, массивности человеку становится все труднее сохранить в ней свое "Я". Личность теряется в массе разнородных влияний и впечатлений, сменяющих друг друга с калейдоскопической быстротой. Центробежные силы внешних культурных содержаний способны превозмочь центростремительные силы личности, и тогда она как бы разрывается на части, "разламывается под бременем человеком не порожденных механизмов" [8, с. 80].

Эти суждения о ключевых, действительно мировоззренческих проблемах образования высказаны Гессеном столетие тому назад, но мы ясно видим, что в главном они нисколько не устарели и во многом повторяются в публикациях современных авторов. Весьма актуально, в частности, указание на опасность утраты личностью собственной идентичности под давлением мощных и разнонаправленных внешних влияний. По существу речь идет о том, что мировоззрение личности перестает выполнять своеобразную защитную функцию, состоящую в неприятии и отторжении тех ценностей, которые признаются неприемлемыми. В наши дни это

одна из основных задач образования, имеющая специфику на всех его уровнях и во всех формах. Мировоззрение составляет, так сказать, важный компонент иммунной системы личности и общества в целом.

Каждый человек самостоятельно осуществляет свой мировоззренческий выбор, решает, чему верить, а что отвергнуть или оставить без внимания. Убеждения невозможно навязать, но можно помочь в их формировании. Особую роль здесь призвано играть философско-мировоззренческое образование. Обсуждение его проблем – отдельная тема, которая поднималась во многих работах автора данной статьи [9 и др.], и, в силу ограниченности ее объема, не может получить здесь достойное освещение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Полани, М.** Личностное знание / М. Полани. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
2. **Бергсон, А.** Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон. – Минск: Харвест, 1999. – 1408 с.
3. Словарь современного русского литературного языка. – М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – Т. 8. – 1840 с.
4. **Тейяр де Шарден, П.** Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
5. **Кант, И.** Критика способности суждения / И. Кант. – Соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 5. – 564 с.
6. **Шелер, М.** Избранные произведения / М. Шелер. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.
7. **Хабермас, Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – 380 с.
8. **Гессен, С. И.** Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С. И. Гессен. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 448 с.
9. **Вишневский, М. И.** Философский синтез как мировоззренческая основа образования / М. И. Вишневский. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 1999. – 252 с.

Поступила в редакцию 12.10.2016 г.
 Контакты: philos-mogilev-msu@mail.ru
 (Вишневский Михаил Иванович)

Vishnevsky M.I. WORLD VIEW SYNTHESIS: EDUCATIONAL ASPECT.

The article reveals the contents of the concept "ideological synthesis". A relative character of the rigor of philosophical concepts is debated. Ideological education is related to rational discussion leading to the development of more profound moral judgments. World view is treated as an important component of the society "immune system".

Keywords: world view synthesis, education, rational discussion, stages of personal moral development.

УДК 1 (476) (091)

**ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ СОВЕСТИ В
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX в.**

В. В. Старостенко

кандидат философских наук, доцент,
проректор по научной работе,
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

Статья посвящена исследованию проблемы свободы совести в контексте модернизации религиозного законодательства Российской империи в начале XX в., отраженной в правовой практике и общественно-политической мысли. Особое внимание обращено на разработанный партией кадетов законопроект 1906 г. «О свободе совести», который впервые предусматривал не только равенство вероисповеданий, но и допускал право граждан на вневероисповедное состояние. Показано отражение темы свободы совести в политических программах партий и движений России. Попытка Временного правительства осуществить модернизацию законодательства в области религии в духе буржуазного демократизма рассматривается как объективно ориентированная на создание внеконфессионального правового государства.

Ключевые слова: свобода совести, религия, религиозное законодательство, вероисповедание, конфессиональная политика, политические партии, Православная церковь, религиозный вопрос, Российская империя.

Введение

В конце XIX – начале XX в. в общественном сознании и политической элите Российской империи зреет осознание необходимости модернизировать действующее религиозное законодательство.

Законодательно вопросы религиозно-политической и конфессиональной жизни, вероисповедных прав и свобод граждан Российской империи были отражены в «Своде законов», прежде всего в «Своде основных государственных законов», «Своде учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных», «Своде Законов Гражданских», «Своде уставов о предупреждении и пресечении преступлений», «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных», «Уставе о цензуре и печати». Религиозное законодательство признавало «первенствующую» и «господствующую» роль веры «Христианской Православной Кафолической Восточного исповедания», главой церкви и «Верховным защитником» «господствующей веры» считался монарх. Православная церковь была интегрирована в систему государственной власти, но

при этом фактически была лишена самоуправления. Законодательство выделяло также «терпимые» и «нетерпимые» религии. Для «терпимых» («инославных» и «иноверных») вероисповеданий были установлены ограничения, включая запрет на распространение своего учения среди православных. К «нетерпимым» были отнесены различные «секты», и лица, обвиненные в распространении «ересей», «раскола», в образовании враждебных православию «сект», могли подвергнуться лишению всех прав состояния и ссылке. «Совращение» в нехристианскую веру могло повлечь тюремное заключение, тогда как переход из любого вероисповедания в православие законодательно поощрялся. Ограничения по вероисповедному признаку содержались в законодательных актах по вопросам брака и семьи, для еврейско-иудейского населения империи существовала т. н. «черта оседлости» и т. д. Законодательно не допускалась вневероисповедная принадлежность граждан. Господствовавшая идеология национально-православного консерватизма была ярко выражена обер-прокурором Святейшего Синода (1880–1905) К.П. Победоносцевым: «государство безверное есть не что иное, как утопия невозможная к осуществлению, ибо безверие есть прямое отрицание государства» [1, с. 315].

По существу, в Российской империи имела место ограниченная религиозная терпимость и ограниченная свобода вероисповедания, которая в полной мере предоставлялась лишь приверженцам православной конфессии в ущерб «инославным», «иноверным» и «нетерпимым» вероисповеданиям, что не соответствовало новым потребностям общественного развития, усиливало социальные противоречия и гражданскую дезинтеграцию социума.

Основная часть

В начале XX в. государством стала проводиться более либеральная конфессиональная политика в отношении старообрядцев, штундбаптизма и ряда других религий. Так, устранение «стеснений» «инославных» и «иноверных» исповеданий предусматривалось в Указе «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» (12 декабря 1904 г.) [2, с. 141–142]. Юридически возможным и ненаказуемым был признан переход из православного вероисповедания в другие христианские конфессии по Указу «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.). В нем также облегчались условия культурной деятельности для «терпимых» религий [2, с. 142–144]. Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» (17 октября 1905 г.) объявлял о «даровании населению незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [2, с. 147].

Спустя год Указ императора Сенату предусматривал упрощение деятельности старообрядческих общин и более свободное исповедание веры “сектантам, отпавшим от православия”, включая сооружение молитвенных домов и устройство общин [2, с. 151–154].

Тема реформы вероисповедного законодательства России активно дебатировалась в Государственной думе. Особого внимания заслуживает инициированный партией кадетов в 1906 г. законопроект “О свободе совести”, который предусматривал равенство вероисповеданий и право граждан на вневероисповедное состояние [3].

В “Объяснительной записке” к этому проекту закона было указано на основные недостатки правового обеспечения в России религиозной свободы. “Этот великий принцип [свободы совести], – утверждают авторы законопроекта, – не нашёл себе осуществления в законодательных нормах и тем более в практике государственного управления”. Более того, “долгие годы Россия жила под режимом несвободы совести”. Поясняется это тем, что “право распространять свое вероучение предоставлялось одной православной церкви”, а “духовные и светские лица прочих христианских исповеданий строжайше обязаны не прикасаться к убеждениям совести, не принадлежащих к их религии”, под страхом уголовного преследования. Ещё большие ограничения, по их мнению, содержатся в специальном законодательстве об отдельных христианских и нехристианских исповеданиях, в т. ч. “раскольников и сектантов”, где имеет место “настоящее преследование”.

Авторы проекта закона особое внимание обращают на общегосударственную значимость свободы совести. По их мнению, ограничение этой свободы губительно для страны, поскольку “вызывало острую враждебность, колебало основы национального мира и наносило великий вред общегосударственной крепости и мощи”. Ссылались они и на двойственное положение самой Православной церкви: “пользующаяся внешним привилегированным положением, но сдавленная государственной опекой... только страдает от этого режима, отнимающего у неё возможность нравственного воздействия и авторитет”.

Анализируя законодательные меры, принятые правительством в религиозном вопросе в 1904–1905 гг., авторы законопроекта обратили внимание на Указ 17 апреля 1905 г. Он, в их оценке, не только “не дошёл в утверждении принципа религиозной терпимости до конца”, поскольку не разрешил неправославным исповеданиям свободное распространение своих вероучений, но и “ничего не говорил о праве не принадлежать ни к какому исповеданию, праву, которое, очевидно, входит в последовательный проводимый принцип свобо-

ды совести”. “Как с ним несомненно принуждение, прямое или косвенное, к принятию какой-либо религии, – заключают кадеты, – так несомненно и принудительная религиозность вообще” [4, с. 8–10].

Основывался законопроект кадетов на партийной программе, принятой 12–18 октября 1905 г. Та в разделе “Основные права граждан” декларировала равенство российских граждан перед законом “без различия пола, вероисповедания и национальности” и объявляла, что каждому гражданину обеспечивается “свобода совести и вероисповедания”, не допускаются преследования за “верования и убеждения, за перемену или отказ от вероучения” [5, с. 41].

Тема свободы совести находила отражение и в программных документах многих других политических партий и движений России, в том числе действующих на территории белорусских губерний. Значительная часть программ была обнародована в связи с предстоящими выборами в 1906 г. в Государственную Думу.

Так, свободу вероисповеданий как часть “незыблемых основ гражданской свободы” рассматривал “Союз 17 октября” [2, с. 166–167]. “Равенство перед законом всех российских граждан, без различия пола, вероисповедания, расы и национальности” провозглашала программа Демократического Союза Конституционалистов [2, с. 169–170]. Подобные или схожие по духу установки содержали программы Умеренно-Прогрессивной партии, Прогрессивно-экономической партии, Всероссийского торгово-промышленного союза, Партии Правового Порядка, Республиканской Либеральной Партии. Правомонархическую православно-консервативную позицию занимали, в частности, Отечественный союз и Русское собрание. По мнению Отечественного союза, “православная церковь должна и впредь оставаться господствующей в русском государстве, пользуясь не только надлежащей независимостью, но и особыми преимуществами и почитанием” [2, с. 173]. “За Веру, Царя и Отечество. Православной вере – господство, каждой вере – почитание”, – открывалась программа Русского собрания, согласно которой “Православная Церковь должна сохранить в России господствующее положение” [2, с. 174].

В наибольшей мере осознание значимости свободы совести, сопряженное с намерением наиболее последовательного разрешения “церковного вопроса”, проявляли партии левой направленности. Так, положение об отделении церкви от государства и школы от церкви было включено в программы Белорусской Социалистической Громады и Радикальной партии [2, с. 164, 167]. За “полное отделение церкви от государства и объявление религии частным делом каждого” ратовала Партия Социалистов-Революционеров [2, с. 165]. Партия Свобо-

мыслящих отстаивала “идеи и стремления общечеловѣческой” и полагала, что при их утверждении “не останется мѣста... для произвола чиновничества и насилія надъ совѣстью со стороны духовенства”. Политическая программа партии в части “общегосударственного строя” предусматривала свободу совести “съ отдѣленіемъ церковью всѣхъ исповѣданій отъ государства”, в части “судебной реформы” – признание обязательнымъ только гражданскаго брака при том, что “религіозное освященіе брака должно быть предоставлено совѣсти и доброй волѣ каждого”, в части “культурно-школьной программы” – “свободу школы отъ власти церкви” [2, с. 167–169].

Идеологию данного крыла политических сил разделяла и Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия (РСДРП). Ее программа, принятая еще в 1903 г., была ориентирована на замену самодержавия демократической республикой, конституция которой, в частности, обеспечивала бы “неограниченную свободу совести”, в том числе “уничтожение сословий и полную равноправность всехъ граждан независимо отъ пола, религіи, расы и национальности”, а также “отделение церкви отъ государства и школы отъ церкви”, конфискацію монастырскихъ и церковныхъ имуществ [2, с. 159].

Обоснование программных положений РСДРП было предпринято в статье В.И. Ленина “Социализм и религія” (1905 г.). По его убеждению, “религія должна быть объявлена частнымъ делом”, а “государству не должно быть дела до религіи, религіозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякій долженъ быть совершенно свободенъ исповѣдовать какую угодно религію или не признавать никакой религіи...”. “Никакие различія между гражданами в ихъ правахъ в зависимости отъ религіозныхъ верований совершенно не допустимы”, – писал он, а “полное отделение церкви отъ государства – вот то требование, которое предъявляетъ социалистическій пролетариатъ к современному государству и современной церкви” [6, с. 142–147].

В результате Февральской революции 1917 г. к власти приходит Временное правительство. Руководствуясь духомъ буржуазнаго демократизма, оно предприняло попытку модернизировать законодательство России в области религіи. Позиция новаго кабинета была во многом обусловлена его персональнымъ составомъ: Временное правительство было образовано изъ представителей главнымъ образомъ либеральныхъ партий Государственной думы. Государственно-конфессиональная деятельность Временнаго правительства объективно была ориентирована на создание внеконфессиональнаго правового государства. Элементами церковной программы новай власти являлись, по воспоминаніямъ А. Карташова, а) свобода “ре-

лигіозной совести”, включая свободу пропаганды, для всехъ исповѣданій; б) свобода соборнаго самоуправления для Православной церкви; в) упразднение государственной опеки надъ церковью и некоторыхъ привилегій православія “в смысле его полицейской защиты отъ сторонней пропаганды” [7, с. 373]. 3 марта 1917 г. правительство декларировало амнистию по “религіознымъ деламъ” и отмену всехъ вероисповѣдныхъ ограничений [2, с. 215–216] 6 марта в его обращении к населенію было заявлено о возвращеніи изъ ссылокъ и “заточенія” пострадавшихъ отъ старой власти за свои религіозные убеждения [2, с. 216–217]. Последующее постановленіе “Об отмене вероисповѣдныхъ и национальныхъ ограниченийъ” от 20 марта провозглашало социальное, экономическое и политическое равенство граждан независимо отъ вероисповѣданія. [2, с. 220] Коррективы были внесены в уголовно-административное законодательство. Были расширены права “инославнаго” и “иновернаго” исповѣданій в части богослужебной деятельности, созданія религіозныхъ учебныхъ заведеній и учрежденія печатныхъ изданій, строительства культовыхъ зданій.

Постановленіе Временнаго правительства от 14 июля “О свободѣ совести” впервые в исторіи России законодательно закрепило свободу граждан на самоопредѣленіе в отношеніи религіи, декларируя право граждан на вневероисповѣдное состояніе. Оно определяло, что пользование гражданскими и политическими правами не зависитъ отъ принадлежности къ вероисповѣданію, и никто не можетъ преследоваться или ограничиваться в какихъ бы то ни было правахъ за убежденія в делахъ веры. Допускался переход (для лицъ, достигшихъ четырнадцатилетнаго возраста) в другое вероисповѣданіе, а также признание себя не принадлежащимъ ни къ какой вере. Веденіе актовъ гражданскаго состоянія для лицъ, которые не принадлежатъ къ какому-либо вероисповѣданію, было поручено органамъ местного самоуправления [2, с. 221–222]. Статус православія какъ “господствующей” религіи даннымъ постановленіемъ не изменялся, но на его основѣ Министерство просвѣщенія отменило обязательное изученіе в школе “Закона Божьего”.

Показательно, что реализация Постановленія от 14 июля 1917 г. уже в скоромъ времени обнажила реальную ситуацию в области религіозности населенія. Одно изъ самыхъ, на первый взглядъ, парадоксальныхъ следствій освобожденія отъ обязательнаго исполненія обрядовъ и таинствъ церкви обнаружилось в воюющей российской арміи. По отчетамъ армейскаго духовенства, процентъ солдатъ, которые были записаны православными и соблюдали таинство причащенія, сократился со 100% в 1916 г. до менее 10% в 1917 г. [8, с. 295–296]. Изменялось и отношеніе к военнымъ священникамъ, что нашло отраженіе в документахъ протопресвитера воен-

ного и морского духовенства Г. Шавельского. В письмах лета 1915 г. протопресвитер отмечал, что подведомственное ему духовенство работает “выше похвалы” и что престиж его находится на “небывалой высоте” [9, с. 88]. В воспоминаниях Шавельского о событиях мая 1917 г. дается сущностно иная оценка: при посещении на фронте одного из Сибирских стрелковых полков его речь солдаты встретили крайне враждебно. “Разъяренная толпа, – пишет он, – чуть не растерзала меня. Я спасся, только благодаря старослужащим солдатам...”. Командующий дивизии, где Шавельский должен был выступать на следующий день, прямо предупреждал протопресвитера: “Будьте осторожны в каждом слове, иначе я ни за что не ручаюсь!” [10, с. 277].

20 июля правительство объявило о передаче Министерству народного просвещения управления церковными школами, которые финансировались из государственного бюджета, что вызвало негативную реакцию со стороны Православной церкви. Предпринимались меры и по реорганизации церковного управления. 5 августа было создано Министерство исповеданий. Главной задачей этого министерства, которое возглавил видный историк церкви А.В. Карташов, стал надзор за соблюдением религиозного законодательства. Правительство, таким образом, отказалось от практики непосредственного вмешательства во внутрицерковные дела. “Новое революционное правительство, не миропозаманное Церковью (т. е. уже не “Милостию Божиею”, а “волею народа”), – писал Карташев в статье “Временное правительство и русская церковь” (1933 г.), – не могло и не должно было оставаться в прежних конфессионально тесных отношениях к Православной Церкви. Оно обязано было мыслить себя как власть только светскую, принципиально вневероисповедную” [7, с. 369–388].

Что же касается самой Российской православной церкви, то она в результате мартовского отречения от престола Николая II, а затем и Михаила Романова, оказалась в новом для себя церковно-политическом положении, и в известной мере была дезориентирована. Еще недавно заявлявшая, что власть царская есть “Богом утвержденная”, Церковь уже в Послании Синода от 9 марта 1917 г. заявила, что “свершилась воля Божья” и призвала всероссийскую паству “довериться” Временному правительству [2, с. 219]. Правовой статус Православной церкви в новых политических условиях демократической России стал предметом рассмотрения Поместного собора, открывшегося 15 августа 1917 г. Его наиболее значимым решением стало восстановление патриаршества, первым Патриархом Московским постсинодального периода был избран Тихон.

Заклучение

Проблема свободы совести существенно актуализируется в общественно-политической мысли в Российской империи в начале XX в., на законодательном уровне предпринимаются попытки либерализации конфессиональной политики. Реформа вероисповедного законодательства России являлась предметом обсуждения в Государственной думе, разработанный партией кадетов законопроект “О свободе совести” впервые предусматривал не только равенство вероисповеданий, но и допускал право граждан на вневероисповедное состояние, что стало исторически первой попыткой добиться легитимным законотворческим путем полноценного правового обеспечения свободы совести в Российской империи. Тема свободы совести нашла отражение в политических программах партий и движений России, наибольшим радикализмом в конфессиональном вопросе и законодательном закреплении принципа свободы совести отличались программные документы партий левой направленности. Попытка модернизации законодательства в области религии в духе буржуазного демократизма была предпринята Временным правительством и объективно ориентировалась на создание внеконфессионального правового государства. В условиях обострения революционного кризиса осенью 1917 г. и потери Временным правительством доверия в обществе инициированные им вероисповедные свободы не смогли получить широкой конкретной реализации. На практике не было реализовано правовое равенство религий. Законодательного и реального воплощения не получили многие демократические требования, прежде всего отделения церкви от государства и национализации церковно-монастырской собственности. Эти идеи активно использовала в своей пропагандистской работе партия большевиков, к которой в октябре (ноябре) 1917 г. перешла инициатива в разрешении религиозного вопроса. Радикальные установки РСДРП и, объективно, ряда других левых партий нашли отражение в новом законодательстве Советской России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Победоносцев, К. П.** Государство и Церковь / К.П. Победоносцев ; сост., предисл., коммент. О. А. Суржик ; отв. ред. О. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2011. – Т. II. – 624 с.
2. История религии и свободы совести в Беларуси в документах и материалах : пособие : в 4 ч. – Ч. 3 : Со второй половины XVIII в. до октября 1917 г. / авт.-сост.: В. В. Старостенко, Э. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 260 с.

3. **Старостенко, В. В.** Идея свободы совести в деятельности Конституционно-демократической партии России 1905–1906 гг. / В. В. Старостенко // Религия и общество – 10 : сборник научных статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 79–82.
4. Законодательные проекты и предположения Партии Народной свободы 1905–1907 гг. / под ред. Н. И. Астрова [и др.]. – СПб. : Типография товарищества “Общественная польза”, 1907. – XIX, 386 с.
5. Документы общероссийских партий и организаций либерального направления в Беларуси (1905–1918 гг.) : хрестоматия : учеб.-метод. пособие / авт.-сост. Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – 344 с.
6. **Ленин, В. И.** Полное Собрание Сочинений. – 5-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1968. – Т. 12. – 576 с.
7. **Карташов, А.** Временное правительство и русская церковь / А. Карташов // Современные записки. – 1933. – № 52. – С. 369–388.
8. **Федоров, В. А.** Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700–1917) / В. А. Федоров. – М. : Русская панорама, 2003. – 479 с.
9. **Старостенко, Э. В.** Изучение деятельности православного военного духовенства в годы Первой мировой войны на основе источников личного происхождения / Э. В. Старостенко // Веснік Марілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А, Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. – 2016. – № 1. – С. 86–90.
10. **Шавельский, Г.** Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота : в 2 т. / Г. Шавельский. – Нью-Йорк, 1954. – Т. 2. – 412 с.

Поступила в редакцию 11.01.2017 г.
 Контакты: vstarostenko@mail.ru
 (Старостенко Виктор Владимирович)

Starostenko V.V. THE PROBLEM OF FREEDOM OF CONSCIENCE IN LAW AND POLITICAL THOUGHT IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY XX CENTURY.

The article investigates the problem of freedom of conscience in the context of the modernization of the religious laws of the Russian Empire in the beginning of the XX century, as reflected in the jurisprudence and political thought. Particular attention is drawn to a bill developed by the Cadet Party 1906 “On freedom of conscience”, which for the first time includes not only the equality of religions, but also admitted the right of citizens to vneveroisповедное state. Results reflected the theme of freedom of conscience in the political programs of the parties and movements of Russia. The attempt of the Provisional Government to modernize legislation in the field of religion in the spirit of bourgeois democracy is seen as an objective focused on the establishment of non-denominational rule of law.

Keywords: freedom of conscience, religion, religious law, confession, confessional politics, political parties, the Orthodox Church, the religious question, the Russian Empire.

УДК 327.7

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ****Г. А. Круглова**доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры политологии БГУ

Экологическая политика составляет неотъемлемую часть международных отношений. Важным условием успешной современной экологической политики является "экологическая перестройка" всего мышления. Для этого необходима правовая координация действий всех социальных сил, всех стран и народов. Включение новых субъектов в осуществление экологической политики в XXI в. привело к тому, что они активно вливаются в политическую деятельность и оказывают серьезное влияние на международную политику. Важное значение приобретает участие неправительственных организаций, которое осуществляется в рамках совместных с государством программ и проектов. Кроме того, приоритетное место в экологической политике должно отводиться информации, которая должна стать главным ресурсом в реализации принимаемых решений в сфере экологии.

Ключевые слова: экологические проблемы современности, экологическая политика, правовое регулирование в сфере экологии, новые субъекты экологической политики, экологическая информация.

Введение

Экологические проблемы в условиях глобализации достаточно остро стоят практически перед всеми странами. Человечество стоит перед дилеммой: или решать эти проблемы, или наша цивилизация неминуемо придет к экологической катастрофе, не менее пагубной, чем термоядерная война. Как отмечал еще в 70-е гг. XX в. академик Е.К. Федоров, будущее человечества зависит от того, сумеет ли оно перейти к сознательно направленной культуре в глобальных масштабах. Глобализационные процессы в мире только обострили и усугубили ситуацию. Председатель Правления Российского водного общества, советник заместителя Председателя Совета Федерации А.П. Катков, в своем интервью журналу "Экология и жизнь" отметил: "Все данные свидетельствуют о том, что сейчас экологическая обстановка в мире самая неблагоприятная за всю историю человечества" [1, с. 26].

Об этом шла речь и на Саммите тысячелетия. Как отмечал Кофи Аннан, бывший тогда Генеральным секретарем ООН, именно от "природной системы жизнеобеспечения зависит само выживание рода человеческого". И все эти сложные проблемы "заставляют нас подходить к этому вопросу творчески и корректировать наши традиционные концепции, с тем, чтобы они больше отвечали потребностям новой эры" [2,

с. 10–11]. Сложность и острота экологических проблем отмечалась и на Саммите по устойчивому развитию "РИО+20" (2012 г.), где Премьер-министр Российской Федерации Дмитрий Медведев отмечал, что при принятии решений относительно будущего в условиях нарастающих процессов глобализации необходимо учесть интересы каждого государства.

Основная часть

Тесно переплетаясь с социальными, экономическими, политическими противоречиями современного мира, экологические проблемы неизбежно вызывают столкновение интересов различных классов, социальных групп, политических партий, общественных движений. Тем самым они все очевидней приобретают ярко выраженную политическую окраску. В определенной степени можно говорить о том, что в их решении сталкиваются не только интересы общества и природы, но и политические курсы и цели различных государств, партий, классов, движений.

Именно принятие тех или иных политических решений наиболее ярко демонстрирует все сложности и противоречия, возникающие при разработке, а особенно при реализации экологической политики. Несмотря на всеобщее признание необходимости целого ряда безотлагательных решений в сфере экологии, далеко не всегда на практике все складывается беспроblemно. Особенно ярко экологические противоречия между государствами проявляются в сфере международных отношений. И эти аспекты необходимо учитывать при анализе и рассмотрении экологической политики в условиях усиления глобальных факторов развития.

Политические и государственные деятели, обладая богатейшим опытом манипулирования общественным сознанием, используют обострение экологических проблем для достижения своих целей в глобальном моделировании развития цивилизации. Множество политических партий, общественных организаций и движений, заинтересованных в решении этих проблем, разрабатывают свои политические доктрины, выдвигают собственные программы выхода из сложившейся ситуации. Кроме того, следует обратить внимание и на тот факт, что взаимосвязь экологических проблем и политики прослеживается не только во внутриполитической области, но и существенно затрагивает внешнеполитическую деятельность.

При этом процессы глобализации мирового развития ставят перед мировым сообществом одну очень важную проблему, сущность которой в том, что, достигнув на международном уровне соглашений по основным целям и задачам экологической политики, различные политические силы далеко не всегда стремятся к их реализации на практике. Эту проблему видят и ученые, и

политики. «Важно, чтобы благие намерения подкреплялись практическими делами». Так называлось интервью Председателя Совета Федерации, председателя Совета Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ В.И. Матвиенко журналу «Экология и жизнь» [3, с. 4]. Поэтому главное значение в оценке сущности политики, проводимой в сфере решения экологических проблем, имеют не провозглашенные лозунги, а ее практические результаты, в чем и проявляются основные противоречия и сложности.

Многие политики и ученые в разных странах и континентах отмечают, что такие цели, как экономическое развитие в чистой окружающей среде, высокое качество жизни требуют новых подходов к интеграции и координации политических инициатив, особенно под влиянием глобализационных процессов. Об этом писал председатель Совета по устойчивому развитию Германии Фолькер Хауфф еще в начале XX в. А в современном глобальном мире эти проблемы приобрели еще большее значение.

Понимание экологических проблем как общепланетарных требует не только «глобальности» в подходе к их решению, которое есть в мировом политическом и научном сообществе, но и еще раз подтверждает необходимость международного сотрудничества в их решении. Однако следует учитывать и тот факт, что международное сотрудничество в сфере экологической политики очень часто осложняется тем, что выбор тех или иных приемов и методов диктуется не реальными проблемами, стоящими перед странами и народами, а политические интересы.

Такое положение сложилось достаточно давно. Например, еще в 80-е гг. XX в. было создано центральное Экологическое управление, четыре региональных экологических отдела, которые были уполномочены проводить экологические экспертизы. Но, по оценке английских ученых С. Поустела и К. Флейвина, «реального влияния эти структуры не получили. Они не имели своего голоса и возможности участвовать в принятии решений». Далее, подчеркивали ученые, антиэкологические решения продолжали приниматься, и «многие правительства фактически субсидируют дальнейшее углубление экологических проблем».

Анализируя результаты Конференции ООН по вопросам изменения климата (Доха, Катар, 2012), Исполнительный секретарь Рамочной конвенции ООН об изменении климата Кристиана Фигерес отметила, что на конференции государства подтвердили свои действия по разработке единого для исполнения всеми странами соглашения по решению экологических проблем и разработке совместных программ в сфере экологической политики. «Однако многие правительства не подкрепили свои намерения решительными и незамедлительными действиями по выполнению уже принятых обязательств» [4, с. 40].

Экологическая политика достаточно ярко проявляет свою специфику и в системе международных отношений, где первоочередное значение приобретает проблема обеспечения всеобщей безопасности. Основными инструментами ее осуществления, как известно, являются развитие международного сотрудничества, укрепление доверия и взаимопонимания между народами.

Признавая важность международного сотрудничества для решения данных проблем, далеко не все государства стремятся к его развитию на практике. Особенно характерна в этом плане политика, получившая в США название «экологического неокOLONиализма», или «технологической дипломатии». Особую популярность она приобрела в 70–80-е гг. XX ст. Эта политика изначально была нацелена на то, чтобы обеспечить сохранение интересов монополий США в странах, добывающих сырье, и на этой основе укрепить позиции американских корпораций в мировой экономике. Слаборазвитым странам предлагались новейшие научно-технические разработки. А в качестве платы за их использование развитые страны самостоятельно присваивали себе «право» на бесконтрольный доступ к природным богатствам этих стран. Такого рода неравноправные политические и экономические условия, навязываемые этим странам, закрепляли их в качестве сырьевых придатков для Америки и Европы.

В международных отношениях используются и другие способы и методы экологического давления. Так, например, в торговой войне используется экологическое оружие, т. е. запрет на ввоз товаров, не укладывающихся в завышенные экологические стандарты. Особенно большое значение экологические стандарты приобрели в торговой политике США. Под предлогом заботы о природной среде эти стандарты используются для защиты внутреннего рынка, поскольку они распространяются только на импортные товары. В то же время подобные экологические стандарты не затрагивают продукцию, экспортируемую из развитых стран. Так, в США общественные природоохранные организации не раз требовали запретить вывоз из страны экологически опасных товаров и технологий. Но эти предложения не получили поддержки в правительственных кругах. Несмотря на международный запрет использования пестицида ДДТ, до начала 90-х гг. XX в. его вполне легально поставляли в страны «третьего мира». Поэтому содержание пестицидов в крови жителей Гватемалы и Никарагуа, по данным на 2010 год, более чем в 30 раз превышает показатели для жителей США. Многие ученые связывали быстрое распространение вирусных болезней в популяции обыкновенного тюленя летом 1988 г. с наличием остатков пестицидов в Северном море [5].

Во взаимоотношениях развитых стран также можно найти достаточно примеров противоречий, которые сложились в сфере экологии и осложняют выработку и проведение действенной экологической политики. Мировую известность в 60–70-е гг. XX ст. приобрела так называемая “сточная канава” Европы – Рейн. К началу XXI в. проблема загрязнения речных бассейнов была практически решена. Но серьезную угрозу по-прежнему представляют техногенные аварии, в результате которых, как правило, страдают те страны, которые расположены ниже по течению реки. Кроме того именно XXI век стал веком масштабных техногенных катастроф в мировом океане.

Углублению политических противоречий между различными государствами способствует и загрязнение пограничных территорий. Острой остается проблема кислотных дождей. Как правило, они наносят наибольший вред соседним странам. Особенно беспокоит эта проблема Канаду и Скандинавские страны. Ведь формирование облаков происходит чаще всего над южными территориями, а осадки выпадают на территории других государств. Для этих северных стран, которые практически не имеют собственных экологических проблем, взаимоотношения с соседями приобрели характер политического противостояния.

Во взаимоотношениях между различными государствами в сфере экологии по-прежнему сохраняется серьезная напряженность. Несмотря на целый ряд достигнутых договоренностей и соглашений, не следует забывать и о существующих разногласиях. Актуальной остается и проблема ресурсов. Здесь необходимо отметить американо-канадские противоречия по поводу доступа к ресурсам нефти и газа, пресной воды и леса. Достаточно остро стоит этот вопрос и в Западной Европе, Японии, Китае и других странах. Первый шаг в этом плане был сделан объявлением бассейна Персидского залива зоной жизненных интересов США еще в 70-е гг. XX в. В середине 80-х гг. сенатор А. Хейг, выступая на Конгрессе США, объявил, что “эпоха войны за ресурсы уже началась”. Достаточно вспомнить “рыбные войны” в Балтийском море, Тихом океане, “нефтяное противоборство” и т. д. В условиях глобализации эти проблемы становятся еще более острыми.

Как отмечал еще в начале XX в. видный немецкий экономист и социолог Г. Шеер, “нет ничего более важного для человечества, чем обеспеченность ресурсами”. Подтвердились его слова, что “борьба неизменно обостряется, все чаще переходя в вооруженное противостояние”. Ученый предупреждал о том, что дальнейшее усугубление “ресурсных” конфликтов еще раз свидетельствует о необходимости развития международного сотрудничества в сфере экологии. И если мировое сообщество не сможет проти-

востоять в этой “глобальной игре”, то “существует опасность перерастания [ресурсных конфликтов. – Г.К.] в общественные конфликты, грозя навеки похоронить саму идею о возможности всеобщего мира” [6, с. 24–27]. Его идеи получили дальнейшее развитие и сегодня звучат с новой силой. Так, Президент Глобального экономического и геополитического центра ESADE Хавьер Солана пишет: “Взаимозависимость фактически является всеобщей зависимостью – всеобщей подверженностью рискам. Ничто теперь не может быть абсолютно изолированным, и “иностранных” дел больше не существует: все стало национальным, даже личным” [7, с. 13]. Именно подобные противоречия делают затруднительным и возможность выработки единой экологической политики между различными странами.

Вполне очевидно, что экологические проблемы уже давно стали объектом острой политической и идеологической борьбы, столкновения разных мировоззренческих установок и формирование экологической политики происходит на фоне столкновения интересов различных общественных групп, социальных институтов, отдельных стран, регионов, социально-экономических систем. Острота этой борьбы не снижается, потому что проблемы природопользования охватывают все новые страны и народы, а также затрагивают все новые и весьма острые вопросы.

Необходимость международного сотрудничества в выработке экологической политики определяется, прежде всего, общечеловеческой значимостью вопросов взаимодействия общества и природы. Экологические проблемы в гораздо большей степени, чем прежде, включаются в круг факторов, от которых зависят удовлетворение потребностей в энергии, сырье, обеспечении продовольствием растущего населения Земли, здоровья и благосостояния людей, развитие торгово-экономических и научно-технических связей между странами. Именно поэтому формирование экологической политики в условиях глобализации требует координации усилий всех государств и других субъектов политики в международном масштабе, здесь необходимо сочетание национальных усилий и международных инициатив.

Кроме того, за несколько последних десятилетий человечество разработало ряд оригинальных способов борьбы с последствиями губительной для природы деятельности. Эти достижения должны быть доступны для всех стран, ибо, как подчеркивают и политики, и ученые, экологическая безопасность в современных условиях должна рассматриваться не только как национальная задача, но и как международная проблема. “Стратегической целью обеспечения экологической безопасности, – подчеркивает белорусский ученый А.М. Кабуш-

ко, – является создание и поддержание такой благоприятной среды, при которой формируются условия для жизнедеятельности каждого члена общества” [8, с. 219]. Особую значимость вопросы экологической безопасности и экологической политики приобретают на современном этапе.

Серьезную обеспокоенность вызывает и так называемая политика “экологического экспорта”, в результате осуществления которой развитые страны переносят “болезнь” с одного участка планеты на другой. Тенденция выноса “грязных” производств в слаборазвитые страны с каждым годом становится все более заметной. Такие отрасли промышленности развитых стран, как сталелитейная, химическая, целлюлозно-бумажная и др., практически полностью выведены в развивающиеся страны. Ускоренный рост зарубежных инвестиций компаний “грязных” отраслей промышленности создает иллюзию промышленного развития этих стран. Но расплачивается за это природа. В условиях глобализации эта политика приобрела новую форму – “практика обмена долги – за природу”, которая используется для того, чтобы облегчить долговое бремя развивающихся стран, но продолжать использовать их ресурсы. Экологическая “эксплуатация” слаборазвитых стран облегчается и тем, что здесь нет квалифицированных специалистов по охране природы. К тому же эти страны не всегда способны, а иногда и просто не стремятся установить эффективные режимы экологического управления, тем более что до 2000-х гг. в этих странах природоохранное законодательство было слишком либеральным или вообще отсутствовало.

Следует обратить внимание на проблему разработки и выполнения государствами природоохранных законов. Первые подобные законодательные акты были приняты в развитых странах к середине 1970-х гг., а в США еще в 1970 г. Большинство из них имели довольно четкую формулировку и предусматривали строго ограниченные пределы возможного нарушения природного равновесия. Но принимаемые одна за другой поправки и дополнения открывали возможность для более гибкого применения законов. Так, например, в Швеции 15% всех первоначальных стандартов были пересмотрены в течение первых четырех лет после их принятия. Наказание в виде определенной суммы штрафа за нанесение непоправимого ущерба природе теряло свой смысл, так как сделанные нарушения сулили огромные несоразмеримые выгоды.

Широкое распространение получила практика, так называемого “уточнения” природоохранного законодательства. По сути, перед правительством и общественностью ставились две совершенно несовместимые цели: с одной стороны – прибыль, с другой – качество окружаю-

щей среды. И нередко было очень сложно предвидеть, какие же силы победят в этом противоборстве.

Глобальная экологизация всей системы общественных отношений способствует формированию новых условий для осуществления экологической политики и ведет к тому, что она превращается в важнейший фактор современного мирового развития во всех сферах.

Многие современные политики, общественные деятели, ученые с тревогой отмечают, что не всегда экологическая политика государств отвечает требованиям времени и не в полной мере учитывает имеющиеся серьезные экологические проблемы. В условиях глобализации вполне очевидно, что современная политика не может иметь будущего, если от нее страдает природа.

Особенностью современной государственной политики является необходимость повышения ее научной обоснованности во всех сферах, в том числе и в сфере экологии. В основу процесса формирования и обоснования эффективной и действенной экологической политики должно быть положено научное знание. Только научное знание может стать основой эффективной экологической политики, позволить найти наиболее адекватные способы разрешения имеющихся проблем, предсказать появление новых проблем и предложить варианты их предотвращения. Очень точно подчеркнул данную особенность нашего времени французский философ Б. Латур: “отношение природы и политики не может быть непосредственным. И единственным, кто может успешно претендовать на роль посредника, является наука” [9, с. 12].

В современных исследованиях все чаще высказывается точка зрения, согласно которой в экологической сфере в условиях глобализации действует не только государство. В качестве субъектов экологической политики сегодня могут выступать транснациональные корпорации, научные и общественные объединения, группы интересов, различные лобби, бизнес-структуры, партии, СМИ и т. п. Их взаимодействие оказывает непосредственное влияние на функционирование всего общественного организма. Участие негосударственных субъектов в политике сказывается на развитии многих ее сфер – здравоохранения, образования, социального обеспечения, экологии.

Вполне обоснованно можно говорить о том, что современная экологическая политика – это, прежде всего, взаимодействие государств, общественных и неправительственных организаций, а также международных организаций в решении проблем в области охраны окружающей среды на региональном, национальном и международном уровнях.

Одной из важнейших задач экологической политики в условиях глобализации является минимизация негативного воздействия на окру-

жающую природную среду в сфере производства, так как именно в сфере производства возникает большинство проблем во взаимоотношении с природой и производство наносит самый большой вред окружающей среде. Достижение этой цели связано в первую очередь с созданием и применением новых экологических технологий и практик, которые сегодня разработаны современной наукой и продолжают далее совершенствоваться.

В современных условиях все большее значение приобретают политико-правовые инструменты реализации экологической политики, которые обеспечивают создание основ функционирования системы управления качеством окружающей среды. Именно они осуществляют взаимосвязь различных инструментов данной системы и обеспечивают осуществление регулирования общественных отношений, учитывая, наряду с другими актуальными вопросами в социально-экономическом развитии общества, приоритетные экологические интересы.

Российский исследователь А.А. Дыжова считает, что экологические проблемы в условиях глобализации должны решаться мировым сообществом при помощи механизмов «нормотворчества, мониторинга природной среды и обмена экологической информацией при помощи взаимных консультаций, контроля за состоянием природы, применения мер международной ответственности за нарушение норм и принципов международного права» [10, с. 4]. Для выполнения всех норм природоохранного законодательства необходимо разработать систему приемов и методов, которые обеспечили бы реализацию новой экологической политики. Главной ее задачей в условиях глобализации должно стать развитие и функционирование устойчивых и продуктивных экосистем.

Кроме того, приоритетное место в экологической политике должно отводиться информации, которая может стать главным ресурсом в реализации принимаемых решений в сфере экологии. Экологическая политика будет эффективной только при условии, что в ее основе находится полная и свободная информация, содержащая сведения об имеющихся природных ресурсах, воздействии на окружающую среду и человека антропогенных факторов и допустимых нормах воздействия самого человека на природную среду. Результативность управления охраной окружающей среды и природопользованием в условиях современных процессов глобализации во многом зависит от полноты экологической информации.

В обсуждении экологических вопросов все большее значение приобретает участие неправительственных организаций, которое осуществляется в рамках совместных с государством программ и проектов. А учет их мнения в процессе формирования и реализации экологичес-

кой политики в перспективе мог бы привести к решению многих экологических проблем.

Поэтому в современных условиях, в условиях меняющегося политического взаимодействия для реализации результативной экологической политики государствам и неправительственным организациям необходимо действовать сообща, несмотря на то что это может затрагивать политические и экономические интересы конкретного государства или неправительственных организаций.

Включение новых субъектов в осуществление экологической политики в XXI в. привело к тому, что они активно участвуют в политической деятельности и оказывают серьезное влияние на государство, что выражается в активизации природоохранной деятельности, расширении научных разработок, увеличении финансирования природоохранных мероприятий. На фоне этого следует отметить, что состояние окружающей среды постоянно меняется, а негативные последствия этих изменений все острее проявляется в бедных странах.

Заключение

Для успешного решения экологических проблем необходима не только продуманная, взвешенная политика всех государств по развитию международного сотрудничества, но и их активная деятельность по практической реализации всех намеченных в этой сфере мероприятий.

В современных условиях от эффективности и действенности механизмов осуществления политики в сфере экологии зависит будущее не только каждого государства, но и всего мира в целом. Поэтому нельзя не отметить все возрастающее влияние политики правящих партий в сфере экологии на развитие современных стран, превращение экологической политики в важнейший элемент развития современных государств и международных отношений.

Процесс формирования экологической политики в условиях глобализации требует активного участия и широкой поддержки со стороны институтов неправительственных организаций, а в условиях возрастающих экологических проблем вопросы, связанные с их решением, должны быть включены в повестку дня практически всех общественных объединений, независимо от специфики их деятельности. Широкое международное сотрудничество в сфере экологии можно считать той основой, которая позволила бы значительно улучшить взаимоотношения различных стран и в политической области.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Катков, А. П. Чистая вода – глобальная проблема человечества / А. П. Катков // Экология и жизнь. – 2012. – № 6. – С. 22–29.
2. Пядышев, Б. Мировые лидеры 189 государств съехались в Нью-Йорк / Б.Пя-

- дышев // Международная жизнь. – 2000. – № 10. – С. 10–11.
3. **Матвиенко, В. И.** “Важно, чтобы благие намерения подкреплялись практическими делами” / В. И. Матвиенко // Экология и жизнь. – 2012. – № 5. – С. 3–8.
 4. **Кристиана Фигерес.** Заключение всеобщего соглашения по климату необходимо и возможно / Фигерес Кристиана // Экология и жизнь. – 2012. – № 1. – С. 38–42.
 5. **Heidi N. Geisz, Rebecca M. Dickhut, Michele A. Cochran, William R. Fraser and Hugh W. Ducklow** Heidi N. Geisz, Rebecca M. Dickhut, Michele A. Cochran, William R. Fraser and Hugh W. Ducklow [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pubs.acs.org/doi/abs/10.1021/es702919n>. – Дата доступа: 13.05.2015
 6. **Шеер, Г.** Знак беды XXI века / Г. Шеер // Экология и жизнь. – 2002. – С. 24–27
 7. **Хавьер Солана,** Даниэль Иннерарити Новая грамматика власти / Солана Хавьер, Иннерарити Даниэль // Экология и жизнь. – 2012. – № 6. – С. 10–18.
 8. **Кабушко, А. М.** Экологическая безопасность и устойчивость развития “зеленого туризма” / А. М. Кабушко // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь – 2014. – Вып. 16. – С. 216–220.
 9. **Латур, Б.** Политика природы. – Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2006. – № 2(46). – С. 10–21.
 10. **Дыжова А. А.** Международно-правовая охрана окружающей среды / А. А. Дыжова // Правовые вопросы охраны окружающей среды. – Москва : Экспресс-информация, 2010. – С. 22–28.
- Поступила в редакцию 21.12.2016 г.
Контакты: kruglova_galina@mail.ru
(Круглова Галина Анатольевна)
- Kruglova G.A. ECOLOGICAL POLICY IN TERMS OF GLOBALIZATION**
- Ecological policy is an integral part of international relations. An important condition to enhance current ecological policy is «ecological transformation» of intellection. This requires coordination of all social power from all countries and nations. The inclusion of new subjects in the implementation of ecological policy in the XXI century has led to the fact that they are actively involved in political activities and have a major impact on international politics. Non-governmental organizations have an important influence, which is carried out in the framework of cooperation with state programs and projects. Also priority in the ecological policy should be given to information serving a major resource in the implementation of the adopted solutions in the field of ecology.*
- Keywords:** current ecological problems, ecological policy, legal regulation in the sphere of ecology, new subjects of ecological policy, ecological information.

УДК (070+94) "1942/43"

**ЖАНРАВА-СТЫЛЁВЫЯ АСАБЛІВАСЦІ
ФЕЛЬЕТОНАЎ І ПАМФЛЕТАЎ НА
СТАРОНКАХ ГАЗЕТЫ-ПЛАКАТА
"РАЗДАВІМ ФАШЫСЦКУЮ ГАДЗІНУ"
(№№ 31–104, 1942–1943 гг.)**

А. М. Макарэвіч

доктар філалагічных навук, прафесар
кафедры літаратуры і міжкультурных
камунікацый,
МДУ імя А.А. Куляшова

У артыкуле разглядаюцца жанрава-стылёвыя асаблівасці фельетонаў і памфлетаў газеты "Раздавім фашысцкую гадзіну" (№№ 31-104, 1942-1943 гг.). Аўтар характарызуе гэтыя жанры як адзін са спосабаў стварэння сатырычных вобразаў нямецка-фашысцкіх ідэалагічных лідараў. Аналізуюцца асаблівасці абвясненія прапагандысцкіх фактаў адносна "абсалютных поспехаў" нямецкай арміі на фронце і ў тыле.

Ключавыя словы: форма, стыль фельетона і памфлета, газета-плакат "Раздавім фашысцкую гадзіну", сатырычны вобраз і спосабы яго стварэння.

Уводзіны

Звяртаючыся да раскрыцця заяўленай тэмы, вызначым тэарэтычныя зыходныя, якія дазваляць прасачыць асаблівасці ўзнікнення, фармальнай і сэнсаўтваральнай арганізацыі, а таксама функцыянавання фельетонаў і памфлетаў у ваенны перыяд.

Для фельетона ўласціва спалучэнне наступных састаўляючых: а) публіцыстычнага (канкрэтнасць, надзённасць, аператыўнасць); б) гумарыстычна-сатырычнага (камічны змест факта); в) мастацкага (гумарыстычна-сатырычны вобраз і адпаведныя сродкі яго стварэння; вымысел як адзін са сродкаў фельетоннай тыпізацыі). Фельетон, як правіла, грунтуецца на адным ці некалькіх фактах, якія блізкія паводле праблематыкі, сацыяльнай "значнасці" і формах сацыяльнага функцыянавання.

Названыя вышэй састаўляючыя ўласцівыя і для памфлета. Пры гэтым ён адрозніваецца ад фельетона наступнымі паказчыкамі: а) больш шырокай і "катэгарычнай" прысутнасцю ў ім сатырычнага зместу; б) наяўнасцю розных іранічных, едкіх саркастычных, экспрэсіўна-гнеўных вобразна-выяўленчых сродкаў; в) адлюстраваннем і выкрыццём больш буйных і значных сацыяльных з'яў, праблем, прататыпаў, якія вызначаюцца падкрэсленай канкрэтнасцю; г) аналізам канкрэтнага факта, з'явы, характарыстыкай і выкрыццём прататыпа ў сукупнасці з шэрагам фактаў, якія прадстаўляюць больш шырокую характарыстыку падзей і дзейнасці "героя".

Асноўная частка

На старонках беларускіх газет перыяду Вялікай Айчыннай вайны побач з інфармацыйнымі паведамленнямі, гумарыстычна-сатырычнымі вершамі, апавяданнямі, шаржамі друкаваліся і мастацка-публіцыстычныя творы.

У газеце-плакаце "Раздавім фашысцкую гадзіну" (№№ 31-104, 1942–1943 гг.) былі апублікаваны матэрыялы, якія паводле іх зместу, фармальнай і стылёвай арганізацыі могуць быць аднесены да фельетонаў ("Вясеннія Жучкі Гебельса" Шапілава-Майскага № 37, 1942; "Свае падвядлі" К. Губарэвіча, № 38, 1942, дадзены тэкст мае аўтарскае жанравае вызначэнне "маленькі фельетон") і памфлетаў ("Акадэмічны фрыц" К. Чорнага, № 59, 1942; "Ежа для варон забяспечана" М. Ч-скага, № 62, 1942; "Сабакі выюць" Міхася Каліноўскага, № 104, 1943).

Паказальныя формаўтваральныя дамінанты названых вышэй фельетонаў – мастацкія абагульненні і выразная сюжэтнасць. Памфлеты ж адрозніваюцца ад вызначаных фельетонаў большым узроўнем канкрэтнасці, сатырычнай скіраванасці, аб'ектнай выразнасці, слаба выражанай сюжэтнасцю.

Дастаткова часта да фельетонаў і памфлетаў далучаліся карыкатурныя малюнкi і адпаведныя каментарыі да іх. Напрыклад, памфлет "Сабакі выюць", у якім, акрамя іншага, звяртаецца ўвага на хлуслівыя паведамленні па радыё пра "дасягненні" па нарыхтоўцы збожжа на тэрыторыі Беларусі, суправаджаецца наступнымі карыкатурнымі малюнкамі. "Шаткаванне нямецкіх качаноў" [1, с. 183]: партызан на кані шрабляй ссякае галовы страшэнна напужаных захопнікаў. "Казалі, што Беларусь славіцца бульбай, а тут дзе ні капнеш – нашы трупы" [1, с. 183]: на далёнім плане малюнка паказаны нямецкія салдаты, якія замест бульбы выкопваюць з-пад крыжоў сваіх папярэднікаў па харчовай нарыхтоўчай кампаніі, на пярэднім – афіцэры, твары якіх, жэсты рук сведчаць пра іх заклапочанасць і разгубленасць.

Сярод прааналізаваных матэрыялаў ёсць і такія, што ўяўляюць сабой жанравую мадыфікацыю памфлет / гумарыстычнае апавяданне ("Небяспечная хвароба" Шапілава-Майскага, № 36, 1942; "Гімлер у ролі доктара" (без подпісу), № 51, 1942; "Гімлераўскі іканастас" М. Ч-скага, № 56, 1942).

Фашысты і іх памагатыя з фельетонаў і памфлетаў¹ 1942 – пачатку 1943 г., за выключэннем збіральнага вобраза "фрыца", псіхічна хворых салдат і інш., маюць рэальных прататыпаў: з аднаго боку – гэта кіраўнік фашысцкай Германіі і яго вярхоўнае акружэнне², з другога –

¹ Далей выкарыстоўваецца тэрмін "герой" фельетона (памфлета).

² Рэйхсканцлер Германіі Адольф Гітлер, рэйхсфюрэр СС Генрых Гімлер, рэйхсміністр народнай адукацыі і прапаганды Германіі Ёзэф Гебельс ("Вясеннія жучкі

беларусы, якія супрацоўнічалі з нямецкім акупацыйным ідэалагічным рэжымам³. “Героі” ідэалагічнага фронту з нямецкага боку, а таксама іх агітацыйныя намеры, акцыі і адпаведныя вынікі былі прадметам сатырычнага адлюстравання і падкрэслена іранічнай, саркастычнай крытыкі ў фельетонах і памфлетах газеты-плаката “Раздавім фашысцкую гадзіну”.

Мастацка-публіцыстычная арганізацыя фельетонаў і памфлетаў

1) Гумарыстычная вобразная характарыстыка фактаў аптымістычна-сцвярдзальнай фашысцкай ідэалагічнай прапаганды (напрыклад, у адносінах да “*вясенняга наступлення*” 1942 г. у захопленай частцы СССР – “Вясенняя жучкі Гебельса” і інш.), іранічна-саркастычнае адлюстраванне прыёмаў ідэалагічнай акупацыі Беларусі – “Акадэмічны фрыц”, “Ежа для варон забяспечана”⁴ і інш.).

2) Сатырычныя супастаўленні; напрыклад, прапагандысцкага аптымізму і “*пахавальных нудных песняў*” франтавога побыту ў нямецкім войску (“Вясенняя жучкі Гебельса”), агітацыйнага напалу Гітлера, рэакцыі на яго патэнцыйных “прыхільнікаў”-рэчыдывістаў і расчаравання фашысцкага фюрэра (“Свае падвялі”).

3) Сродкі фельетоннай тыпізацыі: падобнасць песімістычнага зместу франтавых лістоў нямецкіх салдат (“Вясенняя жучкі Гебельса”).

4) Мастацкі вымысел; напрыклад, падкрэслена безнадзейны змест салдацкіх лістоў (“Свае падвялі”, “Вясенняя жучкі Гебельса” і інш.).

5) Аўтарскія каментарыі-заўвагі да “прататыпных” фактаў (“Вясенняя жучкі Гебельса”).

Гебельса”, “Свае падвялі”, “Небяспечная хвароба”, “Гімлер у ролі доктара”, “Гімлераўскі іканастас”); кіраўнік акупацыйнай адміністрацыі Генеральнай акругі Беларусі Вільгельм Кубэ (“Акадэмічны фрыц”, “Гімлераўскі іканастас”); віцебскі настаўнік Л. Брант – намеснік Віцебскага бурмістра (“Ежа для варон забяспечана”); фашысцкі афіцэр Эрэх Бах – прымаў удзел у карных аперацыях супраць яўрэяў і партызан у Мінску і Магілёве; Робер Лей – старшыня Германскага працоўнага фронту (“Сабака выюць”); Іаган Шульц – кіраўнік інстытута псіхатэрапіі ў Берліне (“Небяспечная хвароба”); Паўль Клейст – нямецкі фельдмаршал (“Гімлер у ролі доктара”).

³ Ант. Адамовіч – прымаў удзел у арганізацыі выдання шэрагу беларускіх газет у перыяд акупацыі; І. Ермачэнка – значальваў прэзідыум БНТ (Беларускага навуковага таварыства), заснаванага ў 1942 г.; В. Гадлеўскі – каталіцкі святар, працаваў пры генеральным камісарыяце нямецкіх акупацыйных улад у якасці школьнага інспектара, член рады БНТ; Ст. Станкевіч – акруговы (Барысаў) камісар-бурмістр (“Акадэмічны фрыц”); Ю. Віцьбіч – пісьменнік, удзельнічаў у працы Беларускага культурнага згуртавання, друкаваўся ў акупацыйных газетах (“Ежа для варон забяспечана”).

⁴ Паколькі ў пачатку дадзеных матэрыялаў прыведзена жанравае размежаванне прааналізаваных тэкстаў, то тут і далей у прыкладах яго не падаецца.

6) Камічнасць, неверагоднасць мастацкіх фактаў у двух падзейных планах. Напрыклад: а) мітынг у “*адным з цэнтральных вар’яцкіх дамоў Берліна*”; б) мітынг у “*крымінальнай турме*” (“Свае падвялі”).

7) Тып рэцыпіента гітлераўскай агітацыі: псіхічна хворыя, крымінальнікі (“Свае падвялі”).

8) Сатырычная абсалютызацыя прататыпных фактаў (“Акадэмічны фрыц”⁵ і інш.).

9) Разгорнутасць сатырычнага зместу, падзейная двухпланавасць. Напрыклад, мадэляванне палявання фрыца на “*парасяціну*” ў Беларусі; рэтраспекцыйныя сведчанні пра вынікі падобных яго намаганняў у Францыі, Нарвегіі, Беларусі // узнаўленне некаторых “асветна-навуковых” намераў “*гаўляйтара Кубэ*” ў Беларусі (“Акадэмічны фрыц”); загад “*гаўляйтара*” ліквідаваць пашыраныя ў Беларусі “*рускія іконы*” і адпаведная характарыстыка гэтых ікон // з’яўленне “*ў Беларусі ікон берлінскага выдання*” (“Гімлераўскі іканастас”).

10) Саркастычна-іранічны паралелізм як сродак характарыстыкі і выкрыцця фактаў ідэалагічнага і ўзброенага змагання ў Беларусі. Такі сродак ажываецца, напрыклад, у сувязі з адлюстраваннем спробы стварэння ў 1942 г. пад кіраўніцтвам В. Кубэ Беларускай акадэміі навук (“Акадэмічны фрыц”), фальсіфікацыя ваенных падзей у віцебскай акупацыйнай газеце “Новый путь” (“Ежа для варон забяспечана”), хлуслівай фашысцкай прапагандай у адносінах да паражэння ў карнай аперацыі 1942 г. супраць партызан, няўдалых спроб фашысцкіх атрадаў у справе збожжанарыхтовак у Беларусі⁶ (“Сабака выюць”).

11) Сюжэтная лаканічнасць, камічнасць і неверагоднасць дзеяння (“Небяспечная хвароба”, “Гімлер у ролі доктара”). Напрыклад, “прадстаўленне”, якое разгортваецца ў псіхіятрычнай лячэбніцы (Гітлер з’яўляецца на прыём да псіхіятра з відавочнымі прыкметамі псіхічнага захворвання ў час сезоннага (перад вясной) наступлення фашысцкага войска), супярэчыць яго “магчымай” прататыпнай мадэлі (“Небяспечная хвароба”).

12) Адсутнасць падзейнай сітуацыі. Напрыклад, пры дапамозе саркастычна-іранічнага паралелізму (аналогіі) выкрываецца фальсіфікацыйны змест матэрыялаў віцебскай

⁵ У Францыі ён [нямецкі захопнік. – А.М.] абцерабіў усе вінаграднікі, у Нарвегіі пажор усю рыбу, у Беларусі дарваўся да сапа. Яму ўсёроўна, на якім канцы свету красці. <...> Яму ўсёроўна – ці румынская, ці фінляндская свініна. І гэтую, і тую ён жжарэ з касцямі і вантробамі [1, с. 104] – “Акадэмічны фрыц”.

⁶ Халодны дождж барабаніць па апаўшаму лісцю, злосны вецер завывае ў коміне, і сабака збянтэжаны непрывычнымі для яго вуша гукамі <...> вые, бяссільны іншым спосабам выпіць свае сабачыя восенскія настроі. <...> // “Настрой у фрыца і сабакі ўвосень аднолькавы, ім засталася толькі выць” [1, с. 182] – “Сабака выюць”.

акупацыйнай газеты “Новый путь” (“Ежа для варон забяспечана”), раскрываюцца прычыны хлуслівай фашыскай прапаганды: паражэнне ў карнай аперацыі 1942 г. супраць партызан, няўдалыя спробы фашысцкіх атрадаў у справе збожжанарыхтовак у Беларусі (“Сабакі выюць”).

13) Падабенства праблематыкі (“Акадэмічны фрыц”, “Гімлераўскі іканастас” і інш.).

14) Канкрэтнасць і тыпалагічная выразнасць “герояў” у адносінах да іх прататыпаў (“Акадэмічны фрыц”, “Гімлераўскі іканастас”, “Ежа для варон забяспечана”).

15) Сатырычна-саркастычнае выкрыццё пры дапамозе сукупнасці фактаў са сферы намагаанняў, дзейнасці “герояў” – з аднаго боку і іх палпачнікаў – з другога. Такі прыём спрыяе больш доказнаму адлюстраванню намераў гэтых “герояў”, рэальных і перспектыўных вынікаў арганізаваных імі ваенных і ідэалагічных дзеянняў (“Акадэмічны фрыц”, “Ежа для варон забяспечана”, “Сабакі выюць”).

16) Падмацаванне раней прыведзеных у тэксце высоў разгорнутымі прыкладамі (“Сабакі выюць”⁷ і інш.).

17) Заключныя характарыстыкі “герояў”, вызначэнне канчатковай перспектывы іх дзейнасці (“Акадэмічны фрыц”, “Сабакі выюць”, “Гімлераўскі іканастас” і інш.).

18) Фінальныя аптымістычныя высновы, якія непасрэдным чынам (на вобразным і сэнсаўтваральным узроўнях) звязаны з пачаткам памфлета (“Сабакі выюць”⁸ і інш.); вызначэнне нярадаснай перспектывы для акупацыйных дзеячаў на Беларусі (“Ежа для варон забяспечана”⁹).

Стылёвая арганізацыя фельетонаў і памфлетаў

Асноўнымі сродкамі стылёвай арганізацыі гэтых жанраў на старонках газеты-плаката “Раздавім фашысцкую гадзіну” ў перыяд 1942–1943 гг. з’яўляюцца наступныя:

1) іронія, сарказм, саркастычна-іранічны паралелізм (“Вясеннія жучкі Гебельса”, “Свае падвялі”, “Ежа для варон забяспечана”¹⁰ і інш.);

2) пафаснасць агітацыйнай прамовы фа-

⁷ <...> гучаць у лесе партызанскія і грамадскія песні. З поля звезена збожжа, але звезена яно ў партызанскія і грамадскія лагеры ў лесе на такой тэрыторыі, што фрыца дрыготка бярэ [1, с. 183].

⁸ Ёсць ад чаго завяць Фрыцу: ён чуе свой блізкі канец [1, с. 183].

⁹ “Знаходзяцца злыя людзі, – скардзіцца газетка, – якія спыняюць птушыную песенку свінцом вінтоўкі”. Знойдуцца, абавязкова знойдуцца такія людзі, якія спыняць брандтаўскую песенку калі не куляй, дык гранатай [1, с. 113].

¹⁰ І здавалася-б, што-ж тут асаблівага, калі немец вешае, расстрэльвае, паліць і грабіць беларусаў. Свае-ж людзі! Дык не: радню частуюць кулямі, сустракаюць усюды нянавісцю. Недарэчны і няўдзячны гэтыя беларусы: іх жадаюць зрабіць арыўцамі, а яны гэтых самых арыўцаў лупцюць па чым папала [1, с. 112].

шысцкіх ідэолагаў (“Вясеннія жучкі Гебельса”, “Свае падвялі”);

3) змадэляваная і рэальная цытацыя загалоўкаў, лозунгаў з фашысцкіх газет (Вясеннія жучкі Гебельса”, “Сабакі выюць”¹¹);

4) абвяржэнне фактаў з прыведзеных у фельетонах, памфлетах цытат (“Сабакі выюць”¹²);

5) стылізацыя пад “вытрымкі” з салдацкіх лістоў (“Вясеннія жучкі Гебельса”¹³), пад шызафрэнічны змест прамовы Гітлера ў вар’яцкім доме і турме (“Свае падвялі”¹⁴);

6) фразеалагізмы ў адпаведных граматычных і сэнсаўтваральных кантэкстах (*Прагудзець вушы* – у адносінах да прапаганды Гебельса, *пусціцца ў скокі на магілах сваіх салдат* (“Вясеннія жучкі Гебельса”); *у адзін голас закрывалі ўсе вар’яты* (“Свае падвялі”); *Партызаны далі карацелям такога чосу, што рэдкі з фрыцаў і ногі павалок; сабакам сабачая смерць; прыходзілася падмазваць пяткі і зусім не эластычна бегаць без аглядкі* (“Сабакі выюць”);

7) спалучэнне прастамоўнай лексікі з фразеалагізмамі (*Нямецкай падлай па горла сытыя вароны* (“Ежа для варон забяспечана”) і інш.);

8) граматычныя формы апасродкаваных характарыстык: трыванне дзеяслова падкрэслівае альбо працягласць, незакончанасць дзеяння ў мастацкім часе фельетона і ў праекцыі на рэальны прататыпны час, альбо блізкасць катастрофы фашысцкага войска (*з фронту даносяцца іншыя гукі; нямецкія салдаты паміраюць на рускай зямлі; так піша дамоў салдат непераможнай нямецкай арміі* (“Вясеннія жучкі Гебельса”); *салдат на фронце малавата засталася* (“Свае падвялі”);

9) стылістычна зніжаная, жаргонная лексіка, якая характарызуе ворагаў (фюрар: *палез на трыбуну, прахрыпеў, ледзь вырваўся з вар’яцкага дому, знаёмы па мюнхенскай маліне; вясела гаркнулі рэцыдывісты*; Гітлер: *у мюн-*

¹¹ Змадэляваная цытацыя: *Вясенняе наступленне! Перамога! Мы пераможам!* [1, с. 26] – “Вясеннія жучкі Гебельса”; *Вось прыйдзе лета – будуць знішчаны партызаны, мы ім пакажам* [1, с. 182] – “Сабакі выюць”; прамае цытацыя: *Партызанская брыгада Жалезняка, дзядзі Колі, дзядзі Васі поўнасцю знішчана. Забіта звыш 9.000 партызан, лясныя масівы поўнасцю ачышчаны ад бандытаў* – вытрымка з лістоўкі обер-бандыта Баха [1, с. 182] – “Сабакі выюць”.

¹² *Лясныя масівы былі сапраўды ачышчаны. Яны былі ачышчаны мсціўцамі ад фашысцкіх бандытаў* [1, с. 183].

¹³ *Прышлі мне як мага хутчэй якой-небудзь мазі, мая бялізна кішыць вошамі, я раздзіраю сябе да крыві. Усё цела пакрылася язвамі* [1, с. 26] і інш.

¹⁴ – *Арыўцы!* – *прахрыпеў фюрэр.* – *Прышла чарга і да вас. Мае салдаты на фронце паразумнелі. Акрамя таго, іх малавата засталася, а мне зараз патрэбны новыя салдаты, якія-б не думалі, як ім жывымі дамоў вярнуцца. Думаю за ўсіх я!* <...>

– *І вось я ліквідую ўсе вар’яцкія дамы, а ўсіх вас залічваю ў дывізію для псіхічных атак... На фронт! Я пачынаю вялікае вясенняе наступленне!* [1, с. 28].

хенскім шалмане лічыўся прадажным жулікам; адыдзі, пакуль пяро пад лапатку не ўставілі ("Свае падвялі"); нажыраўся б парасяціны, разгадаваў-бы тоўсты зад і такую ж морду, і паглядзіў бы сваіх фрыцанят ("Акадэмічны фрыц" і інш.);

10) сінтаксічная градацыя навучальнай перспектывы патэнцыйных салдат-псіхаў на фронце (за некалькі дзён навучаць вас распорваць жанчынам жываты, калоць дзяцей, адсякаць ногі і рукі ("Свае падвялі");

11) аксімаран (*Гітлер і яго каты хочуць зайграць на хаўтурах вясёлу музыку і пусціцца ў скокі на магілах сваіх салдат* ("Вясеннія жучкі Гебельса");

12) разгорнутая сістэма тропай:

➤ **эпітэты** (два віды: а) простыя: выдзяляюць адну ці некалькі якасцей "героя" і падзей (*нуднае гудзенне* – пра прапаганду перад вясеннім наступленнем, *агідныя стварэнні* – жучкі-прапагандысты ("Вясеннія жучкі Гебельса"); б) **метэфары**: пераносяць на пэўны вобраз уласцівасці іншага аб'екта (*штатныя гнойныя жучкі ведамства Гебельса, зграя смярдзючых жучкоў Гебельса* ("Вясеннія жучкі Гебельса");

➤ **метафары** як сродак ускосных параўнанняў: а) простыя (змест прапаганды Гебельса: *музыка вясны* ("Вясеннія жучкі Гебельса"); б) разгорнутыя, якія ахопліваюць некалькі фраз альбо распаўсюджваюцца на ўвесь тэкст (*страшная музыка завірух і грозных бур вайны* ("Вясеннія жучкі Гебельса");

➤ **перыфразы** (*земляныя норы* – акапы ("Вясеннія жучкі Гебельса"); *мокрае дзела* – забойства; *обер-бандыты* – нямецкія афіцэры; *прадажны жулік* – здраднік; *парад псіхаў* – мітынг; апошні з названых тут перыфразы выконвае, акрамя таго, функцыю аллюзіі: рэцыпіенты прамой Гітлера – псіхічна хворыя людзі ("Свае падвялі"); *парасячае шчасце* – абяцанае Гітлерам будучае сытае жыццё яго салдат, *таўстаморды маладзец, найтанчэйшы знаўца вісельнай тэхнікі, акадэмічны фрыц у Мінску* – гаўляйтэр Кубэ ("Акадэмічны фрыц"); *зграя барзапіцаў* – прапагандысты з акупацыйнай газеты "Новый путь" ("Ежа для варон забяспечана"); *мацёрныя гітлераўскія псы, обер-бандыт Бах; обер-сабака Лей; псарня Гітлера* – фашысцкія прапагандысты – "Сабакі выюць" і інш.);

➤ **спалучэнне перыфразы і метафар** (*гітлераўскія псы* – прапагандысты, *захлэбваючыся, брахалі; брахалі і іх падбрэжчы* ("Сабакі выюць") і інш.);

➤ **параўнанні**: **прамыя**: *як лісты восенню, жоўкнуць і ападаюць апошнія надзеі гітлераўцаў на перамогу* ("Сабакі выюць"); **ускосныя**: *каб нямецкая вісельня працавала на Беларусі з акадэмічным размахам* ("Акадэмічны фрыц") і інш.

Вылучаныя вышэй тропы спрыяюць стварэнню сатырычнай карціны мабілізацыйных намаганняў Гітлера ("Свае падвялі"), а таксама ўзнікненню рэцэпцыйнага меркавання, якое ўтрымлівае, акрамя насмешкі, гнеў і абурэнне¹⁵ ("Вясеннія жучкі Гебельса").

Заклучэнне

На падставе прыведзеных вышэй назіранняў можна зрабіць наступныя высновы.

1) Фельетоны, памфлеты, што друкаваліся на старонках газеты-плаката "Раздавім фашысцкую гадзіну" (№№ 31-104, 1942–1943 гг.), выконвалі натхняльную, выкрывальную, ідэалагічна-ўмацавальную функцыі. Форма- і сэнсаўтваральныя прыёмы, што выкарыстоўваліся ў ахарактарызаваных мастацка-публіцыстычных жанрах, сведчаць пра іх грамадзянскую эфектыўнасць, сугучнасць з рэцэпцыйнай свядомасцю: патрыятычным, змагарным яе настроем.

2) Цэнтральная праблема разгледжаных матэрыялаў – ідэалагічная: выкрыццё, абвяржэнне ў розных падзейных кантэкстах (1942 г.: вясенняе наступленне, карныя аперацыі супраць партызан, нямецкая кампанія па хлебнарыхтоўках у Беларусі) прапагандысцкіх намераў нямецка-фашысцкіх лідараў у адносінах да "абсалютных поспехаў" нямецкага войска на фронце і ў тыле.

3) Зварот аўтараў да фельетонаў, памфлетаў і адпаведных жанравых мадыфікацый, публікацыя іх побач з іншымі гумарыстычна-сатырычнымі матэрыяламі (гумарыстычнымі апавяданнямі, вершамі, анекдотамі, карыкатурамі і інш.) сведчыць пра мабільнасць і запатрабаванасць гэтых мастацка-публіцыстычных форм у ваенны час.

4) Сучасная рэцэпцыя фельетонаў і памфлетаў перыяду Вялікай Айчыннай вайны вымагае пэўных гістарычных даведак (напрыклад, адносна беларускага калабарыяналізму гэтага часу. Яны дазваляць "рэканструяваць" тую частку дзейнасці носьбітаў ідэалагічнага і франтавога ваеннага змагання, вобразы якіх адлюстраваны ў адпаведных тэкстах. Такі падыход спрыяе больш адэкватнай характарыстыцы спецыфікі сатырычнага сэнсаўтварэння ў фельетонах і памфлетах. Асаблівае значэнне гэта мае ў працэсе выкарыстання прааналізаваных, а таксама іншых фельетонаў і памфлетаў у дыдактычных мэтах: пры выкладанні такіх вучэбных дысцыплін для будучых журналістаў, як "Гісто-

¹⁵ У берлінскім падземным бомбасховішчы зноў заварушыліся штатныя гнойныя жучкі ведамства Гебельса. Адтуль даносіцца нуднае гудзенне аб надыходзячай вясне, аб вясеннім наступленні. Прагудзеўшы ўсім вушы, Гебельс паслаў згера сваіх смярдзючых жучкоў у наступленне на... германскія газеты. Гэтыя агідныя стварэнні выпаўзлі з падзямелля. І па меры сваіх жучыных здольнасцей абвясцілі ў газетах: *Вясенняе наступленне! Перамога! Мы пераможам!* ([1, с. 26] – "Вясеннія жучкі Гебельса").

рыя беларускай журналістыкі”, “Публіцыстычнае майстэрства”, “Асновы журналістыкі” і інш.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. І паўстаў народ... / уклад.: А. Ф. Стэфановіч, В. Рабкоў. – Мінск : БелЭн, 2005. – 640 с.

Паступіў у рэдакцыю 22.06.2016 г.

Кантакты: olekta@mail.ru
(Макарэвіч Алесь Мікалаевіч)

Makarevich A.M. GENRE AND STYLE PECULIARITIES OF SATIRICAL ARTICLES AND PAMPHLETS IN PLACARD NEWSPAPER “WE’LL SMASH THE FASCIST SERPENT”.

In the article the genres and style features of the satirical articles and pamphlets of the newspaper “We’ll Smash the Fascist Serpent” (“Razdavim fasysckuju gadzinu”) (Nos. 31-104, 1942–1943) are considered. The author characterizes these genres as one of the ways to create satirical images of the Nazi ideological leaders. Characteristics of the refutation of the propaganda facts concerning “absolute success” of the German army at the front and in the rear are analysed.

Keywords: form, the style of a satirical article and pamphlet, the placard newspaper “We’ll Smash the Fascist Serpent”, a satirical image and the means of its creation.

УДК 811.111'.42':811.161.1'42

СПЕЦИФИКА МЕНЫ КОММУНИКАТИВНЫХ РОЛЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

О. Н. Чалова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка,
Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

В статье представлены результаты исследования, посвященного выявлению специфики функционирования коммуникативных и метакommункативных речевых действий, ориентированных на регулирование речевой инициативы в англоязычной устной научной дискуссии. В работе определяются речеактивные и другие разновидности таких вербальных действий, способствующих передаче коммуникативной инициативы и смене говорящего, а также идентифицируются способы реализации мены коммуникативных ролей (эксплицитные и имплицитные, кооперативные и некооперативные и др.) в изучаемом типе общения.

Ключевые слова: научный диалог, речевая инициатива, мена коммуникативных ролей, коммуникативные и метакommункативные речевые действия.

Введение

Неугасаемый интерес лингвистики к **научному диалогу** – коммуникативному феномену, предполагающему обмен мнениями представителей научной общности на научном форуме любого формата с целью решения научной проблемы – обусловлен как *внутрилингвистическими факторами* (общей ориентированностью современной науки о языке на исследование реальных коммуникативных процессов в разных ситуациях и сферах общения, в том числе и институциональной), так и *экстралингвистическими причинами* (возрастанием роли научной коммуникации в условиях сосуществования противоречивых научных взглядов, гипотез и конкурирующих теорий).

Научный диалог (научная дискуссия) привлекает современных лингвистов прежде всего с точки зрения способов его организации и механизмов функционирования, а также тех коммуникативных действий, приемов и процессов, в результате использования которых достигаются основные прагматические цели институционального (не обыденно-разговорного) дискурса, а именно а) вовлечение коммуникантов в речевое взаимодействие, б) убеждение адресата в достоверности определенных положений и выводов, в) обоснование эвристической ценности полученных результатов и т. д. [1; 2; 3; 4 и др.].

В достижении указанных целей особую роль играет такой феномен, как **мена коммуникативных ролей** – сложный процесс, пред-

полагающий смену говорящего в определенный момент диалогического взаимодействия, то есть переход коммуникативной инициативы от одного коммуниканта к другому.

Мена коммуникативных ролей может осуществляться как непосредственными участниками научного диалога, так и администратором научного форума (например, председателем секционного заседания на научной конференции, который отвечает за урегулирование и упорядочение очередности выступления собеседников в научную дискуссию, координирует речевое поведение речевых партнеров, в том числе и на этапе коллективной рефлексии, возникающей после предоставления очередного доклада).

Выявлению специфики мены коммуникативных ролей в англоязычном научном диалоге и посвящена настоящая работа, основные **задачи** которой сводятся к тому, чтобы 1) выявить особенности мены ролей, инициируемой разными участниками научного диалога; 2) уточнить порядок вступления коммуникантов в научную дискуссию; 3) определить способы реализации мены коммуникативных ролей в изучаемом типе общения; 4) выделить разновидности речевых действий, способствующих смене говорящего, и некоторые другие.

Остановимся подробнее на каждом из этих вопросов, решение которых может позволить проникнуть в глубинные основы управления коммуникативными процессами, понять механизм возникновения и активизации такого сложного речевого феномена, как научный диалог.

Основная часть

1. Особенности мены ролей, осуществляемой разными участниками научного диалога.

По нашим наблюдениям, инициатива мены коммуникативных ролей может исходить от любого участника научного диалога:

– **оппонента** – любого присутствующего на форуме представителя научной общности, который берет слово с целью задать вопрос докладчику/аргументатору либо оценить определенные положения концепции последнего;

– **аргументатора** – докладчика, который на этапе дискуссии отвечает на вопросы аудитории, вербально реагирует на комментарии коллег;

– **администратора/модератора** научного форума – руководителя секционного заседания на научной конференции, председателя совета по защите диссертаций и т. п.

В **речевой партии оппонента**, которая направлена, главным образом, на инициирование речи аргументатора, неизменно присутствуют определенные речевые действия, осуществляющие передачу речевого хода последнему и, таким образом, реализующие смену говорящего. К числу таких речевых действий относятся прежде всего следующие виды актов:

– эксплицитные и имплицитные *вопросы*, основная коммуникативная задача которых, как известно, сводится к побуждению адресата взять слово ((1): *Why do you think that video will succeed when waves of television have failed?* – (2): *I believe it will succeed because of there exists a critical mass of users. <...>*);

– критические *замечания*, которые в научном диалоге всегда выступают в качестве побуждения взять слово, обосновать свою исследовательскую позицию ((1): *I disagree with the fact. We don't know whether we can make an organism. <...>* – (2): *I didn't mean the organism, I was referring to the embryo. <...>*).

Что же касается *речевых действий аргументатора*, то, в принципе, они нацелены на предоставление запрашиваемых оппонентом сведений, а не на передачу хода другому лицу. Тем не менее, аргументатор также может участвовать в перераспределении коммуникативных ролей: обращаясь к оппоненту, например, с уточнением, аргументатор на некоторое время возвращает ему ведущую речевую роль, например:

ОППОНЕНТ: *What exactly does a Committee member do to be considered for a Subcommittee appointment if you choose to be on a Subcommittee?*

АРГУМЕНТАТОР: *Typically – if you're not on the Subcommittee but you'd like to be. Is that what you're asking?*

ОППОНЕНТ: *Yes, sir.*

АРГУМЕНТАТОР: *I think what we have is a very open system. That is, if you have time and you would like to be on the Subcommittee, we've had sort of the tradition that you just go and participate in that Subcommittee even if you're not an actual official member.*

В приведенном примере вместо предоставления требуемой информации аргументатор задает оппоненту уточняющий вопрос (реплика 2), ответ на который необходим для адекватной интерпретации предыдущей реплики собеседника, и, таким образом, осуществляет очередную смену говорящего.

Кроме того, в качестве одного из способов перераспределения коммуникативных ролей, осуществляемого аргументатором, можно также рассматривать использование им обобщающих фраз, содержащих метаязыковые маркеры концовки, исчерпанности ответа (*That's all. That's it. Thank you for your attention. I'm done. That's what I mean*), за которыми также обычно следует смена говорящего (как правило, очередной вопрос оппонента).

В научном диалоге передача инициативы, отвечающая за наделение участников научного общения правом высказаться и сопряженная, таким образом, с перераспределением коммуникативных ролей, исходит и от *администратора* научного форума (*Questions, please. Your*

turn to speak. Let's move on to another issue. Please, quite briefly). Как видно, реплики модератора обычно носят исключительно формально-организационный характер, но при этом являются весьма активным средством вовлечения коммуникантов в речевое взаимодействие.

2. Порядок смены коммуникативных ролей.

Согласно результатам нашего исследования, в научном диалоге порядок смены коммуникативных ролей может быть *естественным* или *нарушенным*.

При *естественной смене коммуникативных ролей* за вопросом следует ответ, а за несогласием – обоснование своей позиции или встречная критика.

Любое отклонение от подобного развития речевого взаимодействия целесообразно рассматривать в качестве *нарушения естественного хода диалога*. Например, если вместо ожидаемого предоставления сведений аргументатор обращается к оппоненту с встречным вопросом, возвращая последнему речевую инициативу, которую тот принимает и берет слово с целью высказаться, то такое распределение ролей свидетельствует о нарушении порядка смены коммуникативных ролей, например:

(1): *What are the professional obligations?*
<...>

(2): *How might we understand the professional obligations of doctors and other health professionals?*

(3): *Right. Where do we go?*

(4): *I mean, I think that's a wonderful question*
<...>.

Как видно, в приведенном примере нарушен порядок смены ролей в диалоге, потому что на пути к ответу на основной вопрос появляется препятствие – вспомогательный вопрос (реплика 2), исходящий от докладчика и задающийся с целью разрешения возникших коммуникативных трудностей. Только после того как оппонент отреагировал на вспомогательный вопрос докладчика, последний смог предоставить запрашиваемую собеседником информацию.

В этой связи уместно вспомнить слова Н.Д. Арутюновой, которая, возражая против предсказуемости реактивного репликового шага, отмечает: "Между тем адресат волен принять или отвергнуть предложенную ему программу, сдаться или оказать сопротивление, согласиться или возразить, пойти на уступку или перейти в наступление" [5, с. 661].

3. Способ реализации смены коммуникативных ролей.

По нашим наблюдениям, в изучаемом виде общения смена говорящего может реализовываться либо *имплицитно (косвенно)*, либо *эксплицитно (прямо, с помощью метакоммуникации)*.

В первом случае, а именно при **имплицитной (косвенной) реализации**, мена речевых ролей осуществляется автоматически, когда речевое действие, например, вопрос, предполагает смену говорящего, но сам по себе не сообщает дополнительной информации о ходе общения, а выполняет исключительно коммуникативную функцию – запрос сведений: (1): *Why should they be any different than any other kid in the state?* – (2): *Because they in fact are. People are not the same everywhere.*

Во втором случае, то есть при **эксплицитной (метакоммуникативной) смене говорящего**, коммуниканты используют специальные языковые средства – явления **метатекста**, открыто сигнализирующие о необходимости перераспределения коммуникативной инициативы, например, побуждающие взять слово (***Could you go into detail? Tell us, please, the difference between the two notions. And I would like to give a word to a Committee member and to ask: what's happening today?***) или отстраняющие от такового (***Hold on, please! Thank you, and we have to move on.***).

Появление в рассматриваемом виде общения таких дополнительных метаречевых показателей легко объяснить: научный диалог является содержательно и полемически насыщенным видом общения, аранжированность которого задается четкими ролевыми, субординативными и этикетными нормами и правилами. Такая высокая информативность и полемическая заряженность, а также строгая регламентированность и ритуализованность научной дискуссии требуют от участников речевого взаимодействия постоянного использования специальных вербальных “усилий” метакоммуникативного характера, открыто и недвусмысленно сообщающих о необходимости смены говорящего.

Важная роль метакоммуникативных речевых действий, способствующих смене говорящего, в организации речевого взаимодействия обуславливает необходимость их детального рассмотрения и выявления основных разновидностей.

Такой анализ приводится ниже.

4. Основные виды метакоммуникативных действий, отвечающих за смену говорящего.

Весьма существенными для выделения разновидностей метакоммуникативных действий, осуществляющих мену коммуникативных ролей, являются, на наш взгляд, следующие их (речевых действий) характеристики:

- векторная направленность;
- речеактовая реализация.

Векторная направленность

С точки зрения **этого критерия** все представленные в англоязычном научном диалоге метакоммуникативные действия, отвечающие за смену говорящего, можно разделить на два ос-

новных вида: **проспективные** и **ретроспективные**.

К **проспективной** метакоммуникации будем относить акты речи, наделяющие правом высказаться конкретного участника научного общения (***Pf. Labov, tell us, please, what is the main element in here? Let me proceed with this issue.***).

Под **ретроспективными** действиями фактически понимаются сигналы подведения итогов, обобщения собственного сообщения, завершения собственного сообщения, которые в англоязычной научной дискуссии неизменно приводят к смене говорящего (***That's all I want to say.***).

Речеактовое оформление

Как показывают результаты нашего исследования, в научном диалоге метакоммуникация, отвечающая за перераспределение коммуникативных ролей, как правило характеризуется разным **речеактовым оформлением** и, таким образом, обычно имеет форму **вопроса** (***What do you think? What do your words actually mean? Could you say it in one word?***), **директива** (***Give an example. Clarify your position. Admit you are wrong***) или **утверждения** (***I can answer this question. That's what I mean.***).

Понятно, что автором вопросов и директив обычно является оппонент, а утвердительной метакоммуникации – аргументатор, хотя в речевой партии последнего можно легко встретить и директивные акты, сопряженные со сменой говорящего, а именно указывающие на желание взять речевую инициативу в свои руки (***Let me answer this question.***).

5. Степень кооперативности мены ролей.

В зависимости от степени кооперативности вербального поведения участников научного диалога мена коммуникативных ролей может соответствовать всем принципам конструктивного общения – “сотрудничества, взаимопонимания, уважения позиции оппонента” [6, с. 132] (**кооперативная мена коммуникативных ролей**) либо отступать от некоторых из них (**некооперативная мена говорящего**).

К случаям некооперативной мены ролей, на наш взгляд, целесообразно относить такие коммуникативные ситуации, при которых мена говорящего происходит, например, путем перебивания партнера и/или жесткой и категоричной критики его позиции с возможным использованием эмоционально окрашенных языковых средств, в результате чего критикующий отстраняет говорящего от ведущей роли и, соответственно, захватывает инициативу в свои руки: (перебивает) ***It's nonsense. It's even illogical to dispute it 'Вздор. Здесь даже бессмысленно спорить'***. Приведенный пример следует трактовать как проявление невежливого поведения по от-

ношению к речевому партнеру, так как подобный способ перераспределения ролей противоречит одному из основных категориальных качеств научной речи – принципу толерантности.

Конечно, случаи смены говорящего, характеризующиеся конфликтностью, являются немногочисленными в англоязычном научном диалоге, так как отступают от правил и норм институционального дискурса. В то же время такие коммуникативные ситуации отличают научный диалог от других (устных и письменных) форм научного общения и, таким образом, составляют его специфику.

Заклучение

Таким образом, анализ процесса смены коммуникативных ролей в англоязычном научном диалоге позволяет сделать вывод о том, что смена говорящего может иметь следующие особенности: 1) осуществляться имплицитно (посредством формулирования вопроса, критического замечания) или эксплицитно (за счет дополнительных метакоммуникативных средств, например, маркеров концовки и исчерпанности темы); 2) исходить от любого участника научного форума (оппонента, аргументатора или администратора); 3) нарушать естественный ход диалога или соответствовать ему.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Вольвак, Н. П.** Фактор адресата в публичном аргументирующем дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. П. Вольвак. – Владивосток, 2002. – 189 л.
2. **Котюрова, М. П.** Научная коммуникация и толерантность / М. П. Котюрова // Стиль : междунар. науч. журн. – 2002. – № 2. – С. 105–114.

3. **Рудов, П. А.** Информативный диалог конфликтного типа : структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / П. А. Рудов. – Новосибирск, 2005. – 216 л.
4. **Маслова, Л. Н.** Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации : гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Н. Маслова. – М., 2007. – 192 л.
5. **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
6. **Соловьева, Н. В.** Толерантность в научной дискуссии : лингвостилистический аспект : на материале текстов научных дискуссий 1950–2000 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Соловьева. – Пермь, 2007. – 244 л.

Поступила в редакцию 29.09.2016 г.

Контакты: oksana-chalova@mail.ru
(Чалова Оксана Николаевна)

Chalova O.N. THE ASPECTS OF EXCHANGING SPEECH ROLES IN SCIENTIFIC CONFERENCE DISCUSSIONS

The article focuses on the functional aspects of communication and meta-communication speech acts responsible for regulating speech initiative in English conference discussions. The analysis conducted shows different kinds of these speech acts as well as the ways of the realization of speech roles (explicit and implicit, cooperative and non-cooperative, etc.) in the scientific discourse.

Keywords: scientific dialogue, speech initiative, exchange of speech roles, communication and non-communication speech acts.

УДК [811.111+811.161.3]38(043.3)

**ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ VS.
ДЕАВТОРИЗАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ**
(на материале англо- и белорусскоязычных
публицистических текстов)

И. М. Басовец

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
английского языка № 1,
Белорусский национальный технический
университет

На материале современной англо- и белорусскоязычной прессы в статье раскрывается понятие "деавторизация высказывания" и сопоставляется с понятием "эвиденциальность". В ходе анализа обнаруживаются общие и отличительные черты исследуемых понятий. Устанавливается, что основные различия между ними заключаются в типе референции и семантике субъекта.

Ключевые слова: деавторизация высказывания, конструкции деавторизации, неререферентный субъект, тип референции, семантический субъект, эвиденциальность.

Введение

Известно, что одним из основных способов передачи информации в любой сфере общения является ее сообщение от имени некоторого субъекта – источника информации. В таком случае, как правило, в предложении содержатся лексические единицы или грамматические конструкции, указывающие на то, что информация исходит от имени некоторого субъекта, а не от автора текста. Именно с подобной фиксацией авторства и связаны такие понятия, как "эвиденциальность" и "деавторизация высказывания". В данной статье основное внимание уделяется сходным и отличительным чертам данных понятий.

Основная часть

Эвиденциальность означает отношение к знанию, с одной стороны, включая ссылки на источники презентуемого знания, и, с другой стороны, охватывая выражение степени надежности знания [1, р. 20–21]. Несмотря на некоторые расхождения в терминологии, исследователи сходятся во мнении, что существует две системы эвиденциальности: 1) непосредственная (или прямая) и 2) опосредованная (посредническая), которая делится на два типа: косвенная и инференциальная [2; 3; 4; 5; 6]. Прямая эвиденциальность (attested evidence) включает указание на источник, доступный сенсорному восприятию говорящего; косвенная эвиденциальность (reported evidence) содержит указание на источник передаваемой говорящим инфор-

мации; инференциальная эвиденциальность (inferring evidence) позволяет говорящему восстановить имевшую место ситуацию, свидетелем которой он не был, на основании собственного вывода [3]. Сходное определение типов эвиденциальности представлено в исследовании Е.А. Быстровой, различающей прямую эвиденциальность, когда субъект речи воспринимает/воспринял описываемую ситуацию непосредственно; цитатив, когда сведения о сообщаемом заимствованы; и инферентив, когда сообщаемое является результатом собственного умозаключения говорящего [7]. Иногда в результате использования критерия разновидности информационного канала, по которому говорящему поступает информация, выделяют пять типов эвиденциальности, разделяя прямую и инференциальную эвиденциальность на подтипы (при этом цитатив обычно на подтипы не делится). В таком подходе прямая эвиденциальность подразделяется на визуальную и аудиальную, а инференциальная эвиденциальность различается в зависимости от того, пришел говорящий к выводу на основании визуальной информации или делает предположение на основании знаний [3]. Такое различение подтипов не противоречит общепринятому разделению эвиденциальности на три основных типа, а лишь детализирует его.

Таким образом, в основе выделения двух систем и трех типов эвиденциальности лежат два основных критерия: 1) доступ к информации и 2) роль говорящего. В зависимости от того, имел ли говорящий прямой, личный доступ к ситуации, различают непосредственную и опосредованную эвиденциальность [4]. На основании роли говорящего, который может быть а) перцептором или наблюдателем, передающим непосредственно воспринятую ситуацию, б) ретранслятором, который передает полученную от другого источника информацию и в) репрезентатором инференции, который озвучивает сделанное на основании внешних данных или знаний собственное умозаключение, дифференцируются *прямая эвиденциальность*, *цитатив* и *инферентив* соответственно. Поскольку эвиденциальность имеет отношение к знанию и степени его надежности, она тесно связана со значением истинности/ложности сообщаемого. Если говорящий строит свое высказывание, исходя из собственных наблюдений, тогда его знание квалифицируется как полное, адекватное, достоверное (при условии выполнения условия искренности). Если же информация о некотором положении дел получена говорящим иными путями (значение косвенной эвиденциальности), то высказывание может быть как истинным, так и ложным.

Экспликаторами трех основных типов эвиденциальных значений являются языковые средства, указывающие на источник информа-

ции или степень достоверности сообщаемой пропозиции. Подобные экспликативы могут быть лексическими и грамматическими. В некоторых языках эта информация грамматализована: она встроена в форму глагола (к примеру, в индейских языках [8, с. 263]). Что же касается английского и белорусского языков, то такая информация выражается при помощи определенных лексических единиц. В случае с прямой эвиденциальностью указание на источник информации, доступной сенсорному восприятию говорящего, происходит посредством таких единиц, как *I saw it with my own eyes* 'я это видела собственными глазами'; *I heard* 'я слышала'; *я сам бачыў*; *у мяне на вачах*; *я чуў* и т. п. Такое языковое оформление высказывания позволяет говорящему подчеркнуть, что он лично наблюдал описываемое событие. Иногда говорящий утверждает что-либо на основании того, чему сам был свидетелем, однако в высказывании это не акцентируется, хотя становится понятным из ситуации или контекста.

Средствами реализации инференциальной эвиденциальности в высказывании являются, как правило, модальные слова или словосочетания, указывающие на собственное умозаключение говорящего, выражающие значение возможности, предположения, вероятности сообщаемого (*apparently* 'очевидно', *most likely* 'вероятнее всего', *to my mind* 'по-моему'; *напэўна, па ўсёй верагоднасці, як мне здаецца*).

Косвенная эвиденциальность (цитатив) реализуется в высказывании посредством эвиденциальных маркеров, которые указывают одновременно на отличный от говорящего источник и надежность информации. Указание на подобный источник может происходить при помощи различных частей речи и синтаксических конструкций, которые являются показателями чужой речи: *reportedly* 'по сообщении', *they say* 'говорят', *as he said* 'как он сказал', *he said that* 'он сказал, что'; *маўляў, пагаворваюць, па словах экспертаў* *Нацбанка, як паведаміў глава адміністрацыі, ён сцвярджае, што* и т. п., например: *Donald Trump claims that Hillary Clinton lacks "the strength or the stamina" to run the country* 'Дональд Трамп заявляе, что Хиллари Клинтон не хватает силы духа для управления страной' (The Washington Post. 2016, Sept. 9). Следует отметить, что показателем чужой речи в данном примере является синтаксическая конструкция с конкретным субъектом 'Дональд Трамп заявляе', после которой следует пропозиция. Интересно, что в случае с косвенной эвиденциальностью может цитироваться речь не только конкретного в референциальном отношении, но и неопределенного или обобщенного субъекта. Иными словами, референциальные характеристики субъекта, равно как и наличие или отсутствие у адресата возможности соотношения такого субъекта с референтами

в реальном мире, для цитатива не важны. Существенным, однако, для этой разновидности эвиденциальности является семантический тип субъекта, который представлен субъектом речи.

Отметим, что именно с косвенной эвиденциальностью (цитативом) связано понятие "деавторизация высказывания". В лингвистической литературе ранее уже рассматривалось данное понятие и средства его реализации [9]. Напомним, что под **деавторизацией высказывания** понимается дополнительный структурно-семантический план, направленный на вуалирование или устранение субъекта – источника информации из синтаксической структуры предложения. И так, в результате указания неопределенного или обобщенного субъекта, со слов, по наблюдениям, согласно мнению или оценке которого передается представленная в высказывании информация, создается эффект ложной авторизации высказывания, при котором автор сообщаемого высказывания эксплицитирован в структуре предложения, но идентифицировать его невозможно. Деавторизация высказывания предполагает использование специальных **конструкций деавторизации**, под которыми понимаются синтаксические конструкции, содержащие указание на нереперентный (неопределенный либо обобщенный) субъект – источник информации о предметах, явлениях объективной действительности.

Как и в случае с косвенной эвиденциальностью, которую маркируют показатели чужой речи, в деавторизованных высказываниях также употребляются маркеры чужой речи. Однако в случае с деавторизованными высказываниями чужая речь принадлежит либо а) обобщенному субъекту: *But advocates of autonomous vehicles say that the technology might never have happened if companies had to wait for governments to pass rules first* 'Но сторонники автономных транспортных средств говорят, что технологии, возможно, никогда не вошли бы в жизнь, если бы компании ждали, пока правительства сначала разработают правила' (The Washington Post. 2016, Sept. 9); *Як заўважаюць аналітыкі, план бунту не быў старанна прапрацаваны – ваенныя дзейнічалі вельмі агрэсіўна, але без якога-небудзь парадку* (Звезда. 2016, 19 ліпеня); либо б) неопределенному субъекту: *Yet one government source said the Treasury was now reconciled to the programme costing money... 'Некий источник в правительстве сообщил, что Министерство финансов в настоящее время согласовывает программу расходов средств...'* (The Guardian. 2012, Jun. 26); *Некаторыя сцвярджаюць, што літаратура "сказала пра чалавека ўсё, што яна магла пра чалавека сказаць..."* (Звезда. 2016, 5 чэрвеня).

Кроме того, в деавторизованных высказываниях источник информации может быть не

только субъектом речи (как в цитативе), но и принадлежать к другим семантическим разновидностям и являться субъектом мысли, оценки или восприятия. К примеру, в деавторизованных высказываниях, отобранных из англо- и белорусскоязычной прессы, со ссылкой на обобщенный субъект мысли подается следующая информация: *However, a growing number of analysts and American military chiefs believe it is just a matter of time until North Korea masters this technology* 'Однако **все большее число аналитиков и американских военачальников считают**, что это просто дело времени, пока Северная Корея не освоит эту технологию' (The Washington Post. 2016, Sept. 9); *На думку експертаў, неўзабаве Эрдаган паспрабуе правесці жорсткія палітычныя рэформы* (Звезда. 2016, 9 верасня). Кроме упомянутых разновидностей, в качестве субъекта конструкций деавторизации может выступать субъект оценки: *Experts estimate that some 70% of Italy's buildings are not built to anti-seismic standards* 'Эксперты оценивают, что приблизительно 70% зданий в Италии построены без учета антисейсмических стандартов' (The Guardian. 2016, 25 Aug.); а также субъект восприятия: *Паводле назіранняў спецыялістаў, ад 15 да 25 працэнтаў дзяўчатак дашкольнага ўзросту і дзяўчатак-падлеткаў, якія яшчэ не дасягнулі паўналецця, пакутуюць ад розных гінекалагічных паталогій* (Звезда. 2010, 15 мая).

В деавторизованных высказываниях субъект – источник информации – может быть устранен из структуры предложения, где ему "не соответствует синтаксического актанта" [10, с. 53]. В таком случае субъект информационно затушеван, т. е. "находится за кадром, за пределами центра и периферии зоны внимания говорящего" [10, с. 59] и, соответственно, остается за кадром и для читателя, поскольку не может быть идентифицирован: *It is estimated that about 2 million smokers in the UK use electronic cigarettes* 'Оценивается, что приблизительно 2 миллиона курильщиков в Великобритании используют электронные сигареты' (The Guardian. 2016, 13 Sept.); *Ірландыю часта называюць падатковым раем...* (Звезда. 2016, 9 верасня). Как видно из примеров, в предложениях подразумевается наличие субъекта оценки (в первом предложении) и субъекта речи (во втором примере), но в структуре высказывания они эксплицитно не выражены.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в случае с косвенной эвиденциальностью не производится дифференциация опосредованной информации по типу источника сведений. Здесь в равной степени учитывается информация, которая передается со слов 1) конкретного, 2) обобщенного, неспецифицированного или 3) неизвестного лица. Для деавторизованного высказывания важны лишь пос-

ледние два типа субъекта, который является обобщенным или неопределенным в референциальном отношении. Кроме того, в создании деавторизации высказывания участвуют не только субъект речи (как в цитативе), но и такие семантические разновидности субъекта, как субъект мысли, оценки и восприятия.

Заключение

Таким образом, деавторизация высказывания не имеет отношения к непосредственному восприятию говорящим ситуации или его выводов на основании некоторых сведений, поэтому не связана ни с прямой, ни с инференциальной эвиденциальностью. Связь изучаемого явления с косвенной эвиденциальностью обнаруживается в указании источника передаваемой информации, отличного от говорящего, т. е. наличие в поверхностной структуре предложения дополнительного структурно-семантического плана, указывающего на субъект – источник информации. Несмотря на то что между двумя понятиями обнаруживаются определенные общие черты, эти понятия существенно различаются. Основные различия между ними заключаются в а) типе референции субъекта: в деавторизованном высказывании субъект может быть обобщенным или неопределенным, а в случае с косвенной эвиденциальностью – конкретным, обобщенным и неопределенным; б) семантике субъекта: в создании деавторизованного высказывания участвуют четыре семантические разновидности субъекта конструкций деавторизации (речи, мысли, оценки и восприятия), в создании косвенной эвиденциальности – только субъект речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Janik, Ch.** Marking of evidentiality in Russian and German historiographic articles / Ch. Janik // Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse ; ed. by E. Suomela-Salmi, F. Dervin. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009. – P. 19–32.
2. **Козинцева, Н. А.** Косвенный источник информации в высказывании (на мат-ле русск. яз.) / Н. А. Козинцева // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. пам. Н. А. Козинцевой ; Ин-т лингвист. исслед. РАН ; отв. ред. В. С. Храковский. – СПб : Наука, 2007. – С. 85–103.
3. **Aikhenvald, A. Y.** Evidentiality / A. Y. Aikhenvald. – Oxford, N.Y. : Oxford University Press, 2004. – 452 p.
4. **Diewald, G.** Evidentiality in German: linguistic realization and regularities in grammaticalization / G. Diewald, E. Smirnova. – Berlin, N.Y. : De Gruyter Mouton, 2010. – 366 p.

5. **Gisborne, N.** The event structure of perception verbs / N. Gisborne. – Oxford, N.Y. : Oxford University Press, 2010. – 317 p.
6. **Willet, Th.** A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality / Th. Willet // Studies in Language. – Amsterdam : John Benjamins, 1988. – P. 51–100.
7. **Быстрова, Е. А.** Коммуникативно-прагматическая категория эвиденциальности в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е. А. Быстрова. – Минск, 2009. – 136 л.
8. **Золотова, Г. А.** Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
9. **Басовец, И. М.** Языковые средства деавторизации высказывания в публицистическом и научном тексте (на мат-ле белорусск. и англ. яз.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.М. Басовец. – Минск, 2013. – 135 л.
10. **Падучева, Е. В.** Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

Поступила в редакцию 03.10.2016 г.

Контакты: basovets@list.ru

(Басовец Ирина Михайловна)

Basovets I.M. EVIDENTIALITY VS. SENTENCE DEAUTHORIZATION (on the material of English and Belarusian newspaper texts)

Based on the materials of modern English and Belarusian newspaper texts the article focuses on the concept "sentence deauthorization" and compares it to the concept "evidentiality". The analysis results in statement of common and distinctive features of the studied phenomena. It is defined that the main distinctions between the mentioned concepts lie both in the type of reference and semantics of the subject.

Keywords: sentence deauthorization, deauthorization structures, non-referential subject, reference type, semantic subject, evidentiality.

УДК 811.161.1'373.7

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗООНИМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

О. Г. Яблонская

магистр филологических наук, аспирант
кафедры белорусской и русской филологии
МГПУ имени И. П. Шамякина

Данная работа посвящена проблеме выделения и классификации функций фразеологических единиц с компонентом-зоонимом. В статье рассматриваются особенности функционирования изучаемой группы фразеологизмов в русскоязычных художественных текстах XX–XXI вв., представленных в Национальном корпусе русского языка, анализируется влияние контекста на актуализацию потенциальных функций этих единиц.

Ключевые слова: фразеологические единицы с компонентом-зоонимом, функции фразеологизмов, контекст.

Введение

Художественное произведение представляет собой вид коммуникации между автором и читателем, в ходе которой первый стремится сформировать у второго определенное отношение к изображаемой действительности. Для реалистичной передачи художественной информации и для ее правильного восприятия важен каждый элемент в структуре текста, т. к. отбор необходимых элементов, их внутритекстовое взаимодействие и функционирование формируют единство текста, его реалистичность, информативность, целостность и связность [1].

Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом влияют на восприятие и понимание художественного произведения или его фрагмента и являются одним из способов формирования подтекстовой информации. В основе зоонимических фразеологических единиц (ЗФЕ) находится образно-условная мотивированность, которая является отражением мировосприятия и мировосприятия народа. Являясь элементом созданной художественно преображенной действительности, ЗФЕ интегративно проявляют свой грамматико-речевой потенциал, актуализируемый в связи с выполнением ими различных текстовых функций. Описание художественных функций ЗФЕ в текстах отражает специфику и своеобразие их использования «в динамике» (тогда как словарные выражения представляют собой «статичную» картину фразеологии).

Проблема выделения и классификации функций фразеологических единиц является предметом многих лингвистических исследова-

ний. Вопрос о роли фразеологизмов в языке и речи отражен в работах таких ученых, как Н.Ф. Алефиренко [2], Ю.А. Гвоздарев [3], К.Н. Дубровина [4], Т.Н. Федуленикова [5], Н.М. Шанский [6] и др.

На данный момент нет единой точки зрения на типологию фразеологических функций. За основу в данном исследовании был взят анализ функций фразеологических единиц, принятый А.В. Куниным в работе «Курс фразеологии современного английского языка» [7]. Материалом исследования являются более 4800 фрагментов текстов с ЗФЕ, представленных в Национальном корпусе русского языка [8]. Все приведенные ниже примеры взяты из этого источника.

Основная часть

Прежде всего остановимся на понятии *функция*, которая рассматривается нами как роль, выполняемая ЗФЕ в определенном контексте, как проявление тех или иных свойств этих единиц в зависимости от речевой ситуации. Использование ЗФЕ в тексте предполагает создание образа, происходит активизирование мыслительной деятельности читателя, взаимодействие очевидной (вербальной) лексической информации и скрытой (потенциальной) семантики фразеологизма.

Как и большинство исследователей, мы считаем, что все функции ФЕ делятся на две группы: языковые, обусловленные самим языком, и речевые, проявляющиеся в условиях коммуникации (константные и вариативные по А.В. Кунину [7, с. 132]). Ю.А. Гвоздарев отмечает, что следует различать общезыковые функции ФЕ и речевые. К числу первых исследователь относит номинативную функцию, сигнификативную, или дифференцирующую, и синтаксическую; во вторую группу входят обобщающая, оценочно-характеризующая, экспрессивно-образная, стилиобразующая. Под функцией исследователь понимает цель и характер ее использования в речи [3, с. 14].

Мы выделяем языковые базовые и речевые базовые функции ЗФЕ, которые характерны для всех ЗФЕ, а также языковые дополнительные и речевые дополнительные, свойственные некоторым группам фразеологизмов.

К языковым базовым функциям относятся номинативная, когнитивная и эпистемическая (функция накопления и сохранения информации).

Номинативная функция является результатом познания и осмысления объектов и явлений реального мира и выражается в замене их наименований фразеологизмами. Номинативность ЗФЕ реализуется в текстах как средство выражения мышления, присущего простому народу, а именно обычному человеку, привыкшему работать, близкому к природе, к животному

миру в особенности; отсюда употребление зоонимов во фразеологизмах с семантикой, обозначающей окружающие предметы, явления, людей.

Рассмотрим следующие фрагменты текстов.

“Наше приятельство с Матвеем, начавшееся с библиофильской страсти, недаром непонятно всем прочим. *Два белых ворона* потянулись один к другому” [Леонид Зорин. Юпитер (2001) // “Знамя”, 2002].

Словарная форма фразеологизма *белая ворона* изменяется под влиянием контекста и называет людей, резко выделяющихся на фоне общества своим пристрастием к книгам. Таким образом, автор, используя зоонимический фразеологизм, отражает коллективный взгляд на ситуацию в целом и подчеркивает редкость качеств людей, о которых идет речь.

“Хитрая она... *здоровую свинью подложила* мне. Ты знаешь, дядя, по ее совету, все свои деньги отдал...” [Максим Горький. Дачники (1904)].

В этом примере фразеологизм *подложить свинью* актуализирует соотношенный с ним смысл “сделать кому-либо подлость”, т. е. является синонимом выражения “все свои деньги отдал” и образно называет произошедшее событие.

ЗФЕ выполняют когнитивную функцию, которая предполагает приобретение опыта на основе накопленных знаний, проникших и укрепившихся в сознании социума на протяжении нескольких десятилетий или веков. А.В. Кунин определяет эту функцию как “опосредованное сознанием социально-детерминированное отражение объектов реального мира, способствующее их познанию” [7, с. 133]. Животные – неотъемлемая часть жизни народа, поэтому ФЕ с компонентом-зоонимом являются социально обусловленным отображением предметов и идей окружающего мира.

Самыми яркими примерами проявления когнитивной функции являются ФЕ с компонентами, обозначающими домашних животных (собака, кот, свинья, конь, петух). Вся совокупность исторически сложившихся кодов зоонимической фразеологии реализуется в когнитивной функции. В противном случае текст или его фрагмент без экстралингвистических знаний (кодов) представлял бы собой бессмысленный набор слов. Таким образом, ЗФЕ играют важную роль в осуществлении процессов когниции и в осмыслении мира.

Когнитивная и эпистемическая функции рассматриваются нами как две стороны одного процесса: чтобы познать что-либо, это должно быть сохранено в национальном самосознании, традиции, культуре и истории народа и выражено языковым знаком, в нашем случае – зоонимическим фразеологизмом. То есть эпистеми-

ческая функция проявляется в закреплении в ЗФЕ представлений об элементах действительности, опосредованных сознанием человека, когнитивная – в приобретении новых знаний, необходимых для правильной интерпретации информации. Актуализация этих двух функций обусловлена самой семантикой рассматриваемой группы фразеологизмов. Таким образом, ЗФЕ выступают как инструмент накопления и хранения информации, а также познания и овладения общественно-историческим опытом и знаниями.

Разберем следующий пример: “Торг идет на два номера, то есть на годовую подписку. *Кот в мешке*. Даже *два кота*” [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)].

Кот в мешке в данном контексте обозначает слово “подписка” (реализация номинативной функции). Синонимическое употребление фразеологизма как самостоятельного предложения придает образу особую наглядность. В приведенном примере во фразеологизме закодирована информация, понятная только с учетом знаний предшествующих поколений: считается, что выражение восходит к средним векам, когда мошенники старались продать кога вместо зайца или кролика (проявление эпистемической функции). Кроме того, последнее предложение является трансформантом рассматриваемого фразеологизма, в котором наблюдаются редукция и изменение лексического состава. Окказиональное фразеологическое значение выражения *два кота* в данном контексте ярко демонстрирует актуализацию когнитивной функции – процесс познания исторически сложившегося кода, выраженного в новой форме.

Речевые базовые функции взаимообуславливают и дополняют друг друга в тексте и могут проявляться в большей или меньшей степени в зависимости от контекста. К этой группе относятся коммуникативная, прагматическая и текстообразующая функции.

Рассмотрим коммуникативную и прагматическую функции. Первая заключается в передаче или обмене информацией и проявляется в форме диалогов художественных героев, а также в форме диалога “автор – читатель”; вторая функция проявляется в психологическом воздействии на человека и реализуется посредством экспрессивного, эстетического или другого компонента. Коммуникативная функция заключается в передаче отношения говорящего к действительности или предмету речи, а прагматическая – в формировании у собеседника своего собственного мнения о том или ином факте. При использовании ЗФЕ коммуникативная ситуация становится более непринужденной, а прагматическая направленность текста или его фрагмента усиливается.

Эти речевые базовые функции проявляются в дополнительных, вытекающих из них функ-

циях. Так, и коммуникативная, и прагматическая предполагают установление контакта, но с разными целями (сообщение информации или воздействие на собеседника), то есть контактоустанавливающая функция обусловлена ситуацией.

“А вот и **первые ласточки прилетели**, – сказала Бурмакова, заметив входящих Сергея Гаранина и Настю. – Чем порадуете на этот раз? – Желудочковой тахикардией, – “обрадовал” Гаранин. – Звоните в кардиологию” [Влада Валеева. Скорая помощь (2002)].

В приведенном примере зоонимический фразеологизм выполняет контактоустанавливающую функцию в рамках коммуникативной, которая проявляется в констатации факта (сообщении о том, что люди пришли); прагматическая функциональность реализуется в стремлении говорящего подтолкнуть собеседника к началу разговора, настроить его на непринужденный, дружеский лад.

Анализ реализации текстообразующей функции начнем с раскрытия понятия *текстообразующий потенциал фразеологизмов*, которое представляет собой динамический параметр фразеологической семантики, характеризующий способность фразеологических единиц выступать средством информативности и связности текста. Реализация текстообразующего потенциала в художественном тексте происходит в результате актуализации фразеологическими единицами признаков, вступающих в различного рода взаимодействие и способствующих порождению определенного смысла.

“Какой смысл ориентироваться на **журавля в небе**, когда мы не знаем его повадок? Не проще ли танцевать от **синицы**, благо она у нас **в руках** и мы видим, как она трепыхается?» [Анатолий Гладилин. Прогноз на завтра (1972)].

Развертывание концептуального содержания происходит на основе пословицы *лучше синица в руках, чем журавль в небе*: теории о процессах на Солнце не приносят денег, лишь реальное производство на Земле позволяет зарабатывать и жить. Употребляя только часть фразеологического выражения, автор метафорически использует образ и качества реального журавля, представляя его как истинный предмет разговора. Фразеологическое пространство фрагмента текста увеличивается за счет трансформации структуры базового выражения. Дальнейший разговор строится в той же “фразеологической плоскости”, где ситуация уже рассматривается через образ синицы и ее качества. ЗФЕ задает тональность разговора, его направление: с одной стороны, выражается желание литературного героя заниматься тем, что нравится, с другой, это желание противопоставляется самоиронии, осознанию необходимости следовать законам реального мира.

Являясь элементом художественного произведения, все ЗФЕ выполняют текстообразую-

щую роль, то есть участвуют в создании смысла, формы и жанра текста.

В художественных текстах вплетенные в ткань авторской речи или в речь персонажей ЗФЕ могут являться средством передачи дополнительной информации о действующих лицах (их социальном и культурном статусе), быть признаком временной или локальной референции, подводить итог описываемых событий и т. д. Дополнительные языковые функции свойственны некоторым группам зоонимических фразеологизмов и заложены в самом языке, в языковой конструкции и в основе номинации ЗФЕ. Такие ФЕ ориентированы на выполнение следующих функций: образно-оценочная (*драная кошка*), экспрессивно-образная (*медвежий угол*), дескриптивная (*как курица лапой*), дейктическая (*когда рак на горе свиснет*), эмоционально-экспрессивная (*ёшкин кот*), характеризующая (*гол как сокол*), волюнтаристическая (*по щучьему веленью, по моему хотенью*). Дополнительные речевые функции обусловлены контекстом и охватывают контактоустанавливающую, резюмирующую, результативную, компенсаторную, гиперболизирующую/преуменьшающую функции и функции лаконизации речи и подтверждения мысли.

Рассмотрим несколько фрагментов текстов и проанализируем дополнительные языковые и речевые функции фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в этих примерах.

“Всех не накормишь! А их тут, **как собак нерезаных!** Идите себе, барышня” [Валентина Осеева. Динка (1959)].

Фразеологизм *как собак нерезаных* делает ситуацию образной и наглядной, характеризует базарную торговку с отрицательной стороны (грубая, враждебно настроенная, бездушная), передает ее субъективную оценку происходящего (презрительное и безучастное отношение к бедным и нищим людям), преувеличивает предмет разговора и подытоживает ситуацию как таковую (вокруг очень много голодных людей). Все это находит выражение в эмоционально-образной, характеризующей, экспрессивной, резюмирующей и гиперболизирующей функциях. То есть кроме информации на лексическом уровне проявляется значительная содержательная информация на уровне подтекста, выраженная при помощи ЗФЕ.

“Пот-ря-са-юще!

– Ничего потрясающего, дорогой Владимир Игоревич. Это всего лишь наработанный опыт довольно долгой жизни. Мой винницкий дядя Сема в таких случаях говорил: “я ж на этом **собаку съел и вторую доедаю**” [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)].

Литературный персонаж использует фразеологизм *собаку съест*, чтобы оценить свои профессиональные качества (способность установить подлинность картины), изменяет его форму, чтобы усилить эмоциональность и об-

разность действия (не просто большой опыт, а очень большой). Кроме того, ФЕ в данном контексте подводит итог проделанной работы. Таким образом, в приведенном примере реализуются экспрессивно-образная, характеризующая и резюмирующая функции.

“Запомни: наш с тобой шеф – он как **священная корова**. Его авторитет должен быть безупречным, и мы на него с тобой обязаны молиться. Ты понял? Дома главная я, но на работе главный только он” [Лев Корнешов. Газета (2000)].

ЗФЕ *священная корова* в данном контексте переносит свое значение “то, что высоко ценится, почитается” на человека и выполняет характеризующую, оценочную и экспрессивно-образную функции.

Фразеологизмам во всех рассмотренных примерах, кроме перечисленных свойственны также номинативная, когнитивная, эпистемическая, коммуникативная, прагматическая и текстообразующая функции.

Хорошим материалом для исследования является следующий фрагмент, в котором ярко проявляется большинство рассмотренных функций.

“Лето-то еще ничего; босиком да на подножном корму – вроде и ничего. А как полетят **белые мухи**... ну, **ешкин нос**, вспоминать неохота, шабаш!” [Василий Белов. Бухтины вологодские завиральные (1969)].

Кузьма Иванович вспоминает послевоенные годы, как тяжело было прокормить семью. В первом фразеологизме в данном фрагменте актуализируется, прежде всего, номинативная функция, т. е. *белые мухи* обозначают падающий или кружащий снег. Народное происхождение, когда русский человек сравнивал крупные мокрые хлопья снега с мухами, сохраняется и выражается в эпистемической функции; усвоение этих знаний читателем выполняет когнитивная функция. Фразеологизм образно сообщает о начале зимы, т. е. проявляются коммуникативная, эмоционально-образная, дейктическая функции. Достижению максимального прагматического эффекта (сочувствие читателя) способствует наличие во фрагменте еще одного фразеологизма *ешкин нос* (словарный вариант *ешкин кот*), который используется у русского человека для выражения сильных захватывающих эмоций (в данной ситуации это досада, переживание, печаль). Кроме того, второй фразеологизм выполняет эмоционально-экспрессивную и интенсификационную функции. Оба фразеологизма мотивированно включаются в систему языковых средств произведения, участвуют в создании общей картины с точки зрения содержательной и формальной организации текста, что выражается в текстообразующей функции.

В заключении можно добавить, что креативность автора, его интенции способствуют поро-

ждению художественного текста, достигающего спрогнозированного им коммуникативного и прагматического эффекта, диктующего жанр текста, его эмоциональную тональность и пр. Результатом является оригинальный текст, ориентированный на определенного адресата, вызывающий его рефлексию. Тексты, содержащие фразеологические единицы с компонентом-зоонимом, приобретают черты подлинности и достоверности, поскольку создаются на основе конкретных жизненных ситуаций и оказывают воздействие на человека и общество в целом в плане познавательном, социальном и эстетическом.

Заключение

Проведенный анализ выявил особенности реального бытия зоонимических фразеологических единиц, их функционирования в тексте. Под действием контекста и в результате интегративных отношений ЗФЕ с другими единицами происходит реализация их коннотативных и ассоциативных значений, что проявляется в разнообразии выполняемых ими функций. Нами были выделены языковые и речевые функции, которые, в свою очередь, делятся на базовые и дополнительные. Актуализация тех или иных свойств ЗФЕ обусловлена семантикой, языковой конструкцией и коммуникативной ситуацией. Нужно отметить, что рассмотренные функции взаимосвязаны и проявляются в совокупности (т. е. наблюдается полифункциональность ЗФЕ), вследствие чего представляется затруднительным выделить важнейшую из них, хотя некоторые авторы считают основной, например, нейтрально-назывную функцию [7, с. 112] или экспрессивно-оценочную, но не номинативную функцию ФЕ [4, с. 56]. Бесспорно то, что в конкретных ситуациях та или другая функции выходят на первый план.

Таким образом, зоонимические фразеологизмы представляют собой способ концептуализации содержания текста, что приводит к семантическому усложнению текста в результате интеграции семантических, грамматических и функциональных характеристик данных единиц. ЗФЕ в художественных произведениях характеризуются большой частотой употребления и образностью, специфика их функционирования обусловлена синтезом в своей структуре наблюдений за животным миром и русскими культурных традиций, отражающих библейские и фольклорные истоки и современное эстетическое мировосприятие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Гальперин, И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 4-е изд., стереотипное. – Москва : КомКнига, 2006. – 144 с.
2. **Алефиренко, Н. Ф.** Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистическо-

- го постмодернизма : монографія / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.
3. **Гвоздарев, Ю. А.** Функции фразеологических единиц в русской речи / Ю. А. Гвоздарев // Фразеологическая номинация: Особенности семантики фразеологизмов : межвуз. сб. науч. тр. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 12–19
 4. **Дубровина, К. Н.** Особенности функционирования в языке фразеологических единиц / К. Н. Дубровина // Функциональное описание русского языка : сб. науч. тр. – М., 1995. – С. 53–58.
 5. **Fedulenkova, T.** English Phraseological Units and their Constant Functions // International Journal of Applied and Fundamental Research. – 2013. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-sd.com/455-24463>. – Дата доступа: 18.08.2016.
 6. **Шанский, Н. М.** Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для вузов по спец. "Русский язык и литература". – 4-е. изд., испр. и доп. – СПб. : Специальная Литература, 1996. – 192 с.
 7. **Кунин, А. В.** Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Издание второе, переработанное. – М. : Высшая школа, 1996. – 381 с.
 8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 02.08.2016.

Поступила в редакцию 21.09.2016 г.
 Контакты: olga_yablonskaya@rambler.ru
 (Яблонская Ольга Геннадьевна)

Yablonskaya O.G. FUNCTIONING OF ZONIMIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN LITERARY TEXT.

The article deals with on the problems of definition and classification of the functions performed by phraseological units with zoonimic components. Peculiarities of the mentioned phraseological units functioning in Russian texts of the XX–XXI centuries are studied, the influence of context is analyzed.

Keywords: phraseological units with zoonimic components, functioning of phraseological units, context.

РЭЦЭНЗІІ

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ В ПОЛЬШЕ В СЕРЕДИНЕ XIX в.: ДОКУМЕНТЫ И ФАКТЫ

Специалисты, работающие в области истории образования и культуры, всегда с большим интересом воспринимают новые публикации архивных материалов, раскрывающих ранее неизвестные страницы деятельности учреждений образования разного типа. Благодаря большой исследовательской работе, проведенной профессорами Университета Яна Кохановского (Польша) Эвой Кулей (Институт педагогики и психологии) и Адамом Массальским (Институт истории), читатель имеет возможность познакомиться с протоколами заседаний Совета Народного Просвещения Царства Польского (Królestwa Polskiego)¹ за 1845–1850 гг., опубликованными в двух томах в Польше².

Данное издание имеет следующее содержание: введение (на польском языке); ежемесячные протоколы заседаний Совета за период 1845–1850 гг. (на русском языке); список сокращений и сокращенных названий, библиография, индекс фамилий, индекс местностей (на польском языке); кроме этого, материалы каждого из протоколов сопровождаются подробными ссылками, комментариями авторов (на польском языке).

Рецензируемое издание является логическим продолжением многолетней и успешной работы его составителей. С 1994 г. А. Массальский и Э. Куля проводят оригинальные исследования системы школьного образования в Царстве Польском, часть из которых базируется на результатах изучения целого комплекса архивных материалов. Поскольку часть материалов Главного архива древних актов в Варшаве (Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie) во время Второй мировой войны была сожжена, то основным источником для данного двухтомни-

ка документов явились фонды Государственного исторического архива в Санкт-Петербурге. Как отмечается во введении к «<...> Протоколам заседаний», «своей публикации ожидают протоколы заседаний 1851–1859 гг., также хранящиеся в Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга»³. При этом составители данного двухтомника обращают внимание на то, что они еще «не нашли в российских архивах в Петербурге и Москве подобные документы заседаний Совета 1860–1867 гг.» [1, 8]. Такая хронология архивных поисков польских исследователей обусловлена историей Совета Народного Просвещения, имеющей три периода в своем развитии: 1) 30 сентября 1833 г. – рубеж 1839–1840 гг., 2) начало 1840 г. – рубеж 1849–1850 гг., 3) начало 1850 г. – 1867 г. Таким образом, в данном издании опубликованы протоколы Совета, касающиеся второго периода в его истории.

Период, представленный в «<...> Протоколах заседаний», обусловлен изменениями в системе управления образованием в Царстве Польском после введения нового устава о школьном образовании 1840 года. В связи с этим составители «<...> Протоколов заседаний» обращают внимание на следующие функциональные особенности Совета, которые дополнили направления работы этого управленческого органа первого периода его деятельности: «1) обсуждение проектов новых прав и предписаний, 2) подготовка общих и специальных рапортов, касающихся образования в Польском Королевстве, 3) интерпретация предписаний в школьном образовании, 4) подготовка бюджетов Варшавского Учебного Округа, 5) открытие учреждений образования и науки, а также их материальное обеспечение, 6) надзор за организацией, открытием и закрытием частных школ, а также выдача разрешений на частное обучение, 7) проверка квалификации учителей <...> школ, 8) надзор за подготовкой учебников и методических пособий, 9) проведение расследований в связи с нарушениями и злоупотреблениями учителей, а также в связи со школьными наказаниями, 10) вынесение благодарностей и наказаний, школьных патентов, награждений и перевода учеников в высшие классы, 11) вынесение предложений в связи с пенсиями, увольнением руководителей, передача в суд дел руководителей, учителей и иного персонала учреждений образования, 12) методическое обеспечение школ, 13) заключение контрактов с поставщиками, 14) цензура с изъятием периодических изданий и газет, контроль над завещаниями и частными записями на образовательные цели, 16) контроль за торговлей книгами, 18) организация

¹ Здесь и далее названия государственных, административных и образовательных единиц приводятся в соответствии с их наименованиями в протоколах Совета Народного Просвещения.

² *Rada Wychowania Publicznego w Królestwie Polskim w latach 1845–1850. Protokoły posiedzeń / Opracowali E. Kula, A. Massalski. Łódź – Kielce : Wydawnictwo Marron. T. 1, 2014; T. 2, 2015 (Совет Народного Просвещения Польского Царства в 1845–1850 годах. Протоколы заседаний / Обработали Э. Куля, А. Массальский. Лодзь – Кельце : Издательство Маргон. Т. 1, 2014; Т. 2, 2015).* Далее в рецензии это издание будет называться «<...> Протоколы заседаний».

³ *Rada Wychowania Publicznego w Królestwie Polskim w latach 1845–1850. Protokoły posiedzeń / Opracowali E. Kula, A. Massalski. Łódź – Kielce : Wydawnictwo Marron. T. 1, 2014. – С. 8.* Далее отсылки к цитатам приводятся в тексте рецензии с указанием в скобках номера тома и страницы в нем.

контроля над начальными школами, 19) принятие решения по вопросам освобождения от школьных оплат учеников из неимущих семей, 20) изменения в области школьных программ, 21) утверждение раздела предметов между учителями общих и реальных гимназий, 22) надзор за деятельностью Института Сельского Хозяйства и Лесоводства" [I, 11]. Эти и другие вопросы должны были рассматриваться на заседаниях Совета два раза в неделю. Правда, как отмечается во введении, частотность заседаний Совета не была "такой многочисленной" [I, 15]. Результаты обсуждения разнообразных вопросов фиксировались в протоколах, имеющих форму дневника работы Совета.

Во введении его авторы не только подробным образом описывают процесс их поисковой работы в соответствующих архивах, но и излагают историю деятельности Совета, характеризуют его состав, процессуальные особенности, содержание обсуждаемых вопросов, результаты работы этого органа управления образованием. Такая информация сопровождается соответствующими показательными примерами в связи с обсуждением Советом тех или иных пунктов повестки дня заседаний. Кроме того, авторы введения обращают внимание на особенности методики исследования, отбора и публикации архивных документов [I, 22–23]. Таким образом, данная часть рецензируемого двухтомника является основательным введением в историю деятельности Совета Народного Просвещения Царства Польского за 1845–1850 гг. и имеет несомненную научную значимость, которая подтверждена основным содержанием данного издания.

Представленные в "<...> Протоколах заседаний" материалы достаточно ярко и доказательно иллюстрируют цитированные выше функциональные особенности и направления работы Совета. В связи с этим приведем некоторые примеры.

На заседании Совета от 28 декабря 1844 г. (9 января 1845 г.) рассматривалась записка "Правления Округа, которое предполагало предписать Варшавскому Губернскому Правлению распорядиться об отпуске жалования законоучителю в Ленчицком Уездном училище Ксендзу Францу Уляновскому, соразмерно годовому окладу 270 руб. серебром, начиная с 22 октября (3 ноября) 1844 года из штатной суммы. Определено: утвердить заключение Правления Округа" [I, 39]. Совет достаточно часто рассматривал вопросы, связанные с контингентом учащихся: оплата за обучение, переводы, приемы, возвращения в учебные заведения и др. Так, к примеру, на заседании Совета от 13 (25) августа 1845 г. рассматривалась "записка Правления Округа, которое вследствие рапорта Директора 2-й Варшавской гимназии полагало разрешить наказание ученика сей гимназии [?] Биневича 15 ударами розг за неприличное поведение вне училища" [I, 247]. Заседание

Совета от 7 (19) ноября 1849 г. рассмотрело вопрос, связанный с "предписанием Августовскому Губернскому Правлению произвести вторичное следствие для обнаружения, кто именно взимал с учеников, не принадлежащих к училищному обществу Первоначального Училища в г. Вонсове, за учение плату, не внося оной в подлежащее казначейство". В связи с этим было предписано "Варшавскому Губернскому Правлению, чтобы впредь до окончания решения дела [М.] Гилевскаго приостановить экзекуционные меры ко взысканию причитающихся с него 27 р. 52 1/2 к.с., а вместе с сим взыскать с него штрафа 1 р. 4 к.с. за неупотребление соответственного достоинства Гербовой бумаги" [II, 297].

Содержащиеся в "<...> Протоколах заседаний" материалы представляют интерес для исследователей истории образования на польских территориях, входящих в состав Российской империи в XIX в.

Представленные в данном издании протоколы заседаний Совета Народного Просвещения, ежегодные отчеты куратора Варшавского округа образования (Warszawskiego Okręgu Naukowego) и генеральных инспекторов средних и начальных школ, а также персональные анкеты членов правления просвещения и учителей средних школ и др. дают возможность познакомиться с разными аспектами образовательной политики Царства Польского в 1845–1850 гг.

"<...> Протоколы заседаний" в двух томах – это издание, свидетельствующее о серьезной и многоплановой работе, проведенной Эвой Кулей и Адамом Массальским в рамках государственного гранта научных исследований по программе Государственного Центра Науки Польши. Следует полагать, что запланированное издание этими исследователями материалов заседаний Совета Народного Просвещения Царства Польского за период 1851–1859 гг. будет таким же основательным и успешным.

В завершение данной рецензии хочется обратить внимание на целесообразность дальнейших архивных исследований Эвы Кули и Адама Массальского с целью изучения и подготовки к публикации документов заседаний Совета за 1860–1867 гг. Результаты такой работы польских исследователей в совокупности с данным и планируемым изданием представят более полную картину в документах и фактах истории управления образованием в Царстве Польском середины XIX в.

А. Н. Макаревич,
доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы
и межкультурных коммуникаций
МГУ имени А. А. Кулешова

29.09.2016 г.

**АФОРИСТИЧНОСТЬ
И ФАКТОЛОГИЧНОСТЬ
ОДНОФРАЗОВЫХ ТЕКСТОВ**

Рецензия на монографию Э.Д. Береговской
"Стилистика однофразового текста:
на материале русского, французского,
английского и немецкого языков"
(Москва: URSS: Ленанд, 2015. 344 с.)

Информационное пространство, в котором живет современный человек, насыщено текстами, состоящими всего из одной фразы, но имеющими различное содержание, разнообразные жанровые формы и самые разные сферы коммуникации. Такие тексты представляют собой специфическую разновидность текста – минимальный текст, в котором стирается грань между отдельным предложением и целым текстом. Происхождение однофразовых текстов уходит в глубокую древность. Это и изречения восточных и античных мудрецов, и малые стихотворные формы, и эпитафии, и монументальные надписи, и паремии и др. Однако самыми древними однофразовыми текстами были, видимо, всевозможные (изначально ритуальные) надписи на предметах. Многие разновидности текста имеют только монофрагментальную форму, что позволяет выделять однофразовый текст в отдельный объект изучения риторики, филологии и лингвистики, общей теории текста, а также ряда частных дисциплин, прежде всего стилистики.

Стилистическому аспекту однофразовых текстов посвящена монография Э.Д. Береговской "Стилистика однофразового текста: на материале русского, французского, английского и немецкого языков", опубликованная в известном российском издательстве "Едиториал URSS", которое специализируется на издании классических и инновационных лингвистических трудов. Именно к числу последних, безусловно, относится и рецензируемая монография, в которой впервые в лингвистике на огромном фактическом материале (из четырех языков разных групп) разработана типология однофразовых текстов, осуществлен их глубокий стилистический анализ, описаны особенности их семантики и грамматики.

Монография состоит из введения, семи различных по объему глав, содержательного заключения и весьма представительного библиографического списка. Во введении автор очерчивает параметры однофразового текста как объекта лингвистического изучения. В главе 1 "Типология однофразового текста" определяются виды однофразового текста и его связи с другими типами текстов. В главе 2 "Семантика однофразового текста" рассматриваются смысловая независимость и тема-рематическое равновесие однофразового текста, его переносный смысл, хронопом и изменение модальности

в однофразовом тексте, феномен фантомного текста, а также сочетание вербальных и невербальных слагаемых смысла однофразового текста. В главе 3 "Грамматика однофразового текста в стилистическом аспекте" описываются особенности синтаксиса однофразового текста и употребляемых в нем синтаксических фигур. В главе 4 "Функционально-стилистическая характеристика однофразового текста" исследуется монофрагментальный текст в разных функциональных стилях и в интерстилевом пространстве, клише в однофразовом тексте и феномен его дефектности. В главе 5 "Однофразовый текст в художественной речи" анализируется однофразовый текст в фольклоре, специфика поэты 33-37ического и прозаического однофразового текста, размер предложения как стилистический фактор в поэзии и прозе, а также однофразовая пародия. В главе 6 "Людический аспект однофразового текста" исследуется проблема игры в фольклорной и литературной традициях, каламбур в однофразовом тексте, принцип организации однофразового текста как игровой момент, языковая игра и невербальные элементы, чужой текст как материал для языковой игры в однофразовом тексте. В главе 7 "Некоторые малоизученные виды однофразового текста" рассматриваются ходячая шутка, спиритуатив (bon mot), палиндром, автограф, запись в книге отзывов, надпись на значке, инскрипт на предмете, а также студенческие надписи на партах. В заключении, которое вопреки традиции имеет собственно название ("Однофразовый текст как элемент национальной культуры"), указывается на ярко выраженную национально-культурную семантику однофразового текста и обобщаются его основные категориальные признаки как специфического вида текста.

В качестве ядерных видов однофразовых текстов в рецензируемой монографии квалифицированы афоризм и квазиафоризм, а также пословица, лозунг, девиз, философская максима, аксиома, которые в современной лингвистике относят, как правило, к афористическим фразам. При этом понятия "афоризм" и "афористичность" автором монографии специально не определяются (в том числе не дается ссылок на существующие их определения), но вместе с тем ряд категориальных и дифференциальных признаков афоризма как единицы языка и речи приписывается однофразовому тексту как виду текста – "монофрагментальность" ("как первый и главный признак", который "отличает однофразовый текст от всякого другого"), "преобладание автосемантии", "тенденция к клишированию", "способность к разнообразным трансформациям", "склонность к циклизации", "адресованность самой широкой аудитории" и др. (стр. 309–311). В этой связи возникает проблема соотношения явлений и понятий афористичности и монофрагментальности, которая не нашла своего отражения

в рецензируемой монографии. Данная проблема, на наш взгляд, имеет принципиальный характер для таксономии как малых текстовых форм, так и высших единиц языка (речи).

На наш взгляд, афоризм нецелесообразно квалифицировать в терминах лингвистики как "канонический текст" наряду с пословицей, поговоркой и т. п. (стр. 22) на том основании, что афоризм как лингвистическая единица обладает набором свойств (понимаемых по-разному различными лингвистами, но легко выделяемых и определяемых), основным из которых является свойство афористичности (также понимаемое по-разному, но всегда выделяемое и определяемое). Если обратиться к самому широкому пониманию афористичности как краткости, лаконичности (характеризующих форму афоризма), то в таком случае понятие афористичности полностью совпадает с понятием монофрастичности, поскольку в большинстве своих определений афоризм квалифицируется как краткая, лаконичная фраза, синтаксически эквивалентная предложению (т. е. объемы понятий афоризма и однофразового текста оказываются тождественными). Такое тождество (всякий афоризм является однофразовым текстом, и всякий однофразовый текст является афоризмом), конечно, является парадоксальным, поскольку в действительности понятия однофразового текста и афоризма находятся между собой в отношении гиперонимии (всякий афоризм является однофразовым текстом, но не всякий однофразовый текст является афоризмом). Указанный парадокс нейтрализуется, если обратиться к узкому пониманию свойства афористичности как универсальной обобщенности значения (характеризующей семантику афоризма). В таком слу-

чае понятия афористичности и монофрастичности (как и понятия афоризма и однофразового текста) образуют непротиворечивую гиперонимическую пару, что полностью соответствует действительности (всякий афоризм является однофразовым текстом, но только тот однофразовый текст является афоризмом, который имеет обобщенно-универсальную семантику).

На этом основании нельзя рассматривать афоризм как вид однофразового текста (вопреки Э.М. Береговской), поскольку свойство афористичности в узком смысле может быть в той или иной степени присуще многим из описанных в рецензируемой монографии более 70 видов однофразового текста (афористическими, т. е. афоризмами, могут быть и рекламный, и плакатный текст, и подпись под рисунком или фотоснимком, и альбомная запись, и автограф на книге, и заголовок, и граффити, и тост, и ходячая шутка, и острота, и эпиграмма, и эпиграфия, и пародия, и футбольная речевка, и крик уличного торговца, и моностих, и приписка к чужому тексту, и надпись на значке, на майке, на часах, на спортивном кубке и т. д.).

Однако то, что афоризм по своей форме является типичным монофрастическим текстом, позволило автору с присущей ей тщательностью, вниманием к мельчайшим явлениям языка и безупречным лингвистическим вкусом впервые в лингвистике описать в монографии все стилистическое разнообразие афоризма как речевого жанра.

Е.Е. Иванов,
кандидат филологических наук,
доцент, член Фразеологической комиссии
при Международном комитете славистов